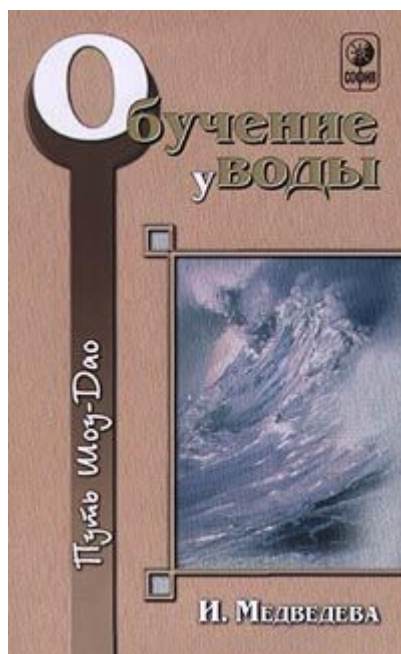

Александр Николаевич Медведев, Ирина Борисовна Медведева

Обучение у воды

Путь Шоу-Дао – 2

Аннотация

Книга "Обучение у воды" – продолжение рассказа о периоде ученичества А.Медведева у мастера даосской школы Шоу-Дао, последователя древнего учения клана «Спокойных» или "Бессмертных".

Александр Медведев, Ирина Медведева

Обучение у воды

Предисловие

На этой земле сильное гнетет слабое, твердое давит мягкое, злое теснит доброе, ищущие не находят, жаждущие не утоляют жажды. Но это вовсе не означает, что не может быть по-другому.

Владеющий Шоу кормит коня волчьим мясом...

Ли Н.

Дорогие друзья! Я очень благодарен вам за теплый прием первой книги серии "Путь Шоу-Дао" – "Тайное учение даосских воинов" и надеюсь, что книгу "Обучение у воды" вы примете с такой же благожелательностью и найдете в ней ответы на многие вопросы, которые вы задаете мне в письмах.

Еще раз напоминаю, что события, о которых повествует эта книга, произошли в период моего ученичества у Ли Н., несравненного мастера рукопашного боя и Хранителя Знаний тайного китайского клана Шоу-Дао – «Спокойных» или «Бессмертных», и записаны с моих слов моей женой.

С наилучшими пожеланиями.

А.Н.Медведев.

Книга "Обучение у воды" – продолжение рассказа о периоде моего ученичества у Ли – мастера даосской школы Шоу-Дао, последователя древнего учения клана «Спокойных» или «Бессмертных». Более подробно об этой школе можно узнать из книги "Тайное учение даосских воинов".

Написать предисловие ко второй книге, посвященной той же самой теме – довольно сложная задача, потому что, с одной стороны, не хочется утомлять повторением читателей, знакомых с первым томом серии "Путь Шоу-Дао", а с другой стороны, было бы слишком самонадеянно предполагать, что все, читающие эти строки, уже знают, о чем идет речь.

К моменту встречи с Учителем я был законченным фанатом боевых искусств. Я изучал самбо, дзю-до, карате, кунг-фу и все виды рукопашного боя, информацию о которых мне удавалось достать. В кругах любителей боевых искусств я пользовался достаточной популярностью и преподавал рукопашный бой сотрудникам органов госбезопасности и милиции.

Я познакомился с Ли в Симферополе, где я в то время жил. На первый взгляд встреча казалась случайной, хотя впоследствии я узнал, что Учитель все подготовил и спланировал заранее.

Ли попросил меня обучить его карате и притворился крайне тупым и бестолковым. После нескольких часов безнадежных занятий он заявил, что ничего не может делать на земле, но в воздухе он не имеет себе равных. Затем он продемонстрировал мне технику прыжков настолько фантастическую, что на первый взгляд она мне показалась превосходящей все физические возможности человека.

Некоторое время Ли обучал меня прыжкам, и я, с толком используя время на лекциях в институте, исписал несколько общих тетрадей техниками и упражнениями, которые он мне показывал.

Однажды я обмолвился о своих конспектах, и Ли попросил принести ему записи. Он удивился тому, как хорошо я все описал и как верно выделил основные движения. Ли попросил разрешения взять тетради, чтобы посмотреть их дома. На следующий день он сказал, что сжег мои конспекты, потому что все написанное привязывает к себе человека, и впервые показал мне технику рукопашного боя Шоу-Дао. Так я стал его учеником.

Вначале я считал Ли непревзойденным мастером рукопашного боя. Много позже я понял, что он – мастер жизни, а я превратился в одного из последователей тайного учения "Бессмертных".

На первом этапе моего ученичества Ли использовал формы поведения, в своих крайних проявлениях доходящие до абсурда, чтобы заставить меня осознать, что истина никогда не лежит на поверхности событий, а находится посередине между двух крайностей, между двух сторон медали, между «да» и «нет». Своей манерой общения он разрушал стереотипы поведения и установки, с детства заложенные в меня родителями и окружением, и на их месте создавал новое чарующее мироощущение воинов жизни, «Спокойных», следующих по пути Шоу-Дао.

Я до сих пор точно не знаю, почему Ли выбрал именно меня своим учеником. Он впоследствии давал мне разные объяснения этого решения, но, как я понимаю, каждое из этих объяснений предназначалось для того уровня сознания, которое у меня было в данный момент.

Одним из первых объяснений была довольно красивая и романтическая история, в которой мой отец когда-то на лесосплаве спас жизнь его отцу, и теперь Ли разыскал меня, потому что долги отцов

платит сын сыну, и обучение меня Шоу-Дао – своеобразная форма оплаты долга его отца моему отцу.

Когда первый этап моего ученичества закончился. Ли намекнул, что история оплаты долга была вымыслом и сказал, что люди бывают самых различных типов или форм, и в зависимости от их типа или формы они могут воспринять ту или иную область знания. Ли сравнил тип людей с формой стеклянного сосуда, а знания – с водой. Сосуд можно наполнить водой до половины или до краев, но форма сосуда от этого не изменится. Человека, имеющего форму воина можно наполнить соответствующими знаниями и сделать его великим воином, но очень трудно придать ему форму отшельника или купца.

Ли объяснил, что я обладал одной из самых редких форм – формой Хранителя Знания, формой наиболее универсальной и предназначенной для того, чтобы накапливать знания и передавать их людям. Учитель сказал, что пришла пора передать тайные знания Шоу людям Запада, и я – первый европеец, предназначенный для передачи этих знаний.

Услышав это, я лишь скептически усмехнулся. Я встретился с Ли в тот период, когда эзотерические учения и восточная философия рассматривались как враждебная идеология, и я был вынужден отрицать сам факт существования Ли, потому что люди из КГБ заинтересовались новыми, никому не известными техниками, которые я показывал своим ученикам и даже установили за мной наблюдение в попытке отыскать Учителя.

Я поделился своими сомнениями с Ли.

– Ты видишь только то, что есть сейчас, – сказал он. – Но будущее тебя еще удивит...

История клана Шоу-Дао началась около пяти тысяч лет назад, когда небольшое языческое племя людей с севера Европы из-за стычек с другими племенами вынуждено было начать кочевать сначала в Индию, а потом в Китай. Племя поклонялось дереву. По мере продвижения на восток оно вбирало в себя людей других национальностей и вероисповеданий, но сохраняло общность ритуалов и традицию поклонения дереву, как символу жизни.

В Индии клан стал называться "Ветви дерева", а перед переходом в Китай изменил название на "Спокойные".

Упоминание о «Спокойных» я нашел в книге Ю.М.Иванова "Как управлять собой и влиять на других людей" Москва, 1991 г, где сказано следующее:

"Даосизм возник в древнем Китае на основе философско-этических представлений сект «Спокойных», появившихся в Китае еще до конфуцианства. «Спокойные» провозглашали усовершенствование личности, как высшую цель человеческой жизни. Они признавали реальность существования внешнего мира и утверждали, что познание внешнего мира может быть достигнуто лишь при устойчивом равновесии внутреннего мира."

В Китае культ поклонения дереву слился с учением о пяти первоэлементах – у-син и превратился в учение о человеке-дереве, где «дерево» – символ совершенства, итог долгих трудов, мучений и тревог. «Человек-дерево» был воином и философом, хранителем знаний и носителем добра, врачом и поэтом, художником и крестьянином в одном лице.

После слияния с некоторыми китайскими додаосскими и даосскими школами «Спокойные» стали называть себя «Бессмертными». Впоследствии из-за идеологических преследований, для того, чтобы замаскировать свой учение, они, оставив почти прежнее звучание, изменили в своем названии написание иероглифа Шоу, означающего «Спокойствие», на иероглиф «Шоу», означающий «кисть», "рука" и укрылись под маской обычной школы рукопашного боя. Так что «Шоу-Дао» можно перевести двояко: "путь спокойствия" или "путь кисти".

Вся система подготовки членов клана была направлена на достижение основной цели – бессмертия в физическом теле. Учитывая, что жизнь в средневековом Китае была крайне тяжелой и опасной, клану приходилось в первую очередь решать частные, но более насущные задачи – задачи выживания в чуждой и враждебной среде. Решение этих задач требовало всесторонней и очень суровой подготовки. Мастерами клана был выработан чрезвычайно мощный и эффективный стиль рукопашного боя, последователи Шоу-Дао изучали все возможные науки, которые могли им пригодиться на суровом жизненном пути-медицину, психологию, техники шпионажа, методы воздействия на людей и управления ими, способы зарабатывать деньги, различные ремесла и многое-многое другое.

Обучение и мироосознание воинов жизни базировалось на учении "Вкус плода с дерева жизни" и на философии «Спокойных», очень гармоничной и гибкой, всегда придерживающейся среднего пути между крайностями, между «да» и «нет», избегающей догм и жестких формулировок и предписаний.

Книга "Обучение у воды" в основном посвящена событиям, произошедшим в период моего бо-

лее чем полугодового обучения в лесах Партизанского водохранилища вместе с моим напарником Славой Скворцовым, которого Ли отобрал для меня из нескольких кандидатов.

Ли проводил занятия в ритме три часа – тренировка, три часа – отдых и прием пищи. Этот цикл повторялся непрерывно. Во время изнурительных физических занятий Учитель заставлял нас дополнительно выполнять всевозможные медитативные упражнения и одновременно рассказывал обо всем на свете: об истории клана, его легендах и притчах, передавал медицинские знания, теорию общения и управления людьми, говорил о философии, системах жестов, тайных знаках, шпионских уловках и о многом другом.

Объем полученных знаний был настолько огромен, что было бы просто невозможно излагать события в хронологическом порядке, потому что информации, полученной мной за несколько дней обучения уже хватило бы на целый том. Поэтому, как и в предыдущей книге, я не смогу уделять много внимания техникам рукопашного боя, и буду описывать только некоторые интересные моменты и события. Снова напоминаю, что имена участников описанных в книге событий изменены.

Глава 1

Мы тренировались на Неаполе Скифском. Ли подал мне знак закончить упражнение и присел на обломок скалы. Я устроился рядом с ним.

– Ты занимаешься слишком мало. Это все равно что тратить время впустую, – недовольно сказал Учитель.

– Но Ли, мы ведь встречаемся и тренируемся почти каждый день, – возразил я. – И я выполняю все, что ты говоришь. Я занимаюсь дома и в группах с учениками. Разве этого недостаточно?

– Для европейца это может быть более чем достаточно, – сказал Ли. – Но у нас слишком мало времени. Я и так отошел от традиций воинов жизни и подготавливаю тебя слишком быстрыми темпами, но чтобы достичь нужных результатов, необходим совершенно иной тип обучения.

– Какой именно? – поинтересовался я.

– Все воины «Спокойных» проходят через трехлетний период непрерывного обучения в лесах наедине с Учителем.

– Непрерывного? Как это?

– Три года они занимаются по схеме – три часа занятий, три часа – отдых, восстановление и прием пищи. И так без перерыва.

– Но это наверно ужасно тяжело? – поразился я.

– А кто сказал, что жизнь – легкая штука? – усмехнулся Ли.

Я задумался. Идея провести в лесах три года в обществе Учителя, непрерывно тренируясь, казалась мне необычайно заманчивой, но, к сожалению, почти нереальной. Мне пришлось бы бросить институт, оставить больную мать. Кроме того, Комитет Госбезопасности не оставил бы без внимания мое исчезновение, а тут еще и закон о тунеядстве...

Я тяжело вздохнул.

Ли с интересом наблюдал за мной.

– Неужели ты всерьез думаешь о том, что я смог бы вынести твое общество в течение трех лет? – насмешливо спросил он. – Нет, три года – это чересчур, а вот за полгода мы, пожалуй, смогли бы что-то сделать.

– Полгода? Ты это серьезно? – встрепнулся я.

– Вполне серьезно, – ответил он.

– Можно использовать три месяца летних каникул. Но как мне смыться из института еще на три месяца?

– А вот это твоя проблема, дружок, – сказал Ли. Несколько дней я ломал голову, гадая, как выкроить еще пару свободных месяцев, но ничего не мог придумать. Как-то я упомянул об этой своей проблеме в разговоре с моим тренером по дзю-до Игорем Васильевичем Бощенко, и неожиданно для меня он сказал:

– Зайди после тренировки ко мне в кабинет. Думаю, что я смогу тебе помочь.

Мне пришлось подождать некоторое время, пока Игорь Васильевич решал какие-то вопросы с одним из преподавателей института, и я, привыкший использовать каждую секунду свободного времени для восстановления после изнурительных тренировок с Ли, заснул на вершине сложенных стопкой борцовских матов.

Вскоре тренер разбудил меня, и мы пошли в его кабинет. Он уселся за стол, достал из ящика какую-то бумагу и, улыбаясь, протянул ее мне.

– Что это? – спросил я.

– То, что ты хотел. Свободное время, – ответил тренер. – Это направление на преддипломную практику в совхоз «Жемчужный». Директор совхоза – мой друг. Ему нужен хороший инструктор по дзю-до и самбо. Ты будешь числиться помощником бригадира, но вместо этого тебе придется раз или два в неделю вести несколько спортивных секций, а все остальное время будешь свободен, как ветер.

Я горячо поблагодарил тренера, и, взяв заявку, отнес ее в деканат и положил в папку нашей группы.

Через несколько дней я купил билет на автобус и, отыскав контору директора совхоза «Жемчужный», занял очередь к нему на прием. Через всю приемную по чисто вымытому полу к кабинету директора вела толстая липкая дорожка темно-бурой весенней грязи. Люди сновали туда-сюда, как потревоженные муравьи. Ожидаящие своей очереди с жаром делились друг с другом последними новостями и сплетнями.

Наконец меня пригласили в кабинет. Я удивился относительной молодости директора совхоза. Он был подтянутым и энергичным. В нескольких словах директор ввел меня в курс дела.

– Я знаю, что тебе нужно свободное время, – сказал он. – Ты будешь вести несколько спортивных секций для нашей молодежи. Все, что от тебя требуется – это две тренировки в неделю.

– Хорошо, – согласился я.

Директор нажал кнопку селекторной связи и произнес:

– Пригласите ко мне физорга Анатолия.

Анатолий оказался приятным компанейским парнем, слегка задумчивым и меланхоличным.

Первым делом он показал мне столовую и общежитие, где я должен был ночевать, а потом мы отправились в спортзал. По дороге Анатолий посвящал меня в тонкости и особенности местной жизни, которая сама по себе оказалась довольно любопытной.

Два винодельческих совхоза, выпускавшие одни из лучших сортов крымского вина, располагались недалеко друг от друга, и, видимо в связи с этим, народ окрестил эту местность пьяным хутором. Такая мощная концентрация винодельческой промышленности на квадратный километр повлияла на образ жизни и специфический характер обитателей совхозов. Население имело гораздо более свободный доступ к вину, чем жители других, обычных совхозов, и система контрабанды спиртного могла бы посрамить занимавшихся тем же самым промыслом американских гангстеров времен сухого закона в США.

О несунах, наиболее прославившихся на этом нелегком поприще, ходили легенды. Анатолий с гордостью поведал мне о подвиге своего соседа, дяди Миши, который на спор умудрился вынести с завода огромный десятилитровый бутыль с вином, укрыв его в складках собственного тела. Дело в том, что дядя Миша отличался весьма внушительными размерами. Он втянул живот, и, засунув бутыль за пояс штанов, как мантией покрыл его жировыми складками, а сверху замаскировал одетой навыпуск рубахой.

Осмотр на проходной местный герой прошел на задержке дыхания, а на выходе его подхватили под руки добровольные ассистенты, которые, сорвав с него брюки, вынули бутыль, и дядя Миша смог, наконец, вздохнуть.

Столовая совхоза тоже оказалась местной достопримечательностью. Над основным залом находилась со вкусом отделанная надстройка, где в уютной обстановке директор совхоза беседовал с чиновниками вышестоящих инстанций, ответственных за снабжение совхоза дефицитной техникой, материалами и саженцами.

Шум веселых и непринужденных банкетов застойного времени разносился далеко по селу. Лились рекой редкие крымские вина, столы ломились от всевозможных яств, а совхоз вовремя получал трактора и стройматериалы. Тем или иным способом горящий энтузиазмом директор совхоза добивался своего, и совхоз пребывал в числе передовых.

Я узнал, что деньги на банкеты совхоз получал, оформляя ведомости по выплате зарплаты инструкторам физической подготовки. Так что моя зарплата инструктора уходила на благие цели процветания совхоза, но зато я получал зарплату согласно предписанию преддипломной практики как помощник бригадира. Меня это вполне устраивало.

После вкусного обеда в гостях у физорга, мы, наконец, добрались и до спортзалов. Спортзалы располагались в небольших комнатах сырого подвального помещения, стены которого были живописно испещрены трещинами и сплошь покрыты большими пятнами плесени, похожими на пушистый белый мех. В одной из комнат лежала стопка подгнивших матов, в другой стояли столы для тенниса.

В тот же вечер я приступил к работе. Мне пришлось вести одновременно восемь секций, вклю-

чая бокс, борьбу, художественную гимнастику и настольный теннис, в котором я просто ничего не смыслил. Но совхозные ребята оказались очень приятными и доброжелательными, к тому же они прекрасно понимали ситуацию. Всем им хотелось, чтобы в надстройке над столовой шумели буйные застолья, и совхоз продолжал оставаться в числе передовых.

На следующий день я приехал на Партизанское водохранилище и уже привычными мне лесными тропами отправился на место тренировки. На почти незаметной за деревьями лесной поляне я увидел Славику, моего напарника, и Учителя.

Славик выполнял стойку на пальцах, его ноги опирались о ствол дерева. Он был в милицейской форме, и я понял, что мой друг снова сбежал с дежурства. Славик в ту пору работал милиционером и занимался охраной Партизанского водохранилища. Коллеги по работе любили его за открытый и добрый характер, хотя и считали его парнем с придурью, поскольку он никогда не употреблял спиртного и каждую свободную минуту тренировался. Так что никто не возражал, когда Славик отмечался в журнале, а потом исчезал в лесу до момента, когда снова было необходимо отметиться или показаться на глаза начальству.

Ли сделал жест левой рукой, означавший одновременно и приветствие и то, что первые три часа тренировки должны проходить в полном молчании. Славик, не прерывая упражнения, поворотом головы дал мне знать, что его радует мое появление.

Тренировки, проходящие в полном молчании, Ли ввел почти с самого начала моего обучения. Иногда он тоже молчал, иногда что-то говорил, но нам говорить было категорически запрещено.

На первых порах мне было трудно привыкнуть соблюдать полное молчание, особенно когда нужно было задать вопрос по поводу непонятной техники или движения. Однажды я, отвлекшись, нарушил запрет, и тут же получил увесистую оплеуху, которая навсегда приучила меня контролировать свое поведение.

– Жажда заменять осознание и действие словами принимает у европейцев болезненные формы. – сказал Учитель. – Сохранение молчания избавит тебя от излишней говорливости, доходящей у европейцев до того, что говорящий слушает только себя и никого другого. Когда я разрешаю тебе говорить, ты, в погоне за собственными ускользающими мыслями даже не дослушиваешь до конца ответ, и не осознав полученную информацию, еще не получив ответ, уже задаешь следующий вопрос. Для воина «Спокойных» задать новый вопрос, не уделив достаточного внимания ответу на предыдущий, считается смертельным грехом, потому что таким образом убивается знание. Человек, лишенный возможности задавать вопросы, теряет возможность перекладывать поиск ответа на других и учится искать ответы сам, развивая тем самым скорость и остроту мышления.

Ли жестом дал Славику закончить упражнение и начать со мной легкий разминочный спарринг. Я улыбнулся, подумав, что мне предоставляется прекрасная возможность безнаказанно побить милиционера в форме.

Потом Учитель приступил к показу новой техники. Молниеносным движением подскочив к Славику, он нанес ему ощутимый удар-касание в область носа, и голова моего напарника запрокинулась, обнажив горло. Костяшки пальцев Ли обозначили удар в горло. Его пальцы были слегка раскрыты, и создавалось впечатление, что при ударе не полностью сжатый кулак начинал проваливаться в горло атакуемого, а постепенно раскрывающиеся пальцы скользили в выемку между ключицами.

Удар, поражающий горло, давал возможность перехода к другим действиям – или к захвату за ключицу, или к поражению зоны между ключицами, или к воздействию на нервный центр, расположенный рядом с межключичной выемкой. При нажатии на этот центр тело под действием боли разворачивалось, ноги подкашивались, и человек со всего маха падал на землю.

Учитель, как всегда, выполнил прием на грани сильной боли и на грани травмы, но не причинив Славику никакого вреда. Причинение боли при показе приемов было необходимо для ощущения реального действия приема в бою, чтобы спровоцировать так называемые предусмотренные реакции или телодвижения, рефлекторно выполняемые телом под действием испытываемой боли. Зная предусмотренные реакции, можно было предсказать поведение противника и продолжить атаку соответствующим действием.

Например, при ударе по глазам, в зависимости от направления этого удара, атакуемый мог повернуть голову или опустить ее, наклониться или развернуться, открывая тем самым новую уязвимую зону.

Мы стали по очереди отрабатывать связку, показанную Ли, варьируя направления ударов и разучивая предусмотренные движения и соответствующие им действия. Удары Славики были болезненными, но я к этому уже привык, и не реагировал на болевые воздействия так остро, как раньше. Ли присел на пенек и монотонным, входящим в подсознание голосом начал беседу с нами. Он гово-

рил, периодически повторяя наиболее важные моменты и передавая нам необходимые ощущения, доводя нас до такого состояния, что, казалось, его слова воспринимаются не ушами или умом, а всей поверхностью кожи, отдаваясь в ней легкой вибрацией и мгновенно продуцируя в теле то ощущение, которое Ли хотел нам передать.

– Подружитесь с болью, – говорил Учитель, – привыкните к ней и полюбите ее. Сделайте ее своим другом, своей любовницей, своим наставником. Воин и боль связаны друг с другом, как сиамские близнецы, как море и соль, как ножны и клинок.

Пропускайте боль через себя, отстраняйтесь от нее, управляйте ею, наслаждайтесь ею, как страстной и сильной женщиной, которая возбуждает вас, но не поглощает. Сексуальная энергия и боль связаны самой природой. Когда мужчина делает девственницу женщиной, мощь подъема сексуальной энергии заглушает боль от прорыва девственной плевы. Когда самцы животных дерутся из-за самки, сексуальное желание заглушает боль от полученных ран.

Извращенное восприятие срачивания сексуального наслаждения и боли порождает садизм и мазохизм. Искусство воина заключается в том, чтобы управлять болью с помощью сексуальной энергии и управлять сексуальной энергией с помощью боли, но не срачивать их, не отождествлять удовольствие от причинения боли или от ощущения боли с наслаждением или наслаждение с причинением или ощущением боли. Боль не должна превращаться в наркотик, одурманивающий ваше сознание, и в то же время вы не можете позволить боли разрушать вашу волю и исказить восприятие окружающего мира.

Каждый ученик должен прочувствовать на себе дозированное болевое усилие, иначе он не будет верить приему, не будет чувствовать прием. Как для большинства новичков, еще не достигших мастерства, прием – это не более, чем движение, выполняемое на тренировке. Оно не наполнено еще той интуитивной уверенностью, которой требует каждое движение, выполняемое в реальной боевой ситуации. Вам никогда не представится возможность проверить сотни и тысячи разящих приемов Шоу-Дао на противниках в реальном поединке. Поэтому крайне важно добиться того, чтобы ваше тело помнило дозированные усилия при воздействии и верило в эффективность приемов.

Человек, прочувствовавший на себе даже малую толику болезненности приема, никогда не усомнится в эффективности болевого воздействия на противника. Даже в случае неудачи этого воздействия, он будет знать, что определенный урон все равно нанесен, и без остановки, без тени сомнения будет продолжать бой и сокрушать болевыми воздействиями оборону и волю противника. Каждое подобное воздействие ослабляет противника, ведет к его поражению. Поэтому для воина необходимы не только физическая сила и техника, но и умение терпеть боль, наслаждаться ею, черпать из нее силы, но не позволять ей ослабить и измотать себя.

Под воздействием голоса Учителя, мы проводили приемы все резче и сильнее, однако полностью контролируя себя, чтобы не травмировать партнера. Ритм ускорялся, мы входили в состояние, создающее ощущение абсолютной реальности поединка с его эманациями ярости, неукротимости и непоколебимой решимости идти до конца. Чтобы подогреть эмоциональную вовлеченность, мы сопровождали моменты пикового напряжения рычанием, урчанием, повизгиванием и резкими вскриками.

– Многие из мастеров других стилей, – продолжал Ли, – получают удовольствие от причинения боли ученикам, потому что это возвышает их в их собственных глазах. Вы же должны получать наслаждение не от того, что причиняете кому-то боль, а от правильно выполненной техники. Ни в коем случае нельзя терять чувство меры. Всегда ощущайте грань, за которой появляется возможность травмирования партнера. Но в то же время, особенно это важно при болевых захватах, необходимо полностью внутренне прочувствовать весь путь движения до конца. Естественно, что в конце вы отпустите партнера, чтобы предотвратить увечье, но в вашем воображении, в вашем подсознании вы сохраните образ приема, выполненного с максимальной жестокостью и степенью травмирования.

Неуловимым движением Ли вскочил на ноги и, толчком в плечо отбросив меня в сторону, снова кулаком ударил Славика в лицо. Непроизвольным движением мой напарник повернул голову в сторону, и костяшки пальцев Учителя вместо носа впились в нервный центр на щеке, давая понять, что даже при повороте головы эффект от связки будет тем же. Другой рукой Ли обозначил удар вместо горла в область сонной артерии.

Мы начали отрабатывать новый вариант связки. Мой удар был настолько быстр, что несмотря на свою подготовку на уровне мастера спорта по боксу, Славик не успевал отреагировать.

Тактические удары «Спокойных» отличаются короткой траекторией и невозможностью заметить начала атаки. Так при ударе рукой не было выраженного движения плеча, усиливающего удар, но в то же время предупреждавшего противника о моменте нападения. Удары ног в таких случаях

шли без подъема колена, оно как бы следовало вместе со стопой по кривой траектории изнутри, и удар находил цель раньше, чем противник догадывался о его совершении. Для того, чтобы сделать удар более мощным, вместо предварительных усиливающих движений использовались другие техники.

Незаметно подкрадывающаяся усталость стала сказываться на скорости и точности исполнения.

– Резче, быстрее! – выкрикнул Учитель. – Проводите прием так, как будто делаете его в последний раз, как будто от этого зависит ваша жизнь.

Он снова изменил задание, и мы начали отрабатывать новые связки.

Уже давно во время тренировок с Ли я начал наблюдать в период боя раздвоение или расстроевание своей личности. Это было связано с упражнениями по приему информации по нескольким каналам. Одна из моих личностей вела бой, другая впитывала слова Учителя.

Ли скрылся в лесу и стал перемещаться среди деревьев, время от времени ломая ветки или производя какой-то другой шум. Еще одной частью своего сознания я должен был чувствовать его местонахождение, потому что вовлеченность в локальную схватку не должна мешать воину реагировать на все, происходящее вокруг него. Тогда его невозможно будет застать врасплох.

Учитель снова подошел к нам и гнусным, полным презрения голосом начал отпускать замечания в наш адрес.

– Вы похожи на беременных женщин, корчащихся от схваток, – говорил он. – Прошло несколько минут, а вы уже задыхаетесь и подываете от боли, не в силах даже точно нанести удар. Я знал, что европейцы тупы, трусливы и бестолковы, но не представлял, до какой степени. Вам должно быть стыдно называть себя мужчинами, вы просто неповоротливые ожиревшие бараны, для которых искусство боя состоит в том, чтобы тупо и бесцельно сталкиваться рогами, окончательно теряя способность мыслить...

Еще одна часть моего сознания была сосредоточена на издевательских фразах Учителя. Я вспоминал другие его высказывания в подобных ситуациях. С одной стороны я понимал, что он делает все это намеренно, чтобы отвлечь нас от изматывающей боли и усталости, но с другой стороны некоторые его слова вызвали очень болезненный отклик.

– Психика человека похожа на его тело, – сказал однажды Ли. – Если ты давишь на какую-либо зону тела, и оно реагирует на это нормальным ощущением, это означает, что зона здорова, и энергия в ней пребывает в равновесии. Но если чувствительность слишком слабая или, наоборот, гипертрофированная, это свидетельствует о заболевании, о нарушении баланса, о недостатке или избытке энергии. Если человек уделяет достаточно внимания своему телу, правильным обращением с ним ликвидируя вредные воздействия окружающей среды и любые болезненные проявления, то все зоны его тела имеют нормальную чувствительность.

То же самое происходит и с психикой человека. Психика тоже управляется энергией, как и тело, но энергией другого рода. С самого рождения психика человека подвергается множеству стрессов и негативных воздействий. При правильном воспитании психика сильна и уравновешена. На любое стрессовое воздействие она отвечает нормальным устойчивым сопротивлением. Если же какое-то слово, событие или ситуация вызывает чересчур преувеличенную и неадекватную эмоциональную реакцию, или, наоборот, неадекватную бесчувственность, заторможенность, это означает, что с данной зоной психики не все в порядке.

Теория воинов, городов и крепостей, которая используется для лечения тела, справедлива и для восстановления и гармонизации психики. Помнишь, я учил тебя отыскивать зоны тела с повышенной чувствительностью, воздействовать на них, затем переходить к областям, в которых отдается предыдущее воздействие, массировать их, и так до тех пор, пока не восстановится нормальная чувствительность во всей цепочке связанных рефлекторной отдачей зон.

Психика человека откликается на любое воздействие окружающей среды, но самый простой способ отыскивать в ней болезненные зоны – это пользоваться словами. С точки зрения «Спокойных», людей с нормальной, гармоничной и уравновешенной психикой практически нет, особенно среди европейцев. Традиционно европейцы уделяли больше внимания физическому телу, а люди востока – душевному равновесию. Психотехники востока – это гимнастика души, укрепляющая нервную систему и повышающая сопротивляемость психики стрессовым воздействиям.

Ты наверно замечал, что иногда казалось бы невинная фраза пробуждает у тебя чувство тревожности, злости, неуверенности или стыда без всякой на то причины. Это – симптом дисгармонии. Яркие выраженные неадекватные реакции на чьи-то слова или фразы можно сравнить с признаками острого заболевания, но если для проявления неадекватных реакций требуется более сильный раз-

дражитель, например, оскорбление, насмешка или вызов типа "а слабо", это признак хронических нарушений, которые иногда долгое время остаются незаметными, но со временем могут представлять реальную угрозу.

Твоя психика была изначально достаточно устойчивой для европейца. Когда я во время нашей первой встречи намеренно провоцировал тебя, ты держался стойко, но после того, как меня вырвало на улице прямо у кафе, твоя брезгливость привела тебя в состояние, близкое к панике, хотя внешне ты старался не показывать этого.

Главное для воина – не внешнее, а внутреннее проявление спокойствия, и «Спокойные» добиваются этого дозированными, но регулярными раздражениями болезненных зон психики до тех пор, пока не восстановится нормальная, спокойная реакция на раздражитель.

Естественно, что помимо этого для гармонизации психики и укрепления нервной системы существует несколько комплексов медитаций, но уже сейчас ты должен привыкнуть отслеживать и контролировать свои эмоциональные реакции на раздражения и пытаться осознавать, почему та или иная фраза воспринимается тобой с определенной долей болезненности.

Кстати, гипертрофированная бесчувственность, неспособность эмоционально реагировать на раздражители тоже относится к нарушению равновесия и обычно является защитной реакцией от сверхчувствительности. Поэтому зачастую казалось бы очень жестокие и безжалостные люди в других ситуациях могут проявить себя излишне чувствительными и сентиментальными.

Оскорбительные фразы Ли очень четко ударяли в мои уязвимые пункты, но я уже привык отслеживать свои эмоциональные реакции и удивлялся, как легко удавалось Учителю при помощи нескольких слов включать у меня те или иные болезненные переживания. Я знал об этом заранее и пытался себя контролировать, постепенно преобразуя автоматические отрицательные эмоциональные реакции в положительные.

Так мне удалось избавиться от неуверенности в своих силах. Своими насмешками Учитель как бы говорил мне: "ну что, дружок, ты занимаешься уже не один год, а толком так ничего и не умеешь, не способен терпеть даже легкую боль, даже легкое утомление. Ведь так просто терпеть боль, а ты корчишься, словно тебя поджаривают на сковородке..."

Я научился трансформировать чувство неуверенности в желание выдержать все, что только может выдержать человек, и постепенно боль перестала производить на меня прежнее впечатление. Она воспринималась, как нечто обыденное, вроде ломоты в мышцах после тренировки, и страх перед болью пропал.

Со временем я оценил, насколько для бойца важен контроль над болью. Однажды на тренировке по дзю-до я решил испытать на своем сопернике один из болевых захватов за кожу, которые мы со Славиком воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Парень буквально взвыл от боли и мгновенно опрокинулся на ковер, хотя я даже не пытался доводить до конца бросок.

Мне не раз пригождалась подобная эффективность болевых воздействий. Есть бойцы по своей природе достаточно волевые, и они способны выдерживать сильную боль, но подавляющее большинство людей при нестандартном болевом воздействии полностью теряет контроль над собой и отдается во власть атакующего.

Несколько лет спустя после изучения с Учителем техники болевых захватов за мышцы и кожу, я применил ее на одном исключительно хорошо подготовленном бойце, владеющим несколькими стилями у-шу и карате, мастере спорта по самбо и боксу, человеку, который казался непобедимым, настолько великолепна была его физическая подготовка.

К моему удивлению, несколько болевых захватов повергли его даже не в ужас, а в состояние паники, и он стал с пронзительными криками кататься по полу, извиваясь всем телом в попытке уйти от невыносимой, сводящей с ума боли...

Ли дал знак перейти к циркуляционной тренировке. Она проводилась в относительно медленном ритме с полным поочередным расслаблением разных мышечных групп. При циркуляционной тренировке укреплялись мышцы, суставы и связки. Равномерно и спокойно дыша, мы совершали тысячи и тысячи движений, следующих одно за другим по нескончаемым круговым траекториям.

Бешеный ритм сердца потихоньку успокаивался, и на смену ярости и возбуждению скоростного боя пришло мягкое расслабляющее воздействие убаюкивающих и гипнотизирующих кругов.

Глава 2

Этим утром Славик отсутствовал по делам службы, о чем я весьма сожалел. Ли вознамерился приучить меня к будням суровой лесной жизни, не признающей благ цивилизации, в частности та-

ких, как вареная колбаса, сыр и консервы.

– Сегодня отличный денек для охоты, – с азартом потирая руки, заявил он. – Тебе, как будущему воину жизни пора научиться обеспечивать себя пропитанием.

– На кого же мы будем охотиться, – с интересом спросил я, уже представляя себя в роли Чингачука Большого Змея или знаменитого Большого Плоскостопого Охотника с Великих Равнин.

Учитель присел на корточки с растопыренными по бокам руками, и, широко растянув рот и выкатив глаза, издал серию оглушительных квакающих звуков.

– Мы что, будем охотиться на лягушек? – не в силах скрыть разочарования, спросил я.

– Охота всегда охота, – торжественно изрек Ли, и после непродолжительной паузы добавил, пародируя самого себя:

– Последователь великого учения «Спокойных» даже отправляясь охотиться на лягушек, приводит себя в полную боевую готовность, как если бы ему предстояла схватка со стадом диких вепрей. Так проявляется уважение недостойному уважения, ибо лишь таким образом воин Шоу может застраховать себя от неожиданностей.

Я расхохотался.

– Обещаю отнестись к нашей добыче со всем моим уважением и почтением, – заверил я Учителя.

– И как ты собираешься их ловить? – поинтересовался Ли.

– Это просто, – пожал плечами я. – Похожу по траве около воды, и когда замечу прыгающую лягушку, догоню и схвачу ее.

– Так ты до вечера провозишься, – возразил Ли. – Лягушки, находящиеся у воды всегда прыгают в воду. Так что трудно будет найти идиоток, которые как сумасшедшие скакали бы по траве вместо того, чтобы искать укрытие в привычной для них среде обитания.

– Что же тогда делать? Может быть, смастерить сачок и подкрадываться к лягушкам, сидящим на берегу так, чтобы они не заметили? – предложил я, и, подумав, добавил:

– Еще можно попробовать подбить их камнями или подстрелить из рогатки, как это делают деревенские мальчишки.

– Видишь, как важно для воина знание о способах выживания? Ведь бывают ситуации, когда твоя жизнь может зависеть от того, удастся ли тебе поймать самую обыкновенную лягушку. Вот как это делается...

Мы вышли на поросший травой и полого уходящий под воду берег небольшой заводи. Несколько лягушек стремительно сорвались со своих насиженных мест и нырнули. Почти одновременно с ними мы шагнули на мелководье и замерли, наблюдая за маневрами будущей добычи. Сделав под водой пару резких поворотов, чтобы сбить преследователей со следа, земноводные замерли, зарывшись в ил.

– Подожди пару минут, чтобы осела муть, – прошептал Ли. – Тогда ты сможешь увидеть под илом контуры лягушек.

Я замер, затаив дыхание и пристально вглядываясь в воду. Никогда бы не подумал, что охота на лягушек сможет так взволновать меня. Меня все больше охватывал охотничий азарт, знакомый мне еще с детских лет, когда отец научил меня стрелять и превратил в заядлого охотника.

Постепенно дымка взбаламученного ила рассеялась, и на месте, которое я запомнил, на ровной поверхности илистой грязи проступили контуры затаившейся лягушки. Осторожно, стараясь не баламутить воду, я сделал шаг в ее направлении, и, медленно опустив руку, схватил ее. Овернувшись к Учителю, я увидел как он с видом победителя демонстрирует мне сразу двух лягушек, крепко зажатых в его руках.

Полчаса спустя мы стали обладателями пары дюжин весьма симпатичных земноводных, которых, к моему глубокому сожалению, ожидала печальная участь.

– Сегодня мы в очередной раз вернемся к работе с кругами, в частности с кругом пищи, – сказал Ли. – Для начала тебе придется перевоплотиться в любителя французской кухни и приготовить нам жаркое из нежных лягушачьих бедер.

По моей спине пробежал холодок, желудок сжался в непроизвольном спазме, а к горлу подкатил тошнота. Некоторое время тому назад мы со Славиком уже выполняли упражнения с кругом пищи, и, хотя по сравнению со Славиком я их перенес с меньшим физическим и моральным ущербом, воспоминания о том, как я по очереди поедал кусочки пирожных и мелконарезанных дождевых червей, чтобы стереть различие между восприятием приятной и отвратительной пищи, не придали мне желаемой бодрости.

Я с тяжелым вздохом взглянул на судорожно дергающийся мешок, сделанный из старой майки

с перетянутыми бечевкой горловиной и рукавами и подумал, что путь воинов жизни, увы, не всегда усеян розами.

– Главное для хорошего кулинара – это готовить с любовью, – вдохновенно объяснял Ли, шумно сглатывая слюну в предвкушении вожделенного лакомства. – Нужно аккуратно снять шкуру с лягушачьих лапок, вымочить их в воде, а потом их можно жарить, или коптить, или тушить... Лично я предпочитаю их в жаренном виде.

Пока бедрышки лягушек отмачивались в котелке, я подготовил костер в выкопанной ямке таким образом, чтобы жар от тлеющих углей не был слишком сильным и не испортил блюдо. Учитель, уголком глаза наблюдающий за моей деятельностью, заговорил о связи горизонтальных кругов с гранями жизни.

В книгах "Путь Шоу-Дао. Тайное учение даосских воинов" и "Кунг-фу. Формы Шоу-Дао" я уже упоминал о кругах и упражнениях, как физических, так и психофизических, связанных с системой и концепцией кругов или, как они иначе называются, плоскостей (поскольку плоскость – это круг бесконечного диаметра) или путей (так как каждый круг символизировал определенный выбор жизненного пути).

В технике рукопашного боя «Спокойных» круги образовывали своеобразную систему координат движений бойца, в плоскостях которой располагались линии концентрации энергии и силы. Та же координационная система кругов использовалась в ци-гуне Шоу-Дао, в медитативных упражнениях, находивших отражение и применение во многих ситуациях повседневной жизни, в частности, в общении с людьми. Поскольку круги, плоскости или пути будут неоднократно упоминаться на страницах этой книги, я еще раз перечислю их названия и местоположение.

Большая часть кругов привязана к анатомическим ориентирам на теле человека, являющегося центральной осью индивидуальной системы координат, образованной кругами.

"Путь воина" – это круг или плоскость, проходящая вертикально через середину туловища человека перпендикулярно ему и уходящая как вперед, так и назад. Две наклонные плоскости, проходящие через солнечное сплетение исполнителя и расположенные под углом 45° слева и справа от "пути воина" называются соответственно "путь отшельника" и "путь купца", поскольку левая сторона символизирует мудрость, и относится к знаку ян, а правая сторона – инь, является олицетворением мирского, силы и хитрости.

Горизонтальная плоскость, находящаяся на уровне солнечного сплетения и проходящая через ту же линию, по которой пересеклись три предыдущие плоскости, называется "кругом человека".

Если исполнитель поднимет руку ладонью вверх над головой, согнув ее в локте таким образом, чтобы расстояние по вертикали между поднятой вверх кистью руки и макушкой головы составляло длину ладони с выпрямленными пальцами, то его обращенная вверх ладонь окажется в горизонтальном "круге неба".

Следующая плоскость – "вершина дерева" тоже горизонтальная и проходит на уровне макушки. Следует отметить, что если исполнитель согнет ноги, то расстояние от этой плоскости до "круга земли", расположенного, естественно, на уровне земли, соответственно уменьшится, как, впрочем, и расстояние между "кругом земли" и другими горизонтальными плоскостями, меняющими свое местоположение вместе с движением тела человека, находящегося в центре системы координат.

Горизонтальная плоскость, расположенная на уровне ключиц, называется "кругом воздуха". На уровне рта находится горизонтальный "круг пищи". На уровне бровей – "круг огня". На уровне пупка располагается горизонтальный "круг жизни", параллельно ему и тремя цунями ниже находится "круг силы" (один цунь равен максимальной ширине ногтевой фаланги большого пальца руки). На расстоянии длины ладони с выпрямленными пальцами вниз от "круга силы" находится "круг воды".

Если встать в полный рост и опустить руки по швам, то конец среднего пальца каждой из кистей рук укажет на ноге точку, через которую проходит горизонтальный круг "ствол дерева".

На уровне колен расположен "круг основания дерева".

Ровно посередине между "кругом земли" и "кругом основания дерева" находится круг "корни дерева".

– Ты помнишь, что грани жизни соответствуют пяти первоэлементам и представляют собой землю – материальное благополучие, огонь – духовное благополучие, дерево – радости жизни, воду – управление временем и собой и воздух – единение со всем остальным, – сказал Ли и поднялся, чтобы проверить, достигли ли лягушачьи лапки нужной стадии отмачивания.

Двумя пальцами он достал одну лапку из котелка, внимательно обнюхал ее, и, видимо, удовлетворенный осмотром, бросил обратно к остальным и подал мне сковородку.

– Каждый круг, название которого совпадает с названием первоэлемента отражает еще и фило-

софское осмысление соответствующей грани жизни, – продолжал он. – Но это философское понимание символики круга не является чисто абстрактным построением, а, скорее, базой, которая помогает использовать энергию соответствующих кругов в реальной жизни, так же, как ты, при помощи активизации кругов купца и отшельника во время упражнений на рынке облегчал себе задачу получения денег или необходимой тебе информации, или как, развивая круг воина, ты научился воспринимать через него агрессию и опасные для тебя намерения людей, которых ты не знал раньше, и на которых ты без автоматического включения круга воина даже не обратил бы внимания.

– Мне всегда было интересно, почему вода означает управление временем и собой, – сказал я. – Я уже неоднократно раз хотел спросить тебя об этом, но каждый раз отвлекался на что-то другое. Управление временем у меня ассоциируется почему-то с машиной времени из фантастических рассказов. Может быть, с помощью круга воды можно научиться путешествовать во времени? – задал я провокационный вопрос.

– Следи за лапками, – напомнил мне Ли. – Жар слишком сильный, разгребь немного угли, а то они пригорят. Конечно, ты сможешь путешествовать во времени, но это будет совсем не так, как в фантастических рассказах. А если серьезно, то управление временем и собой подразумевает полный контроль над своим внутренним миром.

К кругу воды относятся все психотехники, связанные с развитием воли и памяти и созданием нити жизни. Кстати, процесс создания нити жизни и перемещения по ней и есть управление временем и собой, и в некотором роде он может ассоциироваться с путешествиями во времени. Выстраивая нить жизни, ты обретаешь навык организации времени и внешнего окружения. Ты учишься сжимать или растягивать время, выполнять огромное количество действий в краткий срок, проживать за одну секунду целую жизнь или, наоборот, не замечать, как проходят часы. Человек, управляющий временем и собой может неожиданно для себя оказаться в других мирах, кажущихся ему неизвестными и таинственными, а потом вновь возвратиться к своей обычной жизни.

Тогда я воспринял эти слова буквально, считая, что изменение времени и окружающего мира относится к субъективному восприятию реальности, меняющемуся при входе посредством медитации в измененные состояния сознания. Я был уверен, что сторонний наблюдатель не смог бы заметить в поведении человека, пребывающего в таком состоянии, ничего, выходящего за пределы нормы или связанного с объективным изменением его физических показателей.

Я понял свою ошибку после того, как Ли ввел меня в измененное состояние сознания, которое в Шоу-Дао называется "серебряный туман". Об этом эпизоде я рассказал в книге "Тайное учение даосских воинов".

Состояние "серебряного тумана" согласно моему опыту – это временное ускорение хода внутренних процессов в сочетании с индивидуальным изменением восприятия течения времени, когда, в ходе поединка, каждое молниеносное движение свое или противника человек воспринимает, как фрагмент замедленной съемки. Однако для стороннего наблюдателя, каким, в данном случае, оказался Славик, мои перемещения и удары казались настолько быстрыми, что он не мог различить отдельных действий и воспринимал только общий рисунок движения.

Я двумя заостренными веточками перевернул жаркое на другую сторону. Запах, идущий от сковороды, неожиданно для меня, был очень приятным.

– Некоторым граням жизни соответствует не один, а несколько кругов, – продолжил Ли. – Воздуху, символизирующему единение с окружающим миром, соответствуют два круга – круг воздуха и круг неба. Ты уже выполнял упражнения с кругом воздуха и помнишь, что на физическом плане к нему относятся дыхательные техники, восприятие и различение запахов, техника прыжков, энергетические упражнения, уменьшающие вес тела и все прочие техники связанные с действиями в стихии воздуха.

Кругу неба тоже соответствует воздух, но это круг более высокого порядка. Небо – это выражение Великого Ян, так же, как земля – это выражение Великого Инь. Жесты с использованием круга неба служат для выражения особого почтения как самой природе и божественному началу, так и людям, достигшим высших уровней бытия.

С кругом неба отождествляется путь неба – путь слияния с миром, постижения Дао, бессмертия. Путем неба следуют люди, которых на твоём языке можно было бы назвать святыми, люди, достигшие высшей степени совершенства на одном из путей и находящиеся в стадии перехода на новый путь.

Воздух присутствует всюду и заполняет собой все вокруг, отсюда и ассоциация единения со всем окружающим и растворения в бесконечности мира. Чудеса, которые могут делать святые, относятся к знаку воздуха – это левитация, мгновенные перемещения в пространстве, магические трюки,

когда предметы появляются из воздуха или растворяются в нем. Активизируя круги воздуха или неба, можно лечить, то есть вдыхать жизнь в кого-то, или, наоборот, отнимать жизнь.

Ученики твоего уровня обычно работают с кругом воздуха, заменяя его на круг неба в том случае, когда для выполнения упражнения необходима одновременная активизация круга пищи, который находится слишком близко от круга воздуха и при сильном возбуждении забивает и подавляет этот круг.

С кругом земли дела обстоят проще. Он единственный, соответствующий земле – грани жизни, символизирующей материальное благополучие, так что о нем нечего особенно и говорить.

– Ли, – спросил я, – а разве круг купца не относится тоже к области материального благополучия? Ты ведь учил меня использовать его в частности для приобретения материальных благ.

– Ты смещаешь два совершенно разных понятия, – сказал он. – Круг купца действительно имеет дело с материальными благами, но это скорее область операций с уже произведенными предметами, ценностями или деньгами. Материальное благополучие, относящееся к кругу земли, – это не манипулирование с материальными благами, а способность к выживанию, умение получить от окружающего мира средства существования или произвести их самому. Это не счет в банке, а, скорее, знания о том, как отыскать в лесу съедобный корешок, или, если тебе вдруг захочется молока, умение подоить на лугу колхозную корову.

Огонь – духовное благополучие, тоже связан лишь с одним кругом – кругом огня. Выполняя упражнения в этом круге, ты разжигаешь в себе ровный спокойный неугасимый огонь духовного знания. Тут основная хитрость в том, чтобы не гореть слишком ярко и в то же время не остывать, ведь тот, кто слишком сильно горит – быстро остывает, сгорая дотла.

Знак дерева – самый заковыристый из пяти первоэлементов, потому что он одновременно представляет собой и непосредственно первоэлемент и в то же время результат синтеза четырех остальных первоэлементов, символизируя созданную на их основе более высокую форму существования. Дерево отождествляется с радостями жизни, а так как радости жизни – область весьма любопытная и очень протяженная, то дереву соответствует целых семь кругов или путей.

Пять из них ты уже знаешь. Это круг человека и четыре круга, в названия которых входит слово «дерево» – "вершина дерева", "ствол дерева", "основание дерева" и "корни дерева".

Два оставшихся круга совершенно не похожи на все остальные. Они называются "взлетающая птица" и "падающая птица".

Ли подошел к костру и придиричиво осмотрел уже в меру прожаренные останки земноводных.

– А что, неплохо получилось, – удовлетворенно сказал он, щедро накладывая их в алюминиевую тарелку.

Ели мы в полном молчании. Лягушачьи лапки показались мне очень вкусными, напоминающими нежное мясо молодого цыпленка. Я стремительно поглощал их одну за другой, с нетерпением ожидая продолжения разговора. Я был уверен, что Учитель рассказал мне уже обо всех кругах координатной системы, составляющих одну из базовых концепций «Спокойных», а тут оказывается, что есть еще какие-то новые круги, да еще и непохожие на все остальные.

Ли со свойственной ему мерзкой ухмылочкой явно наслаждался моим нетерпением, с преувеличенным удовольствием смакуя «французский» деликатес. Наконец он тщательно обсосал последнюю косточку и, пародируя изящную небрежность жеманной светской дамы, отбросил ее в сторону.

Взяв в руку кружку с чаем, благоухавшим земляничными листьями. Ли прочертил ею длинную наклонную линию, поднимающуюся от земли до уровня его головы.

– Это – птица, взлетающая от земли до неба, – сказал он.

Рука с кружкой опустилась вниз под более острым углом до колен, по мере перемещения удаляясь от тела Учителя.

– А это – птица, падающая от неба до основания дерева. Разница в углах и направлениях этих плоскостей смутила меня.

– Извини, я не понял, как эти плоскости располагаются относительно тела, – сказал я.

– Они могут располагаться в любом месте и под любым углом, – объяснил Ли. – Тут важно запомнить лишь одно. Круг "взлетающая птица" всегда направлен вперед и снизу-вверх от тела исполнителя, а круг "падающая птица" направлен вперед от тела, но сверху-вниз.

– Как же так, – удивился я. – Все круги, о которых ты говорил раньше, имели фиксированный угол наклона. Благодаря этому они образовывали систему координат для правильного выполнения движений. А теперь выходит, что основа системы координат может быть расположена где угодно и под каким угодно углом?

– Выходит, я снова тебя обманул, – весело заявил Ли. – Ты носился с этой координатной

сеткой движений, как с писаной торбой, а теперь получается, что напрасно. Чувствуешь, как в очередной раз рушатся твои представления о мире?

Конечно, мир вокруг меня не обрушился, но мое твердо усвоенное представление о системе движений Шоу-Дао дало трещину. Попытка мысленно впахнуть в координационную сетку новые круги не давала ощутимых результатов. Я тихонько выругался про себя.

– Знаешь, в чем заключается радость жизни? С довольным выражением лица. Ли сам ответил на свой риторический вопрос.

– Радость жизни, это то, что ты ощутишь, когда, наконец, поймешь, что новые круги никоим образом не входят в противоречие с тем, что ты изучал раньше. Они лишь выводят тебя на новый уровень понимания. Эти два круга открывают для тебя полную свободу действий, позволяя тебе совершать любые движения по любым траекториям, какими бы сложными и замысловатыми они не были.

– А как же линии концентрации энергии? – спросил я. – Ведь мое тело и руки должны располагаться определенным образом относительно плоскостей фигуры восьми триграмм, чтобы удары были эффективными.

– Не путай схему действий с реальными действиями. Ты изучал работу в плоскостях для того, чтобы линии концентрации стали частью тебя самого, чтобы они жили в твоём теле, и ты чувствовал их всегда и везде. Теперь твоё тело автоматически принимает при ударах нужное положение, и твои удары автоматически следуют линиям концентрации, так что пришла пора перейти от жесткой обучающей схемы к свободному творчеству художника. Это на физическом плане.

На медитативном уровне круги "взлетающая птица" и "падающая птица" используются для увеличения подвижности и гибкости мышления, они развивают способность уходить от догм, в каждом случае выбирая наиболее эффективный способ действия, соответствующий срединному пути. У «Спокойных» есть изречение: "Срединный путь пролегает между взлетающей и падающей птицей". Как по-твоему, что это означает?

– Не знаю, – сказал я. – Наверно, это выражение вроде коана, как звук хлопка одной ладони, предназначенное для пробуждения специфических внелогических способов восприятия.

– Похоже, ты сам начал изрекать коаны, – восхитился Ли. – Это ж надо такое загнуть – специфические-внелогические способы восприятия! Все гораздо проще. Поскольку круги "взлетающая птица" и "падающая птица" могут занимать любые положения в пространстве, обладая неограниченной свободой, возникла идея, что диапазон возможных положений между ними охватывает все существующие круги или пути. Это утверждение не является конкретным, осознать и понять его можно только через чувствование. Срединный путь включает в себя все возможные пути, отбрасывая в каждый конкретный момент все излишнее и несущественное. Он также непредсказуем и свободен, как и круги «взлетающая» и "падающая птица", и в то же время в каждый момент он так же четок и однозначен, как и эти круги.

Техники падения плода ян и выращивания ростка инь, которые ты изучал, работая с сексуальной энергией тесно связаны с кругами воина, «падающей» и "взлетающей птицей". Но если основу круга воина составляет энергия, циркулирующая внутри тела человека, то круги "падающая птица" и "взлетающая птица" используются для отработки умения связать внутреннюю энергию с энергией внешнего мира.

Остальные круги, соответствующие первоэлементу и грани жизни дерева, представляют собой частные пути, в той или иной форме отражающие радости жизни. Так круг "основание дерева" соединялся с основами идеологии. Это был путь осознания базовых понятий философии, положенных в основание учения о мироздании, таких как инь и ян, пять первоэлементов, понимание цикличности всех процессов и явлений в природе и так далее.

Круг "корни дерева" был одновременно путем философского осмысления сути шоу-даосской семьи, которая во многих пунктах принципиально отличалась от обычного представления о моногамных и полигамных семьях. На этом пути человек постигал радость, доставляемую принадлежностью к семье, учился правильно взаимодействовать с членами этой семьи. Он осваивал основы семейных отношений, характерные для восточных народов, такие как почитание старших, умение и понимание сути развития рода, осознание преемственности поколений.

Но семья «Спокойных» отличалась от традиционных семей тем, что ее состав все время менялся. По мере взросления ребенок переходил, можно сказать, из рук в руки, вернее из «руки» в «руку». Члены клана жили семьями по пять человек, не обязательно связанных родством. Каждая такая пятерка называлась «рука». Членов руки отбирали посвященные клана, и каждая «рука» выполняла определенное предназначение, направляя своих членов по одному из частных путей, находящим свое

выражение в системе кругов. Жизнь ребенка, да, пожалуй, и взрослого в «руке» можно сравнить с переходом из класса в класс частной школы, где в каждом классе изучается свой предмет. Руки могли состоять только из взрослых или только из детей, из разнополых или однополых людей. Переход из «руки» в «руку» воспитывал в детях самостоятельность, умение быстро адаптироваться к перемене образа жизни, учил общаться с самыми разными типами людей, уважать и любить их.

Я представил себе такую жизнь, и мое сердце сжалось от сострадания к детям, которых рано отнимали от родителей, чтобы передать совершенно чужим для них людям. Несмотря на некоторые чересчур яркие особенности характера моих родителей, я очень любил их и ни за что на свете не хотел бы, чтобы меня оторвали от них.

– Чтобы не испытывать страха разлуки, ты должен пройти путь "корни дерева" до конца, – сказал Ли. – К сожалению, у нас слишком мало времени, чтобы я смог провести тебя по всем путям.

– Когда-то ты рассказывал мне, что «руки» – это подразделения "воинов ночи", "тайная армия", выполняющая распоряжения Хранителей Знания, которая использовалась для проведения секретных операций клана. Ты говорил, что часто члены «рук» не были знакомы друг с другом. Для меня оказалось совершенно неожиданным устройство клана «Спокойных», основанное на переходе его членов из «руки» в «руку» на протяжении всей жизни.

– Насчет всей жизни ты преувеличил, – заметил Ли. – Часто обстоятельства заставляли воинов клана покидать семью, поэтому жизнь в клане иначе называлась "жизнь в руке", а жизнь вне клана – "жизнь вне руки" или "большое отшельничество".

Действительно, члены многих «рук» не были знакомы друг с другом, поскольку клан «Спокойных» разделялся на несколько семей, живущих в разных местах. Это было необходимо для соблюдения безопасности клана. Предатель, проникший в одну из семей, мог нанести ущерб только этой семье. Лишь Посвященные клана и некоторые руководители «рук» были знакомы с Посвященными и старейшинами семей, живущих в других местах.

Обычно каждая «рука», предназначенная для обучения членов клана состояла из двух продвинутых учеников и трех начинающих. Для выполнения многих психофизических упражнений было необходимо участие «рук», где знакомы друг с другом были лишь "большие пальцы" – старшие ученики. Остальные ученики в процессе совместных занятий скрывали свои лица с помощью головных уборов, сшитых в форме пятиугольных мешков, на одной стороне которых прорезались отверстия для глаз и рта. Иногда лицо скрывалось под двумя платками, завязывающимися на затылке. Руки и ноги бинтовались полотняными лентами и поверх обвязывались веревками или ремнями по схемам, близким к обвязке древнегреческих борцов.

Сухой хруст ломающихся веток ворвался в мягкий фон лесных шорохов.

– А вот и милиция, – бодро сказал Ли. – Нравится мне этот юношеский энтузиазм. Нет бы идти спокойно, наслаждаясь природой, а он мчит не разбирая дороги, как взбесившийся паровоз.

Запыхавшийся Славик, улыбаясь во весь рот, подошел к нам и скинул с плеча тяжелую сумку с продуктами.

Жестом Учитель дал понять, что тренировка будет проходить в молчании. Мы начали отрабатывать новые группы ударов, суть которых состояла в поражении точек на ногах. Ударом в верхнюю часть тела я заставлял Славика рефлексивно развернуться вокруг своей оси, и, сближаясь с ним, наносил удар рукой или коленом в одну из уязвимых точек на ноге.

Болевой эффект от поражения этих точек был исключительно высок, и когда Учитель в первый раз продемонстрировал мне небольшой точечный толчок в нервный центр на ноге, я чуть не потерял сознание. Желудок сжался в жестоком спазме, общая слабость заставила меня на несколько секунд потерять ориентировку. С трудом справившись с болью, я на всю жизнь уверовал в удивительную эффективность этого точечного удара.

Славик, в свою очередь, выполнял прием на мне, и мы продолжали спарринг, с каждым новым приемом слегка видоизменяя технику.

Ли, как всегда во время наших парных тренировок, начал говорить тихим монотонным голосом.

– Активизируйте круг воды, – говорил он. – Ощутите его силу и плотность. Почувствуйте, как по мере его активизации расширяется ваше сознание. Вода, безличная и изменчивая, способная принимать любую форму, исчезать, обращаясь в пар, или становиться твердой, как камень, обращаясь в лед, дает ключ к управлению временем и собой.

Расширяя ваше сознание, вы насыщаете время действиями и ощущениями, вы раздуваете его емкость до пределов, недоступных обычному человеку. Вы видите вашего партнера, вы чувствуете вашего партнера, вы предугадываете его намерения, вы осознаете его агрессивность и злость. И в то

же время каждое мое слово отпечатывается в вашем сознании. Вы уделяете внимание ощущениям от порывов ветра на своем лице, вы слышите шорохи леса и крики птиц, ваши ноздри улавливают сыrovато-затхлые запахи воды и приглушенное благоухание трав.

Управляя временем, вы увеличиваете скорость мышления, скорость реакции, скорость ответа на поставленные окружающим миром вопросы. Для воина скорость ответа исключительно важна, важнее даже, чем уровень интеллекта. Скорость мышления зависит от количества каналов внимания, которые вы можете задействовать. Но помимо скорости мышления вы должны стремиться еще и к правильности своих решений. Ваша цель – довести до максимума количество правильных решений, принимаемых в единицу времени.

Направьте на одну деятельность все каналы вашего внимания, научитесь мыслить одновременно тремя, четырьмя независимыми каналами, совершенствуйте ваше восприятие, чувство и образ.

Я снова ощутил разделение себя на несколько независимых личностей с одновременной активизацией круга воды. Слова Учителя словно открывали во мне какие-то окошки, через которые в меня проникали ощущения, описываемые им. Продолжая драться, я уделял внимание и запахам воды и трав, и пению птиц, и легким порывам ветра, и рассказу Ли. Все это фиксировалось во мне, как следы разноцветных чернил на чистом листе бумаги.

– А теперь активизируйте круг пищи, попробуйте мир на вкус, – продолжал Учитель. – Все то, что вы ощущаете и воспринимаете сейчас – это пища для вашей души. Так же, как ваше тело насыщается, поглощая еду и воду, ваша душа питается вашим восприятием мира. Поэтому воин должен уметь правильно питаться. Питая свое тело, он не употребляет еду, которую он не сможет переварить. Если он будет есть больше, чем сможет вместить и усвоить его желудок, он заболит или даже умрет. То же самое относится и к восприятию. Переживание слишком сильных впечатлений, поглощение избыточной информации в таких количествах, с которыми не способны справиться ваши ум и психика, приводят к болезням и психическому расстройству.

Но если почти невозможно значительно расширить возможность желудка переваривать все большие объемы пищи, в отношении восприятия все обстоит наоборот. По мере укрепления нервной системы и выполнения психофизических упражнений способность человека к «перевариванию» воздействий окружающей среды может быть увеличена во много раз. Одним из следствий такого увеличения способности к перевариванию и правильному усвоению впечатлений и информации, исходящих от внешнего мира, является повышение адаптации к стрессовым ситуациям, возникающим в повседневной жизни.

Расширение восприятия и усвоения впечатлений происходит по мере выполнения упражнений по увеличению каналов связи с окружающим миром и наращиванию интенсивности обмена информацией по этим каналам. Можно увидеть уязвимую зону на теле противника и нанести в нее удар, успев осознать, прочувствовать и запомнить лишь само физическое действие удара. Это – восприятие обычного человека. Боец, чей круг пищи активизирован, с развитой способностью поглощения и переработки впечатлений и мгновенным откликом на них по нескольким каналам связи,отреагирует гораздо более широким спектром действий.

Он увидит не только уязвимую в данный момент зону тела противника, но сможет оценить его психическое состояние, понять, страх, осторожность или агрессия движут им. По выражению лица он сможет предугадать план дальнейших действий врага, по частоте дыхания он сможет оценить степень его выносливости, он успеет разработать свой план дальнейших действий. Человек с расширенной возможностью восприятия не просто нанесет удар. Он одновременно обманет противника взглядом, навязывая ему с помощью мыслеобразов ложный план атаки, он отвлечет его внимание криком, неожиданной гримасой или иным отвлекающим действием. Чем выше способность воина поглощать и перерабатывать впечатления, тем обширнее его возможности маневрирования и опережения противника по многим составляющим атаки или защиты.

Все горизонтальные круги в той или иной степени связаны между собой. Круг пищи тесным образом связан с кругом воды, то есть с управлением временем и собой. Действительно, даже для человека, не знакомого с восточными учениями очевидно, что субъективная скорость течения времени определяется количеством впечатлений, происходящий за конкретный временной промежуток. Так, когда жизнь насыщена событиями, время пролетает незаметно, а когда впечатлений недостаточно, чтобы обеспечить необходимое питание для психики, время тянется медленно и мучительно, как хронический насморк.

Укрепление нервной системы за счет постепенного увеличения интенсивности восприятия поначалу производится через упражнения "вкуса жизни", доставляющие наслаждение и насыщающие органы чувств. Это и наслаждение от созерцания прекрасных видов, служащих насыщению глаз, и

насыщение слуха прекрасными или обыденными звуками, и наслаждение вкусом, запахом и касанием. Наслаждение женщиной – тоже изысканный способ питания мужчины, насыщения мужской энергии ян женской энергией инь.

На этом этапе очень важно научиться прислушиваться к своему организму, чтобы не допускать переедания тех или иных органов чувств или перенасыщения энергией партнера при работе с сексуальной энергией. Как и обычную пищу, впечатления нужно принимать только тогда, когда их не хватает организму, когда на них существует своеобразное чувство голода. Сбалансированный организм сам отметит момент насыщения и вовремя остановится.

Большинство проблем современного общества связаны с неправильным питанием. Речь идет не только о питании в прямом смысле этого слова, приводящем к болезням, ожирению и нарушению обмена веществ. Люди не только отвыкли от естественной и полезной пищи, они отвыкли также и от естественных и полезных впечатлений. Они разучились управлять временем и собой и поэтому убивают время и себя, а заодно и себе подобных поглощением ненужных впечатлений и пищи, считая это возбуждающим, престижным, полезным или просто дающим возможность избавиться на время от скуки и внутренней пустоты.

Помимо внешних органов чувств существуют еще и внутренние органы чувств, которые питаются внутренними впечатлениями человека, в частности размышлениями, фантазиями или мечтами. Иногда, переключаясь на внутренние органы чувств, человек теряет чувствительность внешних, и его контакт с внешним миром становится неполноценным. Он уходит в себя, потому что не умеет «поедать» и правильно усваивать впечатления внешнего мира.

Упражнения, укрепляющие нервную систему ученика и увеличивающие его способность воспринимать, «переваривать» и «усваивать» впечатления начинаются с медитации "получение удовольствия", во многом схожей с "внутренней улыбкой" или "улыбкой Будды". Это упражнение, подобно внутренней улыбке, формирует постоянный эмоциональный фон как тренировок, так и обычной жизни ученика. Это медитация по осознанию удовольствия собственного существования, ощущению тихой радости, дозированного, но постоянного блаженства, когда "ветерок полуулыбки" касается вашего лица, расслабляя верхнюю его часть и чуть стимулируя нижнюю.

Совершая спонтанную работу, мышцы лица вызывают "дуновение ветерка радости" – так называется выражение лица, когда начавшая было рождаться улыбка так и не родилась, но мимика сделала свое дело и рефлекторно вызвала легкое ощущение блаженства и покоя внутри.

Следующая медитация "вкуса жизни" – это получение удовольствия от созерцания прекрасного, обыденного и безобразного.

Она, как и все остальные медитации "вкуса жизни", выполняется после упражнения "получение удовольствия" и возникновения фонового состояния тихой радости, не слишком отвлекающей и утомляющей, но теплящейся, подобно ночнику, где-то в глубинах вашего сознания.

Способность получать удовлетворение от созерцания прекрасного заложена в человеке с рождения и напрямую связана с сексуальной энергией. Прекрасны не только творения рук художника или скульптора, прекрасны окружающая нас природа, растительный и животный мир, прекрасны пейзажи гор, равнин, лесов и пустынь.

Рассеянное, ненапряженное, поверхностное созерцание выбранного вами прекрасного объекта постепенно сменяется размышлением о данном объекте и постепенным мысленным слиянием, отождествлением с ним, а затем и условным превращением себя в созерцаемый предмет на интуитивном, бессловесном, образном уровне сознания.

Наиболее часто следует прибегать к первым фазам этой медитаций, получая дозированное удовольствие от созерцания жизни вокруг себя. На следующем этапе нужно доводить эмоциональный накал наслаждения от погружения в созерцаемый объект до все более интенсивных и пиковых его форм, в то же время четко ощущая предел, за которым медитация начинает истощать вашу нервную систему, и в этот момент переходить к фоновому чувству мягкой, спокойной радости.

Мостик между прекрасным и обыденным очень невелик, ибо для большинства людей прекрасное со временем приедается и становится обычным, и даже волшебные закаты и первые цветы ранней весны не вызывают у них особых эмоций.

При созерцании обыденного нужно подключать чувство тихой радости от осознания жизни вообще, от ее присутствия в вас, видеть мир сквозь созданные вами самими розовые очки, обращающие обыденное в прекрасное.

Способность такого видения, помимо вашего сознания, воспитывает и развивает в вас чувство прекрасного, постепенно сметая со своего пути с детства навязанные вам близкими и обществом установки, мешающие вам создать собственную картину мира и видеть его своими, а не чужими глаза-

ми.

Радость жизни, принимаемой во всех ее проявлениях, и постоянное ее созерцание не только расширяет способность к восприятию, но и формируют из воина Шоу-Дао человека, глубоко проникающего мыслью в суть объектов и явлений, формируют особое ощущение истинной любви к окружающему его миру и к людям, наделяет способностью понимания и интуитивного предвидения. Одним из приложений этой медитации к рукопашному бою является способность бойца полностью отождествлять себя с противником и предвидеть любые его намерения или действия.

Сложно найти прекрасное в безобразном, но на определенной стадии развития психических возможностей последователя «Спокойных», наступает момент, когда, абстрагируясь от личных ощущений и предвзятого отношения к происходящему, он начинает понимать общность безобразного и прекрасного, их единство и взаимопроникновение, и находить прекрасное в безобразном или, наоборот, открывать безобразное в прекрасном. Такое специфическое осознание рождается в процессе размышлений и медитаций на эту тему. К категории безобразного относится и ужасное. Для бойца Шоу-Дао не должен существовать неконтролируемый страх или неконтролируемое отвращение. Преодолевая эти чувства в различных ситуациях, воин учится управлять ими.

Добиться одинакового отношения к ужасному, безобразному и прекрасному достаточно трудно. Вы убедились в этом на практике, обучаясь воспринимать вкусную и отвратительную пищу, как обыденную. Для того, чтобы и отвратительная и обыденная пища всегда казались вам вкусной, нужно использовать еще и дополнительные упражнения и медитации, в частности контролируемую раскачку противоположных эмоций и работу с пороками и извращениями, но это уже относится к другой области, а мы пока вернемся к медитациям "вкуса жизни".

"Получение удовольствия от касания" – это огромная группа упражнений, открывающая мир ощущений через касания, наполненные различным смыслом и содержанием, начиная от ласки ребенка или женщины и заканчивая нанесением ударов по телу противника.

Развивая повышенную чувствительность при касании различных предметов, поверхностей, сред или живых объектов и используя при этом различные методики, ученики открывают путь к ряду сверхспособностей, к умению управлять своей и чужой энергией. Это относится и к так называемому "касанию без касания", то есть ощущению предмета или объекта на расстоянии.

Касание помогает контролировать движения противника и осуществлять действия, дающие власть над ним. Касание в различных своих проявлениях – это основа техники массажа, половой жизни и многих других действий, необходимых для полноценного существования, и, кроме того, осознанное касание может стать изысканной пищей для вашей души.

"Получение удовольствия от слушания" известно многим меломанам. Современная наука обнаружила даже некоторые биохимические процессы, происходящие под действием музыки, в результате которых в организме выделяются наркоподобные вещества, продуцирующие ощущение наслаждения. Работа со слухом так же сложна и многообразна, как и с другими органами чувств. Постоянно упражняя и развивая органы слуха, «Спокойные» с годами не только не ощущают ухудшения их функций, но и существенно повышают их возможности и работоспособность.

К упражнениям "получение удовольствия от дыхания" относятся дыхательные и дыхательно-медитативные упражнения. "Вкус воздуха" – своеобразное созерцание вдыхаемого воздуха и дыхательно-энергетические комплексы, связанные с накоплением энергии в организме и управлением этой энергией. Сюда же относятся упражнения с криком и звуком (в частности, боевые крики и имитация криков животных), а также пропевание и проговаривание определенных звуко сочетаний, необходимых для ритуальных, медитативных или эстетических целей. Естественно, что каждое упражнение этого типа сопровождается постепенным увеличением эмоционального накала медитаций для расширения способностей восприятия.

Наверно вы обратили внимание, что каждый тип медитаций работает с одним из органов чувств, пока мы говорили о внешних, но потом речь пойдет о внутренних органах чувств, и этот орган чувств в свою очередь представляет один из каналов, действующих в процессе расширения сознания. Обучаясь увеличивать "пропускную способность", а также способность к поглощению и усвоению информации по каждому каналу, вы вносите свой вклад в умение расширять сознание, получая информацию одновременно по многим каналам.

"Получение удовольствия от поедания" в данном случае подразумевает все формы наслаждения процессом поглощения пищи в обычном утилитарном понимании этого слова.

"Получение удовольствия от воспоминаний" – медитативный процесс осознания себя во времени и создания нити жизни.

"Получение удовольствия от изучения" – комплекс медитаций, помогающих более успешно ос-

ваивать какую-либо область знаний или умений. Когда процесс познания доставляет радость, человек легче и быстрее осваивает тот объем знаний, на который при других условиях ему потребовалось бы в несколько раз больше времени. Как видите, помимо помощи в усвоении впечатлений, медитации "вкуса жизни" выполняют и ряд других функций, в данном случае помогая усваивать еще и интеллектуальную пищу.

Есть еще много других медитаций "вкуса жизни", таких как "получение удовольствия от движения", "получение удовольствия от осознания", "получение удовольствия от путешествия за горы" – один из самых любопытных разделов, связанный как с обычными путешествиями, так и с выделением двойников и мгновенными перемещениями в пространстве, "получение удовольствия от общения, подчинения и управления", "получение удовольствия от аромата корзины с травами" и прочие.

Учитель продолжал рассказывать о работе с кругом пищи до тех пор, пока трехчасовой этап тренировки не подошел к концу.

Славик достал из сумки «любительскую» колбасу, лук, хлеб и несколько бутылок кефира. Насквозь мокрые от пота, мы, даже не переодевшись, опустились на землю и набросились на еду.

– Похоже, все мои слова о расширении восприятия и правильном питании пролетели мимо ваших ушей, – укоризненно заметил Ли, с аппетитом откусывая здоровенный кусок колбасы. – Ваши чувства во время еды – совсем как у голодных волков, пытающихся урвать друг у друга кусок добычи, сосредоточены лишь на кусании и глотании.

Воин жизни должен получать от еды и питья изысканное удовольствие. Поэтому он не набрасывается на нее, как изголодавшийся людоед на отбившегося от группы туриста, а ест размеренно, спокойно и понемногу, одновременно наслаждаясь и своим постепенно затихающим чувством голода, и прикосновением пищи к небу и языку, и тем, как мягко она скользит вниз по пищеводу, наполняя желудок приятной тяжестью и теплом. Нужно осознавать запах пищи и расширять время, созерцая прекрасные картины природы и услаждая слух моими мудрыми речами, а заодно насыщать свои внутренние органы чувств, читая про себя стихи, вспоминая какие-то приятные события или предаваясь чарующим фантазиям.

Можно представить себе трапезу на природе в компании прекрасной женщины. Можно ощутить касание ее нежных рук, услышать голоса поющих девушек или завораживающие звуки леса – пение птиц, шорох ветвей, звон цикад и журчание реки. Можно созерцать облака, сливаясь с ними в мягком ощущении плавного неторопливого полета, и все эти впечатления нужно совмещать с осознанием процесса пережевывания и поглощения пищи, ни на секунду не теряя контроля над ним. Тогда трапеза превращается в изысканное удовольствие и одновременно становится тренировкой расширения восприятия и сознания.

Утолив первые отчаянные позывы голода, я, следуя указаниям Ли, смог сосредоточиться на множестве сигналов, идущих извне, которые раньше я просто не замечая.

С детства ставший привычным вкус довольно посредственной колбасы заиграл нюансами оттенков в сочетании с возбуждающей горечью лука и кисловатым привкусом черного хлеба. Плывущие по небу облака стали ближе и объемнее, захватывая меня своим движением и передавая телу ощущение полета и легкого головокружения. Я вспомнил ужин со своей возлюбленной кореяночкой, когда она после нескольких часов упражнений с сексуальной энергией, кормила меня с рук каким-то неизвестным мне, но удивительно вкусным восточным блюдом. Я почувствовал ее пальцы на своих губах, вспомнил прикосновения ее упругой кожи...

Меня охватило эйфорическое ощущение спокойного счастья. Впечатления, идущие от окружающего мира затопили меня своим громадным и неповторимым очарованием. Рябь на поверхности водохранилища играла бликами солнечного света... Под примятой травинкой протискивался рыжий муравей, сжимающий в челюстях зеленую гусеницу в два раза большую по размеру, чем он сам. Шмели гудели в цветах, окрашивая лапки разноцветной пылью.

– Это и есть настоящая жизнь, – промелькнула и исчезла мысль, растворяясь в ощущении остановившегося времени. – Почему я так редко замечая, как она прекрасна?

Ли пристально смотрел на меня своими глубокими черными глазами. Его челюсти мерно двигались. Он наслаждался вкусом пищи.

Глава 3

Славик заторопился на службу, а мне предстояло отоспаться.

– Куда пойдем, в грот или в учебный класс? – спросил я. Грот и учебный класс были нашими основными местами для ночлега. Грот представлял собой небольшое укрытие среди скал, защищаю-

щее от ветра и непогоды, и, особенно в теплые ночи, было исключительно приятно засыпать в нем, глядя на звездное небо и темные таинственные контуры деревьев.

Учебным классом мы были обязаны Славику. Это было унылое бетонное строение, одиноко стоящее среди леса и возведенное с неведомыми мне целями. Сейчас это здание находилось в ведении милиции и разделялось на учебный класс с поцарапанными партами и выцветшими плакатами на стенах и складом зимнего обмундирования – милицейских дубленок, бушлатов и прочего добра. Поскольку в теплый период этим обмундированием никто не пользовался, а милиционеры не пылали жаждой знаний, обычно учебный класс был заперт на всякий замок и совершенно пуст. Славику удалось раздобыть ключи, и учебный класс стал нашим излюбленным убежищем.

– Сегодня тебе предстоит спать на деревьях, – сообщил Ли.

Я чувствовал себя совершенно измотанным после спарринга со Славиком и уже предвкушал сладкий сон на горе дубленок и бушлатов, поэтому отнесся скептически к идее отдыхать, уподобившись нашим далеким предкам, но скрыл свое разочарование за бесстрастной маской ученика, смиренно и спокойно воспринимающего любые распоряжения Учителя.

Мое наигранное безразличие не обмануло Ли, и он радостно причмокнул губами.

– Ничего, это не так страшно, как кажется, – успокоил меня он. – Тебе даже понравится.

Учитель соорудил из нескольких веревок отдаленно напоминающую гамак конструкцию, закрепив их концы на ветках и стволах деревьев. Он закрепил на веревках несколько дубленок и валиков, скатанных из бушлатов и объяснил мне, как я должен улечься на получившееся довольно шаткое сооружение, сохраняя равновесие.

Я лег, стараясь не совершать никаких лишних движений, чтобы не грохнуться на землю. Веревки поскрипывали и колыхались под моим телом.

– Чтобы как следует отдохнуть, ты должен полностью расслабиться, – сказал Ли. – Если ты расслабишься, твое тело автоматически и без всякого напряжения примет нужное положение и уже не изменит его. Такая форма растяжки на веревках предназначена специально для полноценного отдыха. Существует множество способов подвешиваться на деревьях в зависимости от цели, которую ты преследуешь. Сейчас ты должен научиться расслабляться и отдыхать.

Вспомнив аутогенную тренировку, я начал расслабление с мышц лица и головы, переводя его на все тело. Веревки натянулись и стабилизировались подо мной. Мне казалось, что мышцы, как густой кисель, медленно стекают вниз по костям, сплавляясь в единую расслабленную устойчивую массу с валиками, дубленками и веревочным каркасом. Усталость взяла свое, и по мере расслабления меня начало охватывать удивительное ощущение спокойствия и блаженства. Я еще успел отметить фазу, когда не мог ни открыть веки, ни пошевелиться, потом тело стало легким и невесомым, исчезая и растворяясь в бесконечности, и я погрузился в сон.

Острая боль обожгла мою ногу и плечо. Я еще не успел проснуться и понять, что происходит, как тело автоматически среагировало и начало обороняться. Даже с закрытыми глазами я понял, что удары наносит Учитель. Удары Славика были менее точными, более травмирующими, но в то же время гораздо менее болезненными, чем удары Ли.

Выворачиваясь и падая с веревок, я вращательным движением голени смягчил мясистой частью икры удар палкой, направленный в кость. Приземлившись на четвереньки, я, еще не успев подняться с колен, начал совершать облачные движения, пытаюсь осуществить контроль над вооруженной палкой рукой Учителя и его другой рукой, не менее опасной, вездесущей и почти неуловимой.

Сознание постепенно возвращалось ко мне, и я с радостью отметил тот факт, что Ли обрабатывал меня одной палкой, а не двумя, потому что именно при обработке двумя палками я чувствовал себя мучительно беспомощным и беззащитным. В нынешней ситуации я все-таки мог что-то сделать, хоть как-то противостоять натиску Ли, и при каждом своем относительно удачном действии я чувствовал жгучую радость, которая сводила на нет острую боль от ударов.

Все глубже проникаясь приподнятым радостным настроением тренировочного боя, я уже без страха и сомнений вошел в его скоростной ритм. Мое тело стало двигаться свободно и пластично, я всем своим существом откликался на действия Учителя, и, казалось, слился с ним в феерическом вихре движений. Пару минут спустя Ли отбросил палку, довольным кивком головы давая понять, что я выполнил то, чего он хотел добиться своими действиями.

Жестами Учитель показал мне, что я должен перейти к скоростному бою с тенью, основанному на облачных движениях.

Облачные движения представляют собой систему непрерывно и плавно переходящих друг в друга циркуляционных движений, в основном круговых и восьмеркообразных. Координационной сеткой облачных движений является система кругов, плоскостей или путей, описанных в предыду-

щей главе.

Облачные движения сочетаются с движениями корпуса таким образом, что последовательно осуществляют защиту всех уязвимых и открывающихся зон тела исполнителя и в то же время скрывают момент атаки, а за счет рук, находящихся в полурасслабленном-полунапряженном состоянии позволяют мгновенно наносить скоростные импульсные удары в любых направлениях.

В сочетании с техникой следования за конечностями противника и поддержанием с ними постоянного контакт-контроля облачные движения создают великолепную базу для защитно-атакующих действий, обеспечивающую очень высокую степень безопасности исполнителя.

Используя облачные движения, я мог, не глядя, чувствовать действия и перемещения противника, следуя за его конечностями с сохранением периодического легкого контакта. Я мог полностью связать его движения, разрушить его планы, запутать его в липкой паутине циркуляционных движений так, что он фактически оказывался скованным.

Противник не мог предугадать, с какой точки будет нанесен удар, он вообще не замечал начала удара. Мои руки могли приблизиться к нему вплотную и осуществить техники, разрушительные в своей эффективности. Если же противник был вооружен, то, руки, через пару движений как бы прилипнув к его конечностям, могли предугадать момент начала атаки и выполнить обезоруживающее действие в самый подходящий для этого момент.

Я неоднократно упоминал о технике облачных движений в своих книгах и демонстрировал ее в видеофильмах. Так, в фильме "Коготь каменной птицы", я показывал, как с помощью облачных движений человек с завязанными глазами может с легкостью обезоруживать вооруженного и зрячего противника.

Некоторые фрагменты применения облачных движений есть и в фильмах, посвященных УНИ-БОС, универсальной боевой системе, разрабатываемой мною во многом на основе рукопашного боя Шоу-Дао в сотрудничестве с некоторыми моими учениками и соратниками из вооруженных сил и правоохранительных органов России, а ранее – Советского Союза, и внедряемой в подготовку российской армии, флота, правоохранительных органов и частных охранных структур.

В случае боя с несколькими противниками облачные движения изменяли свой рисунок на очень замысловатое сочетание циркуляционных движений и перемещений по нескольким направлениям. Такая усложненная форма облачных движений могла быть использована для поиска противника в полной темноте. В этом случае подключалась заранее наработанная в тренировках сверхвосприимчивость, резко обостренная чувствительность всех органов чувств, когда на уровне подсознания пространство вокруг бойца воспринималось им как своеобразное чувственное продолжение его тела, он четко мог ощущать в этом пространстве все действия и перемещения противника, и блокировать даже быстрые и неожиданные его удары.

Сейчас я выполнял бой с тенью при достаточной освещенности, и вдруг, неожиданно, я поймал себя на мысли, что за счет внутренней собранности и обостренности восприятия при бое вслепую, в темноте или с завязанными глазами я работаю лучше, чем при свете дня.

Ли подскочил ко мне и нанес сильный удар в грудь, который я, увлеченный своими мыслями, не успел отпарировать. Мы снова приступили к спаррингу, но на этот раз Учитель не был вооружен.

Спарринг был направлен на отработку облачных движений. Наши конечности следовали друг за другом, почти не теряя контакта, и я автоматически выполнил технику "наблюдение за серединой" – интуитивное действие, когда сталкивающиеся и сплетающиеся верхние и нижние конечности, взаимно блокируются, пытаясь занять наиболее выгодную позицию для атаки.

Одновременно с этим выполнялись серии различных способов освобождений от захватов, осуществлялись попытки выйти на бросок или болевой прием. Пытаясь выполнить какой-либо технический элемент, я, хотя обычно мне не удавалось довести его до конца из-за хитроумных контрприемов Учителя, на долю секунды как бы чувствовал его развитие и продолжение, как если бы мне удалось завершить прием. Но в самый решающий момент Ли разрушал все мои планы, и все начиналась сначала, но ощущение словно бы доведенной до конца техники закладывалась у меня в подсознание.

Я чувствовал, когда Учитель подстраивает мне ловушку, и в свою очередь делал вид, что попался в нее. Ли, меняя тактику, снова поддавался мне, и я пытался выполнить новый прием, сопровождая его эмоциональным взрывом, наполненным жгучей, но контролируемой яростью бойца. В своем воображении я даже слышал хруст ломающейся конечности, видел внутренним зрением, как лопаются и крошатся кости, но в последний момент я ослаблял хватку, ни на секунду не забывая, что это – учебный бой.

Постепенно меня захватил процесс расширения сознания. Перенасыщенные восприятием эмоциональные каналы заряжали меня восторженным удовольствием воина, ощущающего в бою с силь-

ным и жестоким противником свою собственную силу, технику и мощь.

Не изменяя ритма и темпа поединка. Учитель заговорил тихим монотонным голосом без малейших признаков сбившегося дыхания.

– Еще много раз я буду рассказывать тебе о пути пищи, о работе с кругом пищи, – сказал он. – Эта тема почти неисчерпаема, так как потребность в пище – это самая насущная потребность человека, без удовлетворения которой он не сможет существовать и продолжать свой род. Поэтому, хотя слова "теория правильного питания" звучат гораздо менее завлекательно, чем, например "управление сексуальной энергией", упражнения в круге пищи дают не менее впечатляющий эффект, чем потрясения, испытанные тобой при долинном оргазме.

Теория питания в Шоу-Дао включает в себя удовлетворение всех потребностей организма, в том числе потребностей эмоциональных, интеллектуальных, социальных, сексуальных, удовлетворение потребностей в самовыражении, активности физической и духовной, потребности в личной свободе или, наоборот, в личной зависимости, и множестве других потребностей, присущих человеческим существам.

Большинство восточных эзотерических учений призывают к ограничению и обузданию личных потребностей, к отказу от желаний и побуждений, которые в данных системах рассматриваются как несправедливые, вредные или греховные. Возникающий в результате подобных самоограничений мощный волевой контроль "сознания над телом" они рассматривают, как этап продвижения к познанию истины и к совершенству. «Спокойные», следуя теории питания, подходят к этому вопросу с другой стороны. В притче "Чье искусство лучше" говорится как раз о таком различии в подходе к обучению, хотя на первый взгляд может показаться, что речь там идет совсем о другом. Вот эта притча.

Однажды встретились ученики великих мастеров рукопашного боя и заспорили, чье искусство лучше, а рассудить свой спор попросили мудрого старца, живущего неподалеку от места их встречи.

Старец, недолго думая, назначил им несколько испытаний, в результате которых выяснилось, что трое бойцов превосходят в своих умениях остальных, но, как ни пытаются, а друг друга победить они не могут.

Тогда мудрец подозвал их к себе и велел каждому рассказать о своей жизни.

– День и ночь я оттачиваю свое искусство, – начал свой рассказ самый свирепый на вид боец. – Утренние лучи солнца не успевают еще коснуться верхушек гор, а я уже выбегаю из своей хижины и сокрушаю ударами все, что встречается на моем пути. Вокруг моего жилья на расстоянии трех полетов стрелы все камни обращены в пыль, а все деревья изрублены в щепки. Теперь я решил голыми руками выдолбить в скале пещеру, и не пройдет и года, как я поселюсь в ней.

Настал черед другого бойца рассказать о себе. Был он серьезным и суровым и имел вид аскета.

– Долгие часы я провожу в размышлениях и медитации, – заговорил он. – С их помощью я научил дух управлять телом, и оно, слушаясь моей мысли, может стать стремительнее стрелы, летящей в цель, сильнее самого сильного зверя и податливее воды. Долгие годы я укрощал тело болью и лишениями, чтобы заставить его подчиняться духу. Этот тяжелый бой я веду каждодневно, ибо знаю, что если дам передышку, то тело мое возьмет верх над разумом...

Третий боец внешне ничем не отличался от обычных людей, и, если бы мудрец собственными глазами не видел, сколь искусен он в бою, то по облику и поведению никогда не заподозрил бы в этом человеке великого воина.

– Стыдно мне перед своими соперниками, – начал свою речь третий боец, – волею судеб вот уже более пяти лет я не могу оттачивать свое мастерство так, как делают это они, потому что мне пришлось отправиться в путешествие по просьбе своего наставника, и лишь недавно я нашел то, что искал для него. Все это время, как только выпадал случай, я ел побольше и спал подольше, потому что не знал, что ожидает меня завтра. Прежде, чем отправиться странствовать, я несколько лет работал по дому у своего Учителя, лишь изредка получая его уроки. Я и сам не могу понять, как мне удалось научиться стольким вещам. Как-то само собой выходит, что я проникаю разумом в суть вещей.

Настал черед мудреца сказать свое слово и решить, кто же из троих обладает наиболее ценным знанием.

Немного подумав, старец изрек:

– Разумный предпочтет достижение цели меньшим потом, так как труд нам дарован для созидания...

Ли выполнил новую серию приемов, давая мне понять, что мы переходим к отработке "вязки рук". В облачных движениях вязка рук была представлена двумя типами техник. Первая техника называлась "упавшее дерево" и заключалась в манипулировании конечностями противника, позволяющем получить временное преимущество, перекрывая одной рукой или ногой две или три конечности противника.

Примером этой техники может служить следующая комбинация: я наношу удар, противник проводит защиту рукой, я захватываю его блокирующую руку и притягиваю к себе, одновременно с этим нанося следующий удар. Если этот удар достигает цели, я получаю преимущество, если же противник успеет защититься второй рукой, я перехватываю его вторую руку, перекрывая ею ранее захваченную конечность, и, освободив свою руку от первого захвата, провожу ею новую атаку, например в область лица.

Моя вторая рука в этот момент контролирует, как бы связывая их, обе руки противника. Техника "упавшего дерева" могла быть применена как к верхним, так и к нижним конечностям, и существовали приемы, при которых одной рукой можно было одновременно контролировать три конечности противника, «связывая» их особым образом. При этом траектория, по которой я осуществлял своей свободной конечностью удар была гораздо короче траектории, по которой должны были бы двигаться «связанные» конечности противника для осуществления защиты или атаки, что давало мне тактическое преимущество.

Вторая техника, относящаяся к "вязке рук" называлась "вход в узкое ущелье". Ее суть, наоборот, заключалась в том, чтобы разбросать руки противника в стороны и открыть вход в середину его тела, то есть нарушить его систему защиты таким образом, чтобы сделать центр доступным для атаки.

"Вязку рук" мы дополнили вспомогательными выведениями из равновесия. Непрерывной чередой рывков, толчков различными частями тела мы сбивали друг друга с устойчивой позиции, одновременно добиваясь кратковременного преимущества и удерживая свою систему защиты.

Возникла парадоксальная ситуация, когда в отсутствии устойчивого и постоянного равновесия мы чувствовали устойчивость позиции, а отсутствие стабильных позиций рук закладывало основу полноценной защиты.

– Наставник последнего бойца направил его по пути «Спокойных», а два других воина были последователями иных путей, ведущих к совершенству, – продолжил свой рассказ Ли. – Если рассматривать в абстрактном плане конечные цели подавляющего большинства эзотерических учений, то они совпадают, различаясь лишь терминологией, которая их описывает. Цель последователей Шоу-Дао формально не отличается от них – это постижение Истины, стремление к совершенству, слияние с Дао и достижение бессмертия.

Только что я произнес какие-то слова, описывающие цель, но эти слова не дают реального понятия о цели, потому что каждый человек вкладывает в них свой смысл, близкий и понятный его духу. Поэтому оставим в стороне цель учения, ведь она слишком далека и на самом деле пока неясна для тебя, и сосредоточимся на пути, которому ты следуешь, потому что твой путь – это то, что ты делаешь в данный момент, то, что ты делал вчера и то, что ты будешь делать завтра.

Вчера, сегодня и завтра ты ешь, спишь, тренируешься, вступаешь в контакты с людьми и совершаешь массу более или менее целесообразных действий. По этой причине в данный момент путь для тебя становится важнее, чем цель. Это первое различие между последним бойцом и его соперниками. Последний боец просто существовал. Он работал в доме Учителя, не особенно напрягаясь и не сжигая свою душу ненасытным огнем стремления к мастерству любой ценой, он путешествовал по заданию наставника, тоже не терзая себя мыслями о напрасно потерянном для Учения времени. Когда мог, он наедался досыта, когда предоставлялась возможность, он отсыпался, сберегая силы для завтрашнего дня. И в то же время, затрачивая гораздо меньше усилий, он, сам не понимая почему, достиг того же уровня мастерства, что и другие бойцы, изнурявшие свое тело постоянными тренировками и медитациями, и неспособные уделить внимание обычным радостям бытия.

"Разумный предпочтет достижение цели меньшим потом, так как труд нам дарован для созидания", – сказал мудрец из притчи, и был совершенно прав. Но как же удалось последнему бойцу, затратив гораздо меньше усилий, добиться того же самого результата?

Ли замолчал, и не прерывая спарринга, метнул на меня испытующий взгляд. Ответ уже вертелся у меня на языке, но, поскольку Учитель не подал мне знака, позволяющего говорить, я вовремя

сдержался.

Ли усмехнулся и ответил сам.

– Разница заключается в том, что «Спокойные» придерживаются теории правильного питания, направленной на искоренение жажд, и достигают своих целей, вовремя питая свои основные потребности и не допуская перерастания потребности в жажду. Тем самым они добиваются общей гармонии, спокойствия, и уверенного следования по Пути.

Два других бойца, как и представители многих эзотерических течений, наоборот, вместо гармоничного удовлетворения своих потребностей, способствуют перерастанию некоторых потребностей в жажды, и затем, безвольно отдаваясь на волю своих жажд, хотя и достигают целей, на которые направлены эти жажды, но при этом теряют гармонию и радость бытия, затрачивая избыточные усилия на достижение того, что можно было бы достичь, говоря словами мудреца, гораздо меньшим путем, и, добавляю уже от себя, со значительно большим удовольствием.

Ли уже несколько раз вскользь упоминал о человеческих жаждах по разным поводам, но впервые он связал их с кругом пищи. Задумавшись об этой связи, я отвлекся и тут же очутился на земле, едва успев сгруппироваться для смягчения удара.

Презрительная гримаса Учителя подхлестнула меня. Одним движением я вскочил на ноги, еще в прыжке выполняя облачные движения и осторожно входя в контакт с непрерывно перемещающимися руками Ли, выискивающими бреши в моей защите. Жажды и теория правильного питания на мгновение вылетели у меня из головы, но голос Учителя вернул меня к этой теме.

– Жажды – очень важное понятие в учении о питании человека. Жажды возникают, когда организм или психика человека начинают неправильно питаться, получая патологическое удовольствие от тех или иных переживаний. Естественные потребности человека при своем правильном удовлетворении не дают о себе знать до тех пор, пока не наступит время вновь их удовлетворить и забыть о них. Они похожи на нормальное чувство голода, напоминающее человеку, что для поддержания сил ему необходима пища. Насытившись, человек забывает о пище до следующего момента, когда его желудок напомнит о себе.

Есть люди, у которых из-за семейных традиций или по каким-то другим причинам процесс нормального удовлетворения естественно возникающего голода нарушен. Их одолевает желание поглощать пищу по причинам, никак не связанным с нормальным чувством голода и потребностью обеспечить организм нужным количеством питательных веществ. Они едят по расписанию в предназначенное для еды время, едят от скуки или просто потому, что вдруг захотелось чего-нибудь вкусненького. Естественная потребность в пище переросла в жажду, приносящую ущерб гармоничному развитию личности и физическому здоровью.

Каждая человеческая потребность может перерасти в жажду, но если «Спокойные» рассматривали жажды, как болезненные отклонения психики, и, следуя теории правильного питания, искореняли их, приводя в норму удовлетворение потребностей, то в обычных сообществах людей жажды, даже во многих крайних формах своего проявления, рассматривались как добродетель и всячески культивировались.

Люди, пораженные жадой и умеющие внушать эту или другую жажду другим, становились лидерами. Так, революции возглавляли люди, обуреваемые жадой власти, жадой мести, жадой славы, жадой справедливости, жадой господина или взрывной смесью этих или других подобных жажд. Вожди заражали толпу жадой справедливости, равенства и братства, и, ставшая гипертрофированной потребность в справедливости не давала людям возможности остановиться и задуматься о том, что же такое справедливость. Удовлетворяя жажду справедливости, толпа убивала справедливость.

Каждого человека определяет набор его жажд. Умея распознавать жажды, можно управлять человеком. Жажда твоего врага – это слабый пункт твоего врага. Удовлетворяя его жажду или мешая ее удовлетворению, ты можешь управлять его чувствами и поведением в нужном тебе направлении.

Если ты хочешь завоевать женщину, тебе достаточно лишь распознать ее жажды и удовлетворить их, и тогда ты тоже можешь стать ее жадой.

Человек, лишенный жад, гораздо менее уязвим для манипуляций окружающих. Жажда заставляет человека терять контроль над своей потребностью. Только человек, не теряющий контроля за своими потребностями, способен к принятию осознанных решений.

Я перечислю тебе несколько разновидностей жажд, а остальные ты будешь открывать и изучать сам, общаясь с окружающими тебя людьми.

Жажда жизни развивается из одного из самых сильных инстинктов – инстинкта самосохранения. Нормально развитая потребность в самосохранении заставляет индивидуума беспокоиться о

собственной безопасности и поддерживать нормальное функционирование организма. Гипертрофированный инстинкт самосохранения делает человека пугливым и мнительным, превращая его в ипохондрика, заикнувшегося на процессах, происходящих в его теле, чувствующим себя смертельно больным при малейшем недомогании, боящегося напрячься или совершить какое-нибудь значительное усилие, чтобы окончательно не погубить свое драгоценное здоровье. В социальной жизни такой человек обычно тоже проявляет повышенную осторожность во всем, соблюдая сверхосторожность как в денежных делах, так и в личных контактах.

Жажды слуги и господина с одной стороны могут быть заложены в человеке генетически, а с другой стороны, являться результатом воспитания и воздействия окружающих. Генетическая составляющая этих жажд наблюдается у животных в процессе спаривания, борьбы за самку, территорию и место в иерархии стаи.

Самец, овладевающий самкой и побеждающий противников, закладывает в память поколений, что доминировать над другими – это хорошо. В то же время более слабые особи унижают себя поведением, получая меньшую трепку от доминирующего самца или какие-то иные привилегии, например, в получении пищи, передают своим потомкам информацию о том, что подобные действия также приносят пользу.

В отношениях между людьми жажда господина заставляет человека навязывать свою волю или пытаться доминировать каким-то другим способом во всем – в споре, в драке, в интеллектуальной дискуссии или в соперничестве из-за женщины. «Слуга», наоборот, будет всячески подстраиваться под собеседника или человека, входящего с ним в контакт, навязывая свое подчинение или желание отдалиться в его власть даже в тех случаях, когда этого не требуют обстоятельства.

Жажда усложнения жизни возникает, когда человек на подсознательном уровне стремится усложнить себе жизнь. Людям такого типа нравится фраза "не ищите легкой жизни". Им доставляет удовольствие если не сам мучительный процесс преодоления трудностей, то активное сосредоточение на процессе преодоления сопротивления, ударов судьбы и всевозможных препятствий, которые человек ищет сам, если они, по какой-то причине, не возникают на его пути.

Не путай трудолюбие, настойчивость и целеустремленность с жаждой усложнения жизни. Трудолюбие, настойчивость и целеустремленность – это нормальные способы достижения намеченной цели. Целеустремленный человек шаг за шагом движется к поставленной цели, но он не будет подсознательно усложнять жизнь себе и окружающим.

Люди, обуреваемые жаждой усложнения жизни, отравляют существование собственным детям, ссылаясь на то, что в молодости они добились всего своим собственным потом и кровью, и поэтому нечего молодому поколению рассчитывать на легкую жизнь, пусть пробивают себе дорогу тем же потом и кровью.

Все жажды являются следствием нарушения циркуляции сексуальной энергии. В некоторых жаждах их сексуальная природа более выражена, например в жажде ощущений или чувственности. Эта жажда присуща наркоманам или людям, имеющим пристрастие к извращенным типам ласк. Их чувственность настолько гипертрофирована, что обычными способами ее уже невозможно удовлетворить, и действия, необходимые для ее удовлетворения начинают наносить вред нормальной жизнедеятельности.

Жажда опасности присуща людям, получающим наслаждение от опасности, от близости смерти. К ним относятся некоторые альпинисты, гонимые, преступники и наемные солдаты. Выбросы адреналина в кровь возбуждают их сильнее, чем секс, и со временем они привыкают к чувству опасности, как к наркотику, потому что постепенно оно притупляется, и для получения наслаждения требуются все большие дозы риска.

Потребность в общении естественна для человека, но жажда общения, жажда общества – это ее патологическая форма, проявляющаяся в том, что человек начинает на улице заговаривать с незнакомыми людьми или подсознательно искать какие-то иные формы общения. Жажду общения можно часто наблюдать у одиноких старушек, заговаривающих с каждым встречным и поперечным, дающих советы и пространно повествующих о происшествиях с родственниками и знакомыми, а также о подробностях личной жизни. Жажда общения часто свойственна актерам, чувствующими себя не с своей тарелке без толпы поклонников и рукоплесканий публики. Особенно это характерно для актеров с истерическим складом личности.

Естественная потребность в справедливости перерастает в жажду справедливости, или, как ее еще называют, жажду заступника. В этом случае человек пытается изменить мир и окружающих людей, подсознательно стремясь к разрешению конфликта из-за несоответствия окружающего мира его личным представлениям о правильном устройстве этого мира. Внутренний конфликт находит свое

разрешение в эмоциональных взрывах и в действиях, которые с точки зрения человека, обуреваемого жаждой заступника, позволяют навести порядок и восстановить справедливость. Такие люди часто наносят большой вред обществу и окружающим людям, несмотря на то, что их поступки могут быть вполне оправданы и иметь под собой почву.

Жажда заступника свойственна террористам, чье желание исправить мир и восстановить справедливость настолько гипертрофировано, что заставляет их игнорировать любые гуманные побуждения и законы общества.

Жажда упорядоченности – это жажда чиновника. Она пробуждает в человеке страсть упорядочивать и систематизировать все, что встречается на его пути. Его день расписан по минутам, а на его кухне каждая кастрюлька, тарелка или нож всегда находится на своем месте. Такой человек педантично раскладывает все по полочкам, его раздражает даже неровно задернутая занавеска, едва заметный слой пыли на комоде или не очень аккуратно застеленная постель.

Не путай людей, просто привыкших к порядку с теми, кто одержим жаждой упорядоченности. Все зависит от способов удовлетворения потребности к упорядочиванию мира вокруг себя. Нормальное удовлетворение этой потребности выражается в том, что человек без излишнего напряжения планирует свой распорядок и аккуратно обращается с личными вещами. Если же его начинает раздражать отсутствие порядка в жизни или действиях других людей, если он испытывает страдание или отвращение при виде чужой неубранной комнаты, от того, что вещи не лежат на своих местах, это уже признак проявления жажды.

Жажда самолюбования достаточно широко распространена, и в одном из своих проявлений она получила название «нарциссизм». В этом случае человек, совершая какие-либо действия, как бы оценивает себя со стороны, наслаждаясь своей мудростью, своим бескорытием, своим благородством, или, наоборот, своей агрессией, жестокостью и беспощадностью. Жажда самолюбования часто свойственна людям, любящим давать подавание нищим, заботиться о бездомных или создавать благотворительные фонды.

Отличить эту жажду от естественной потребности очень легко – человек с такой формой жажды резко отрицательно и агрессивно воспринимает безразличие общества и отдельных личностей к своей персоне и к своим действиям, которые он считает достойными уважения, восхищения или благоговейного ужаса. В отношениях с людьми такой человек не способен на нормальное общение, а лишь старается произвести впечатление своей внешностью, богатством или эрудицией, и, как паразит, питается эмоциями окружающих, немедленно оставляя тех, кто своими словами или действиями препятствует процессу наслаждения собственной неповторимостью и уникальностью.

Жажда жалости к себе – еще одна форма жажды, выражающаяся в получении обостренного удовольствия от щемящих переживаний, возникающих в результате перемещения патологических форм сексуальной энергии. Эта жажда выражается в том, что человек, более-менее обеспеченный всем, что необходимо для выживания, человек, имеющий крышу над головой, сытый, обутый и одетый, живущий в относительно стабильном сообществе, а не в зоне военных действий, тратит свое время и силы на переживание собственных воображаемых несчастий. Он страдает от того, что живет в двухкомнатной, а не в трехкомнатной квартире, от того, что у него зарплата 120 рублей в месяц, а не 250, от того, что окружающие не понимают и не ценят его, от того, что автобусы приходят с опозданием, что хлеб, купленный в магазине оказался черствым, а хорошее мясо он и вовсе не смог купить и все эти несчастья сваливаются одно за другим на его хрупкие плечи, и некому пожалеть его и разделить с ним эту невыносимую боль...

Худшее оскорбление, которое можно нанести такому человеку – это сказать, что он сегодня прекрасно выглядит или ему в чем-то повезло. Он тут же возразит, что просто не может прекрасно выглядеть, поскольку его сердце терзают невыносимые страдания, а то, что со стороны может показаться везением, на самом деле подлинное проклятие, что вся его жизнь была ужасной цепью несправедливостей и горя и т. д.

Жажда сочувствия – еще одна разновидность жажд, представленная двумя составляющими. Первая составляющая, жажда сочувствия со стороны – острая потребность в сочувствии окружающих людей, и вторая, жажда выражения сочувствия. присутствует когда человек навязывает сочувствие другим, наслаждаясь ощущением собственной причастности к их жизни, представляя себе их переживания по тем или иным поводам, и без зазрения совести влезает в их дела, сострадая им по поводу и без повода.

Такое извращенное проявление сексуальной энергии часто бывает выражено у религиозных проповедников, или у людей, отказавшихся от личной жизни ради духовной помощи окружающим, по их мнению, грешникам, живущим в страдании и не обретающим счастья по причине собственных

заблуждений и неверия.

Жажда укрытия – одна из гипертрофированных форм застенчивости, когда человек наслаждается ощущением внутренней безопасности, забиваясь в свою духовную скорлупу и укрываясь там от превратностей реального мира. Естественная потребность в осознании своей личности и получении удовольствия от ухода в свой внутренний мир свойственна интровертам. Они, хотя и общаются с окружающими, но при этом не вступают с ними в активный эмоциональный контакт, уделяя внешнему миру лишь часть своего внимания.

Крайние формы жажды укрытия наблюдаются у некоторых больных шизофренией, которые настолько глубоко погружаются в мир внутренних образов, что полностью утрачивают способность общаться с внешним миром. Человека с жадой укрытия, еще не развившейся до уровня сумасшествия, можно легко заметить в компании или в толпе. Имея некоторый опыт, ты сможешь почувствовать замкнутость его мира и его внутреннее одиночество, которое только подчеркивается среди реагирующих друг на друга и общающихся между собою людей.

Жажда эмоций в большей степени свойственна женщинам, хотя встречается и среди мужчин. Люди такого типа получают удовольствие не столько от общения с себе подобными, сколько от сильных эмоций, возникающих в процессе такого общения и возбуждающих переживаний сексуальной природы. Так, женщина может устроить бурю в стакане воды по самому незначительному поводу, подзаводя и накручивая себя вплоть до истерики, когда выбросы сексуальной энергии начинают неконтролируемо перемещаться по телу, вызывая щемящие, возбуждающие ощущения.

С жадой эмоций связаны яростные ссоры молодых влюбленных, чья сексуальная энергия не расходуется до конца в половых сношениях, и ее избыток выплескивается в бурных, близких к оргазму переживаниях драматических ссор, заканчивающихся не менее бурным примирением и обычно сопровождающихся половым актом. Поскольку подобные способы обращения с сексуальной энергией приводят к истощению организма, ссоры, которые вначале приводят к дополнительному сексуальному удовлетворению, перестают его приносить и обращаются в дурную привычку, уничтожающую любовь и духовную близость.

Жены, которые целыми днями «пилят» и упрекают своих мужей, насильно втягивая их в конфликты, а потом рыдают и хлопают дверями, тоже гасят свою сексуальную неудовлетворенность избыточной жадой эмоций.

Жажда значимости свойственна камню, считающему себя скалой. Человек, обуреваемый жадой значимости всячески стремится подчеркнуть свою важность и получать соответствующее ей уважение и одобрение со стороны других людей.

Существует еще множество разновидностей жажд, и тебе предстоит научиться их различать и использовать, потому что воин жизни должен уметь использовать себе на благо каждую крупницу знания.

Теперь, когда ты имеешь представление о жаждах, мы можем рассмотреть притчу "Чье искусство лучше" с этой точки зрения.

Первые два бойца демонстрируют ярко выраженные жажды. Не зная подробностей их жизни, трудно судить, какая жажда или какой набор жажд направлял их действия. Может быть, это была жажда господина, или жажда совершенства, жажда следования авторитету или жажда усложнения жизни. Тут может быть замешана жажда самолюбования или самоутверждения или что-то совсем другое.

Не важно, какая жажда ими двигала, главное, что эта жажда искажала их картину мира и нарушала их внутреннюю гармонию, заставляя их маниакально фиксироваться на одной форме деятельности, усиливая и питая изначальное нарушение циркуляции сексуальной энергии. И хотя эти бойцы достигли того же самого уровня воинского искусства, что и третий ученик, они фактически выбросили потраченные на учение годы из своей жизни, ибо "вкус жизни", наслаждение жизнью, обучение жизнью прошли мимо них, не дав их телам и душам полноценного набора впечатлений, которым питается и на котором растет и совершенствуется человеческая душа.

Искусство третьего бойца было более универсальным. Наверно, он не смог бы выдолбить руками пещеру в скале, как сильный воин, или контролировать свое тело волевым усилием, как аскетичный боец, но поединок – это не только сила и не только контроль. Поэтому чем универсальнее и разностороннее подготовка, чем шире возможность восприятия, чем более задействованы интеллект, эмоции и инстинкты, тем выше мастерство. Боец, признанный лучшим, достиг того же самого результата более легким путем за счет правильности и универсальности питания своей психики.

У «Спокойных» есть много притч, связанных с этой темой. Та, которую я сейчас тебе расскажу, называется "Секрет непобедимости".

Жил когда-то непобедимый воин, любивший, при случае, показать свою силу.

Он вызывал на бой всех прославленных богатырей и мастеров воинских искусств и всегда одерживал победу. Однажды он услышал, что неподалеку от его селения высоко в горах поселился отшельник – большой мастер рукопашного боя. Отправился богатырь искать отшельника, чтобы еще раз доказать, что сильнее его нет на свете человека.

Добрался воин до хижины отшельника – и замер в удивлении. Думал он встретить могучего бойца, а увидел тщедушного старикашку, упражнявшегося перед хижинкой в старинном искусстве вдохов и выдохов.

– Неужели ты и есть тот человек, которого народ прославляет, как великого воина? Воистину людская молва здорово преувеличила твою силу. Да ты не сможешь даже сдвинуть с места каменную глыбу, у которой стоишь, а я, если захочу, смогу поднять ее и даже отнести в сторону, – презрительно сказал богатырь.

– Внешность бывает обманчива, – спокойно ответил старик. – Ты знаешь, кто я, а я знаю, кто ты и зачем ты сюда пришел. Каждое утро я спускаюсь в ущелье и приношу оттуда каменную глыбу, которую и разбиваю головой в конце моих утренних упражнений. На твоё счастье, сегодня я только принес глыбу, но не успел ее разбить, и ты можешь показать свое умение. Ты же хочешь вызвать меня на поединок, а я просто не стану драться с человеком, который не может сделать такой пустяк.

Разадоренный богатырь подошел к камню, что было силы ударил его головой и свалился замертво.

Вылечил добрый отшельник незадачливого воина, а потом долгие годы учил его редкому искусству – побеждать разумом, а не силой...

– Помимо самого очевидного толкования, эта притча говорит еще и о жаждах. Жажда первенства сделала богатыря очень сильным, но в то же время заставила его потерять картину мира. В результате воин разбил голову, а отшельник, свободный от жажд, начал развивать у него гармоничное и адекватное восприятие действительности, давая его душе полноценное питание в соответствии с гранями жизни.

На некоторых этапах обучения, относящихся к поглощению ложных знаний, «Спокойные» проводят ученика через все возможные жажды, вначале провоцируя их с помощью специальных упражнений, а затем заставляя ученика прочувствовать острый вкус этих жажд и использовать их для достижения новых вершин самосовершенствования.

Воины жизни учатся управлять жаждami так же, как они управляют эмоциями, вызывая их или заставляя их исчезать по собственному желанию. Научившись вызывать жажды, они развивают умение правильно их использовать.

Каждая жажда имеет две составляющие – конструктивную и деструктивную. Положительная функция жажды заключается в том, что она вынуждает человека сильнее концентрироваться на достижении поставленной цели, а отрицательный эффект проявляется в истощении нервной системы, потере внутренней гармонии и адекватного самоосознания. Используя жажды для достижения тех или иных целей, «Спокойные» выполняют специальные медитации, увеличивая таким образом положительный эффект жажд и смягчая отрицательный.

Так, добавляя к жажде жизни внутреннюю улыбку и чувство любви к собственному телу, можно стимулировать или расслаблять организм, повышая его сопротивляемость и жизненную силу.

Конструктивная составляющая жажды слуги находит великолепное применение в сексуальных отношениях, когда мужчина, с наслаждением выполняя желания женщины, доставляет удовольствие им обоим, или когда человек выражает уважение отцу или старшему в клане и получает удовольствие, осознанно удовлетворяя таким образом некоторые свои психофизические потребности.

Учитель, правильно управляя учеником, использует конструктивную составляющую жажды господина, с одной стороны пользуясь безоговорочной властью и осознанно удовлетворяя при этом свои потребности в передаче другим людям накопленных за долгие годы знаний и опыта, но он не впадает в упоение властью и не получает садистского удовольствия от доминирования над слабым.

Используя по назначению каждую жажду, ученик как бы «перерастает» ее, и жажда затухает сама по себе, но память о ней закладывается в подсознание, и в нужные моменты последователь Шоу-Дао может искусственно вызвать у себя ту или иную жажду и применить ее в своих целях.

Притча "Волшебное копье" рассказывает как раз об использовании жажды ученика для его обучения при помощи ложных знаний.

Один из Следующих По Пути Истины, проходя через город, решил дать представление на базарной площади, чтобы заработать себе на пропитание на ближайшие несколько лет.

Прикрепив к дорожному посоху нож вместо наконечника, странник сделал самодельное копье и стал показывать всевозможные трюки. Вскоре вокруг него собралась большая толпа, а кто-то из местных удалыцов даже попробовал посостязаться со странником в воинских умениях, но как бы они на него ни нападали, с оружием или без, он легко побеждал их, удерживая древко копья лишь тремя пальцами и награждая атакующих обидными тумаками, а то и щекоча или ударяя их острием.

Когда же день стал близиться к вечеру, и странник решил закончить свое представление, из толпы зрителей вышел юноша и обратился к нему с такими словами:

– Воистину тебе нет равных в умении обращаться с копьем, а я давно ищу Учителя, который бы согласился преподавать мне это искусство.

Юноша был из богатой семьи, и об этом лучше всяких слов говорили его красивая одежда и гордый облик. Ожидая решения собеседника, он проявлял явные признаки нетерпения и не смог скрыть искру высокомерия, мелькнувшую невзначай в его прищуренных глазах.

Видя, что странник медлит с ответом, юноша поспешил продолжить свою речь, пообещав тому хорошую плату за обучение, и предложил ночлег в своем доме вместе со слугами.

Странник не желал наживать себе могущественных врагов, но очень хотел продолжить путешествие. Поэтому он сказал юноше:

– Я ничтожный человек, а не великий мастер, а все, что ты видел – лишь проявление могущества волшебной силы этого копья, – он указал на посох с прикрепленным к нему ножом и продолжил:

– Все, чему я обучен – это умение прислуживать ему. Загоревшиеся в глазах у юноши алчные огоньки выдали его желание завладеть волшебным копьем.

Пренебрежительным тоном, в котором не осталось и тени почтения к страннику, юноша сказал:

– Мой отец купит у тебя копье, и ты получишь за него все, что пожелаешь. Если же ты воспротивишься этому, то копье отберут у тебя силой.

Улыбнувшись, странник ответил:

– Не я владелец копья, а оно – мой властелин. Его нельзя ни купить, ни украсть, ни отобрать силой. К нему только можно пойти в услужение и научиться исполнять его прихоти.

– Так вот почему у этого копья такой невзрачный вид, – воскликнул юноша. – Волшебная сила не хочет привлекать к себе внимание непосвященных. Научи же меня оказывать ему почести и выполнять его приказания.

– Если желаешь научиться служить ему и пользоваться его покровительством, – ответил странник, – придется тебе сначала заплатить за место чиновника при копье, обучение и содержание за год вперед, а затем отправиться в путешествие к святым горам вслед за копьем, ибо туда оно как раз и направляется.

К вечеру того же дня все было улажено, и странник с юношей и копьем двинулись в путь...

Шли дни, менялись времена года, и юноша из своевольного, изнеженного и капризного подростка превратился в могучего воина.

Однажды, когда спутники взойшли на высокий перевал, странник бросил копье в глубокое ущелье и с трудом удержал юношу, который чуть не прыгнул за ним вниз.

– Ты постиг высокое мастерство, но не познал корней жизни, – обратился мудрый странник к своему молодому другу. – Ни одна вещь на свете не стоит того, чтобы рисковать из-за нее жизнью. Что же касается волшебной силы копья, то пока ты учился управлять им, предугадывая его желания, она вся перешла в тебя.

После этих слов на юношу снизошло прозрение.

– О, Великий, – обратился он к мудрецу, – возьми меня в ученики и назначь плату за обучение.

– За истинное знание не берут мзды, ибо ты и так отдаешь ему жизнь, – сказал

странник.

– Почему же ты тогда при нашей встрече потребовал плату? – спросил юноша.

– Люди не ценят того, что им достается даром, и мерой всех достоинств сделали золото. Но истинные ценности всегда с тобой и вокруг тебя. Это ты сам, воздух, которым ты дышишь, земля, на которой ты стоишь, пища, что утоляет твой голод и жажду и одежда, что согревает тебя. Никакие другие богатства с ними не сравнятся.

Однако ты никогда не пошел бы со мной в день нашей встречи, если бы я рассказал тебе об этом. Люди мира больше всего ценят власть, и ты тоже был таким. Но я увидел в тебе жажду истины, и стал учить тебя любить жизнь. В день нашей встречи я взял тебя в ученики, но ты узнал об этом только сейчас.

Странник улыбнулся, взглянув на ученика, и пошел своей дорогой...

Ли замолчал и посмотрел на меня.

Я решил не задавать вопросов, чувствуя, что в этот раз Учитель предпочтет сам истолковать притчу в том ключе, который подходит к теме сегодняшнего разговора.

– Странник разглядел в юноше жажду истины, которую тот не осознавал, влекомый более сильными жаждой обладания, жаждой могущества и жаждой самолюбования, – снова заговорил Учитель. – Используя ложное знание, странник заставил юношу последовать за ним, и жажда обладания волшебным копьем помогла капризному подростку преодолеть все тяготы скитаний и обучения и превратиться в опытного воина.

Тогда странник использовал иное ложное знание, выбросив копье и дав иную трактовку своих действий. Это помогло ученику осознать свою жажду обладания, и эта жажда, выполнив свое предназначение, изжила сама себя и исчезла, расчистив для себя место иной жажде, уже более мягко выраженной – жажде следования за Учителем.

Со временем и эта жажда выгорит и исчезнет на очередном этапе поглощения ложных знаний, и юношу ожидает новая жажда, уже почти превратившаяся в нормальную потребность и новый виток Пути, расширяющий его картину мира.

Когда человеком владеет одна или несколько жад, эти жажды заглушают естественное проявление потребностей человека. Более того, человек даже не подозревает о том, что у него есть какие-то неудовлетворенные потребности, но общая неудовлетворенность постепенно накапливается, даже в том случае, если основные жажды удовлетворяются, и это нарушает гармонию его существования.

Так, человек, обуреваемый жаждой власти и добившийся богатства и высокого общественного положения редко бывает счастлив в личной жизни, потому что естественная потребность в любви и человеческой близости не выходит у него на сознательный уровень, поэтому он не уделяет должного внимания удовлетворению этой потребности, и не может чувствовать себя до конца счастливым. В пылу борьбы за власть он не замечает своей внутренней неудовлетворенности, но как только борьба заканчивается, и он выходит на вершину успеха, происходит ужасная вещь. Его жажда полностью удовлетворена, она перестает быть основной ведущей силой его действий, и тут на поверхность выходит годами накапливавшаяся неудовлетворенность остальных потребностей, и наступает духовный кризис. Ему повезет, если он сможет пробудить в себе иную жажду, и заняться процессом ее удовлетворения, в противном случае его ждет эмоциональный хаос и потеря смысла жизни.

По той же самой причине любовь, которая казалась безмерной, страстной и вечной, обращается в отчуждение или даже отвращение после медового месяца. Человек, готовый идти на любые крайности для удовлетворения своей жажды любви и сексуальной близости и всеми путями добивающийся взаимности после получения вожаденной награды – предмета своего обожания, удовлетворяет жажду, и тут на поверхность выходят иные неудовлетворенные потребности, такие, как потребность в разнообразии, потребность в одиночестве, потребность в понимании и сочувствии, потребность в надежности и безопасности и другие. Если партнер окажется способным удовлетворять значительную часть его потребностей, то союз может оказаться удачным, и жажда любви плавно перейдет в удовлетворенную потребность в любви.

Если же, как бывает по большей части, партнеры, удовлетворив свою жажду сексуальной близости выясняют, что они не способны удовлетворить остальные потребности друг друга, любовь исчезает, и на ее месте возникает сложный букет негативных чувств и горькие воспоминания о былой страсти.

Воины жизни лишены жад. Они учатся осознавать, развивать и удовлетворять все свои потребности, и это делает их независимыми, счастливыми и гармоничными.

Будда когда-то сказал "Желания приносят страдания. Человек, который избавится от желаний,

избавится от страданий".

"Спокойные" придерживаются другой точки зрения. Избавить человека от желаний может только смерть. Когда хочется есть, можно усилием воли подавить голод, но если полностью избавиться от желания есть, человек умрет. Поэтому я сформулировал бы утверждение Будды другим образом: "Жажда приносит страдания. Человек, который избавится от жажды, избавится от страданий".

Однако для того, чтобы избавиться от страданий, недостаточно избавиться от жажды. Суметь осознать и удовлетворить свои потребности, это целая наука, относящаяся к "вкусу жизни".

Из теории жажд автоматически вытекает классификация людей по типам, основанная на пяти первоэлементах. Пять первоэлементов, как, впрочем, триграммы и гексаграммы, служили основой систем классификации всевозможных предметов и явлений окружающего мира.

Благодаря этой символике, философ, лишенный иных инструментов познания и описания мира, мог достаточно близко подобраться к самой сути природы и явлений, объясняя себе картину мироздания достаточно ясным и непротиворечивым образом.

Пять первоэлементов – это инструмент для создания схем, и некоторые из этих схем широко известны как на востоке, так и на западе.

Схемы круга и заключенной в нем звезды, отражающие взаимоотношения пяти первоэлементов – стимуляцию или угнетение их друг другом широко известны в рефлексотерапии и определяют методики лечения. Эти схемы ты уже знаешь. Когда-нибудь я расскажу тебе о других...

Ли увеличил темп спарринга, и я целиком включился в поединок. Наши руки сплетались и перекрывали друг друга, ноги взлетали, нанося противнику ощутимые толчки. Захваты Учителя стали более жесткими и болезненными, и я освобождался от них с глубоким и сильным вздохом. Такой вздох помогал растопить болевые спазмы и перевести их в оргазмические ощущения.

От захватов за конечности Ли перешел к болевым захватам за кожу, и я снова включился в режим управления болью. Я отделился от нее, и наш поединок перешел в заключительную фазу медленных облачных движений.

Глава 4

Несколько месяцев спустя, когда период обучения в лесах Партизанского водохранилища закончился, Ли сказал:

– Мы столько раз говорили о жаждах, что ты, наверно, стал экспертом в этом вопросе. Пора научиться применять полученные тобой знания на практике.

Мы не спеша шли по Пушкинской – центральной улице Симферополя и излюбленному месту для прогулок большинства жителей города.

– Я уже давно хотел заняться практикой, – с энтузиазмом откликнулся я.

– Да, твои вопросы об этом мне порядком надоели, – ворчливо произнес Учитель. – Похоже, развлекаться на улицах тебе нравится гораздо больше, чем слушать мои мудрые речи.

– Ну что ты, – притворно возмутился я. – Ничто не сравнится с наслаждением, которое ты представляешь мне, утоляя мою жажду знания. Но я, следуя твоим указаниям, не забываю и о своих потребностях, а упражнения на улицах дают мне возможность распространять аромат своего плода на симпатичных девушек.

– На этот раз твоя задача будет несколько иной, – сказал Ли. – Ты будешь не распространять аромат плода на других людей, а, наоборот, вдыхать аромат их плодов.

Учение об аромате плода было составной частью "Вкуса плода с дерева жизни". Плод символизировал жизнь человека, который являлся одновременно и частью плода и его олицетворением.

– Аромат плода складывается из мнения о тебе, твоего внешнего вида, запаха, того, что ты сам о себе думаешь и того, что думают о тебе другие, – когда-то давно объяснил мне Ли. – Аромат плода – это слухи, которые распространяют о тебе другие или которые ты распространяешь о себе сам, воздействуя таким образом на своего будущего врага или союзника, или просто на человека из толпы.

Формируя аромат плода ты одновременно воздействуешь и на себя и становишься человеком, который отражает аромат плода. Из всех ароматов других людей ты выбираешь те, которые тебе больше по душе и пытаешься в той или иной форме приспособить свой аромат под окружающих.

Существуют специальные приемы распространения аромата плода для достижения нужного тебе эффекта воздействия на окружающих. Поэтому аромат плода имеет самое непосредственное отношение к общению и управлению людьми.

Рука Учителя вцепилась мне в плечо. Я обернулся и оцепенел на месте от ужаса. Лицо Ли искажено выражение животной жестокости, его глаза излучали ненависть и злобу убийцы-психопата, а

тело пульсировало от сдерживаемой агрессии.

Ли уже не раз пугал меня своими неожиданными действиями, и я уже более или менее привык контролировать свои эмоциональные реакции, но тут он застиг меня врасплох. Уютное спокойствие любимой улицы в сочетании с веселыми воспоминаниями о том, как я учился передавать аромат своего плода идущим по улице симпатичным женщинам, привели меня в такое благодушное настроение, что я просто не сумел перестроиться и понять, что происходит. Я чувствовал, что в следующую секунду это яростное чудовище, сжимающее мое плечо, набросится на меня и растерзает в клочья. Я прирос к месту, глядя на Ли с обреченной тупостью барана, предназначенного на заклание, и тут Учитель отпустил мое плечо и весело расхохотался. По моему телу прокатилась дрожь облегчения. Я расслабился, хотя голова немного кружилась, и я не очень хорошо соображал.

– Немногого ты стоишь, если позволяешь кому угодно парализовать тебя взглядом, – презрительно бросил Ли.

– Не кому угодно, а тебе, – машинально и довольно глупо возразил я, встряхивая головой, чтобы прогнать оцепенение. – Что ты сделал со мной?

– Я показал тебе управление жаждой для формирования аромата плода, – сказал Учитель. – То, что ты видел, было мыслеобразом доведенной до крайних пределов жажды мести. Когда-то я уже говорил тебе, что в общении, как и во всем остальном воины жизни выбирают срединный путь, оставаясь нейтральными в своих внутренних проявлениях, но создавая вокруг себя аромат, который может трактоваться как в одну, так и в другую сторону. Если сравнивать аромат со звуком, то аромату воина жизни соответствовала бы тишина. Тишина содержит в себе зародыши всех звуков, и в то же время тишина теряется среди звуков. Точно так же аромат воина жизни содержит в себе зародыши всех оттенков ароматов, и в то же время он настолько тонок, что теряется среди других ароматов, и поэтому воин жизни незаметен среди толпы в том случае, если он не хочет выделяться. В то же время в моменты общения вне клана воин жизни подает себя, не раскрывая своих истинных намерений и чувств, так, как ему выгодно, создавая впечатления достоинств или недостатков, мелких привычек или страстей, пассивности или жажды.

Распознавание жажд относится к вдыханию аромата плода других людей. Каждая жажда проявляется специфическим оттенком аромата. Но чтобы научиться различать и идентифицировать эти оттенки, ты должен прочувствовать и запомнить их по своему собственному аромату, создавая соответствующие жажды с помощью мыслеобразов. Каждая жажда – это гипертрофированная потребность. Любая потребность в той или иной степени присутствует у каждого человека. Следовательно, для того, чтобы создать у себя мыслеобраз жажды, ты должен осознать в себе свою собственную потребность, являющуюся основой данной жажды и с помощью представления усилить ее до нужных тебе размеров. По мере нарастания интенсивности потребности, ты будешь ощущать, какие изменения происходят в тебе, и как меняется аромат твоего плода. Давай начнем с жажды слуги. Как ты думаешь, на какой потребности основана эта жажда?

– Наверно, на потребности подчиняться, – ответил я.

– Естественно, что на потребности подчиняться. Это очевидно, – сказал Ли. – Подумай, почему и в каких случаях у тебя возникает потребность подчиняться.

– По-моему, эта потребность у меня не очень сильно развита, – задумчиво сказал я. – Я бы не сказал, что испытываю потребность подчиняться, скорее я считаю подчинение естественной реакцией во многих ситуациях, например, при общении с родителями, с преподавателями, с милицией, с Комитетом Госбезопасности или с тобой. В одних случаях я подчиняюсь более охотно, в других – менее охотно, но все-таки это для меня скорее разумный выбор, чем удовлетворение потребности.

– На самом деле потребность подчинения у тебя существует, – сказал Учитель. – Человек – стадное животное, и потребность подчинения заложена в нем самой природой. Если бы этой потребности не существовало, люди сражались бы до смертельного исхода, отказываясь подчиниться друг другу, и общество не смогло бы существовать. Нормально удовлетворяемая потребность почти не заметна. Ты автоматически удовлетворяешь ее, не задумываясь об этом. Если потребность становится столь сильной, что ты осознаешь ее и не забываешь о ней, это уже жажда, или слабая форма жажды. Ты высокий и физически сильный. Твои родители любили тебя, в стычках со сверстниками ты выходил победителем, и у тебя неплохо развита способность мыслить и самостоятельно принимать решения. Поэтому потребность в подчинении не стала необходимой для твоего выживания и благополучия и не обратилась в жажду слуги. А что ты скажешь о потребности господина? Насколько сильно у тебя проявляется желание доминировать?

– Наверно, немного сильнее, чем потребность подчиняться, но не слишком. Мне нравится быть независимым, но я не чувствую желания подавлять других или навязывать им свое мнение, хотя в

случае, когда приходится драться с кем-либо, у меня действительно иногда, когда ситуация становится критической, возникает почти животное желание победить любой ценой и во всех своих действиях идти до конца без сомнений и сожалений.

– Поскольку ты силен и уверен в себе, – сказал Ли, – у тебя не возникает навязчивого желания демонстрировать свою силу самому себе и окружающим. Потребность доминировать не превратилась у тебя в жажду господина. Но неспособность в нужный момент переводить потребности в жажды может стать уязвимым пунктом бойца и в некоторых случаях даже может стоить ему жизни.

– Каким образом? – спросил я.

– Это случается сплошь и рядом, – ответил Учитель. – Представь себе спор двух одержимых идиотов, ни один из которых не хочет уступить. Предмет спора может не стоить выеденного яйца, или может казаться исключительно важным для обоих. Спор переходит в драку, и в результате один или оба погибают. Даже если они понимали, что не имело смысла затевать этот спор, они не могли избежать его, поскольку ни один из них не умел обращать потребность в подчинении в жажду слуги.

Намеренное создание в нужный момент жажды слуги помогло бы одному из них отказаться от спора и, более того, получить от этого отказа и удовольствие и реальный стратегический выигрыш.

– В таком случае совет: "если тебя насилуют, расслабься и получи удовольствие" должны были придумать "Спокойные", – заметил я.

– "Спокойные" сформулировали бы это несколько иначе, – усмехнулся Ли. – Если тебя насилует жизнь, и ты не можешь этому помешать, расслабься и получи удовольствие, но если тебя ничто и никто не насилует, то все равно получи удовольствие. Следуя учению о "вкусе жизни", последователи Шоу-Дао получают удовольствие от всего, происходящего в их жизни. Поскольку легче это сказать, чем сделать, воины жизни затрачивают годы на выработку умения наслаждаться всеми событиями, как приятными, так и неприятными. На самом деле для них стирается разделение на приятное и неприятное. Событие – это всего лишь событие, а приятным или неприятным его делает эмоциональная реакция на него. То, что для одного может оказаться отвратительным, другому покажется божественным. Сознательное вызывание жажд является одним из ключей к управлению своим эмоциональным состоянием, а заодно и ключом к управлению людьми.

Возьмем случай изнасилования. В природе это нормальное явление. Инстинкт подчинения заставляет самку воспринимать этот процесс спокойно, без психологических травм и драматических последствий, исключая, конечно, пауков, у которых самка иногда закусывает своим партнером, если он не успеет вовремя ретироваться.

В обществе людей изнасилование – это серьезное преступление, часто заканчивающееся увечьями или смертью жертвы, и почти всегда – серьезными физическими и психическими травмами для женщины. Если бы женщина, которую насилуют, была Шоу, она понимала бы, что в случае сексуального нападения на нее ее главная задача – выжить и выйти из ситуации с минимальными потерями.

Вначале она оценила бы ситуацию – имеет ли смысл вступить с бой или подчиниться. Если очевидно, что сопротивление было бы бесполезным, нужно выбрать тактику дальнейших действий. Есть много трюков, с помощью которых можно обмануть или перехитрить насильника, и в них также используется умение распознавать жажды и управлять ими, но только как вспомогательный элемент. Если же изнасилования избежать невозможно, женщина-Шоу вызвала бы у себя жажду подчинения и даже, хотя это звучит отвратительно для европейской морали, получила бы наслаждение, подстроив свои жажды под жажды насильника, и тем самым до некоторой степени управляя его поведением. Действуя так она позволяет ему освободиться от излишка сексуальной агрессии с минимальными неприятностями для обоих сторон.

– Интересный взгляд на изнасилование, – заметил я. – Думаю, что моим знакомым женщинам было бы трудно его принять.

– Одна твоя знакомая женщина поступила бы именно так. Хотя не думаю, что среди местного населения нашелся бы мужчина, способный ее изнасиловать.

– Странно, что я не подумал о ней, – сказал я. – Наверно для меня Лин не женщина в привычном понимании этого слова. Она ни на кого не похожа, даже на тебя. Ты ведешь себя как-то более по-человечески, несмотря на все невероятные вещи, которые ты показываешь мне. А Лин настолько совершенна и лишена обычных женских черт и недостатков, что кажется инопланетным существом.

– Она просто плохо умеет маскировать свое совершенство, – ворчливо заявил Учитель. – А если бы ты занимался со мной сексом так же, как с ней, я бы тоже казался тебе неземным существом, лишенным человеческих недостатков и слабостей.

Я расхохотался. Ли своим голосом и мимикой настолько хорошо сумел передать интонации

ревнивой и обиженной женщины, что мне на секунду показалось, что его потертый костюм превратился в мешковато сидящее длинное женское платье.

– Все дело в отношении к ситуации, – объяснил Учитель. – Женщины считают, что изнасилование – это мерзкое и несправедливое деяние, которое не должно случаться с ними. Если на них набросится с лаем собака, они не будут реагировать на нее так, как реагируют на атакующего их мужчину, ведь собаку они считают существом, неспособным мыслить и не имеющим моральных устоев, поэтому, согласно их образу мыслей, собака вполне может лаять на них или даже покусать. Мужчину же они воспринимают как существо разумное, осведомленное о законах и правах человека, поэтому они начинают вести себя неадекватно ситуации.

В случае собаки, вместо того, чтобы возмущаться по поводу ее преступного поведения, женщина может бросить в нее камень, или лстивым голосом сообщить ей, что она – очень красивое и умное животное, обладающее всеми выдающимися качествами четвероногого друга, или просто достать из сумки кусок колбасы, и взяткой умаслить паскудную зверюгу.

С мужчиной женщина почти всегда ведет себя по-другому, и в большинстве случаев сама провоцирует его излишне жестокое обращение с ней. Если бы женщина, воспринимая насильника, как бестолково лающую собаку, объяснила бы ему, какой он красивый и умный мужчина, и какими выдающимися качествами мужского пола он обладает, а потом достала из сумки кусок колбасы или пачку сигарет и угостила бы его, возможно, он даже отказался бы от идеи насиловать такую милую и понимающую даму, а если бы и изнасиловал, то сделал бы это в гораздо более мягкой и приятной форме.

Однако женщины поступают наоборот. Они объясняют ничего не соображающему от желания сексуальной близости существу, какой он негодяй, подонок и мразь, ничуть не смягчая этим его и так чересчур возбужденное состояние, потом они рвут его одежду, кусаются и царапаются, еще больше подогревая его агрессивность, и в конце концов заявляют, что они прекрасно запомнили его лицо, и что родная милиция засадит его, эту мерзкую тварь, за решетку лет на пятнадцать, и он будет гнить в тюрьме, а вонючие и злобные гомосеки каждый день будут проделывать с ним то, что он сделал с ней. Только сейчас осознавший ожидающие его перспективы насильник, даже против своего желания, будет вынужден прикончить жертву, потому что перспектива протирать тюремные нары, ожидая, пока его самого кто-либо не изнасилует, его отнюдь не прельщает.

Так женщины ведут себя с мужчинами, но вряд ли ты встретишь даму, пытающуюся избавиться от злобной собаки, объясняя ей, что сообщит ее приметы собачнику, который поместит недостойное именоваться порядочным псом животное в клетку, а потом его заберут ученые в институт, чтобы ставить опыты на его желудке, печени и легких.

Преимущество Лин в том, что она знает, как адекватно реагировать на ситуацию, обращаясь с насильником, как с безличной силой, представляющей опасность для нее, такой же бессознательной, как собака, наводнение или падающий с крыши кирпич, и ее мысли заняты лишь тем, что она должна сделать, чтобы выжить и выйти из ситуации с наименьшими потерями, поэтому она отбрасывает все личные чувства и человеческие предрассудки, концентрируясь только на основной цели.

Мы миновали краеведческий музей и повернули направо, направляясь в небольшой сквер, расположенный перед девятой школой, в которой я когда-то учился. Учитель жестом предложил мне сесть на скамейку. Он удобно устроился, вытянув ноги и, потянувшись, сложил руки за головой.

– Сейчас ты потренируешься доводить потребности до жажды, – сказал он. – Начнем с жажды слуги. Чтобы облегчить себе задачу, представь, что я декан твоего факультета, и собираюсь устроить тебе хорошую головомойку. Будем считать, что я декан очень чувствительный к настроениям студентов, и что я ощущаю малейшие нюансы твоего отношения ко мне. Даже если ты будешь оправдываться и извиняться со скрытым внутренним сопротивлением, будь уверен, что я тебя вышибу из института. Так что я должен убедиться, что ты полностью находишься в моей власти, проявляя не только внешние признаки почтения и подчинения, но и наслаждаясь в душе ощущением собственной униженности и моего величия.

Учитель расправил плечи и твердым жестким взглядом уставился на меня. Его рот скривился в гримасе презрения и высокомерия.

Время от времени я рассказывал Ли истории о нашем декане. Он был человеком суровым и питал особое пристрастие к дисциплине. Хотя я считал декана неплохим человеком, у меня он ассоциировался с Пиночетом. Сельхозинститут находился в получасе езды от города, и обучающимся в нем студентам предоставлялось общежитие. Декан полагал, что для улучшения успеваемости необходимо запретить городским студентам ночевать дома и отлучаться с территории института. Порядки, введенные им в общежитии, вызывали некоторые ассоциации с тюрьмой. В течение дня нам запрещалось

лось лежать или сидеть на кровати. Если возникало желание отдохнуть, студенты должны были пользоваться стульями.

Эти особенности личности декана развили во мне специфическую чувствительность к его присутствию, и когда интуиция предупреждала меня о возможности появления этого бескомпромиссного поборника дисциплины, я предпочитал ретироваться, чтобы не искать приключений на свою голову.

Однажды я в очередной раз совершил преступление, уснув на кровати в грязной одежде среди бела дня, и вдруг резкое ощущение опасности заставило меня сесть. Я понял, что сейчас в комнату с проверкой войдет декан. Я едва успел подняться и начать поправлять постель, как дверь распахнулась, и декан, суровый, как воплощение карающего правосудия, появился на пороге. Конечно, он устроил мне разнос, заподозрив, что я днем использовал кровать так, как ее можно использовать только ночью, но прямых доказательств у него не было, и громы и молнии, которые метал декан, оказались цветочками по сравнению с бурей, которая разразилась бы, застукай он меня лежащим на кровати.

Я встретился с Ли глазами и попытался настроить себя на внутреннее подчинение, но что-то во взгляде Учителя нервировало и раздражало меня, пробуждая с трудом подавляемую агрессию и желание ответить ему таким же высокомерным и презрительным взглядом. Чем больше я боролся с собой, тем меньше во мне оставалось покорности и желания подчиниться.

Усмешка Ли становилась все более презрительной и отвратительной, а потом он отвел взгляд.

– Видишь, как легко управлять тобой с помощью взгляда, – сказал он.

– Не понимаю, почему у меня ничего не получилось, – попытался оправдаться я с чувством раздражающей неловкости. – Честное слово, я пытался изо всех сил.

– Я знаю, что ты пытался, – сказал Ли. – Но ты все делал неправильно. Прямой взгляд в глаза выражает агрессию, особенно когда он сочетается с посылом соответствующего мыслеобраза. Где ты видел человека, который выражает свое подчинение, отвечая прямым взглядом на прямой взгляд? Чем больше ты смотрел на меня, тем сильнее тебе передавалась моя агрессивность, и в тебе рефлексивно пробуждалась ответная реакция. Ты силен и уверен в себе, поэтому отвечая взглядом на взгляд, ты просто не можешь вызвать в себе ответной покорности. А теперь я покажу тебе, что такое жажда слуги. Посмотри на меня.

Ли слегка ссутулился и подался вперед. Его взгляд скользнул по моему лицу и опустился. Губы сложились в лстивую подобострастную улыбку, а глаза, нервно перемещающиеся вверх, не пересекая линии моего взгляда, а потом отводящие взгляд в сторону и вниз, излучали любовь и покорность, граничащие с желанием раствориться во мне, потерять свою личность и индивидуальность в этой неутолимой жажде единства.

Блуждающий взгляд Учителя, казалось, гипнотизировал меня. С одной стороны, жалкое выражение самоуничижения вызывало у меня легкое раздражение и отвращение, но, с другой стороны, ощущение безграничной любви и жажды подчинения и самопожертвования, вплоть до отказа от собственной жизни, проникало вглубь моей души, согревая ее и вызывая какое-то извращенное сочетание ответного теплого чувства, отравленного идущим из глубин желанием оттолкнуть Ли, чтобы избавиться от этого навязчивого обожания, и даже неприятным мне самому садистским желанием причинить боль. Мелькнула мысль, что Ли напоминает мне беспредельно обожающую меня женщину, которая этим обожанием, преследующим меня и не дающим мне покоя ни днем, ни ночью, вызывает столь же безграничное желание раз и навсегда избавиться от нее, от ее всепроникающего желания растворения во мне и подчинения. К горлу подкатила тошнота. Я с трудом подавил начинающиеся спазмы в желудке и пищеводе. Не в силах больше глядеть на Учителя, я отвернулся и закрыл глаза, пытаясь отделаться от нарастающего стремительно, как снежный ком, подсознательного отвращения.

Резкие и болезненные удары по щекам привели меня в чувство. От боли и неожиданности отвращение исчезло, и спазмы тошноты прекратились. Ли улыбался. Лицо его было совершенно бесстрастно.

Я потряс головой, приводя в порядок свои мысли.

– Что это было? – спросил я.

– Ты расстался с еще одной иллюзией, – ответил Ли. – В присущем для тебя образе мыслей ты считал, что реальная власть обеспечивается жадой господина. В тебе больше господина, чем слуги, поэтому для тебя было бы крайне трудно, почти невозможно представить, какую власть и могущество имеет жажда слуги. Обрати внимание, когда я смотрел на тебя, как господин, ожидая реакции слуги, ты достаточно спокойно выдерживал мой взгляд, но когда ты смотрел на меня глазами господина,

а я показал тебе крайнюю степень жажды слуги, тебе стало плохо, потому что твоя потребность доминировать и повелевать слишком слаба, чтобы суметь удовлетворить жажду, которую ты видел во мне, и твоя нервная система не выдержала напряжения. Тебе стало плохо. Так что жажда слуги годится не только для подчинения. При умелом использовании она может дать огромную власть, но эта власть будет скрытой, и человек, который будет чувствовать себя господином, отвечая на жажду слуги, на самом деле окажется жертвой.

– Знаешь, на какой-то момент мне показалось, что ты – женщина, которая одновременно вызывает у меня и сильную любовь и в то же время отталкивание. Возможно, мне еще поэтому стало плохо, – сказал я.

– Общение на уровне мыслеобразов жажд пробуждает в тебе отклики, которые ты часто не можешь объяснить себе словами, и которые могут оказаться очень сильными, и даже разрушительными. Я уже говорил тебе, что в психике есть болезненные или, наоборот, бесчувственные зоны, которые реагируют на слова, ситуации или иные воздействия нестандартным или ненормальным способом, точно так же, как точки на теле человека отзываются слишком болезненным ощущением на нажатие пальца там, где нарушена циркуляция энергии и начинает гнездиться болезнь.

Воздействие мыслеобразами жажд – гораздо более сильная форма зондирования болезненных зон психики и определения ее строения. Если ты хочешь управлять человеком, ты должен понять, как он устроен. Слишком долгий и слишком очевидный путь добиться этого – использовать слова, и наблюдать его эмоциональные реакции. Это годится в основном для людей с низким уровнем интеллекта, и слишком очевидно для того, кто умеет мыслить. Чтобы определить слабые пункты кого-либо незаметно для него, ты в общении с ним должен создавать легкие, едва заметные образы жажд, направляя их на него, и наблюдая, как его психика будет реагировать на эти послы. Сначала эти отклики ты будешь читать по его бессознательным жестам, выражению лица, частоте дыхания и пульсации зрачков. Постепенно ты научишься воспринимать и расшифровывать его отклики своим телом, примерно так, как это произошло у тебя со мной, хотя, конечно, и не в такой сильной степени.

Если ты захочешь понравиться человеку, то в первую очередь ты должен определить, какие из твоих мыслеобразов жажд вызывают у него положительный отклик, а какие – отрицательный, и затем, наращивая интенсивность соответствующей жажды, выяснить предел, за которым положительный отклик начинает угасать. Постепенно, но с каждым разом более полно и эффективно удовлетворяя его жажды, ты будешь потихоньку развивать и усиливать их, и, стараясь избегать совершения действий и проявления чувств, для него неприятных, ты будешь увеличивать его зависимость от тебя, и при надлежащем умении, эту зависимость человека от человека можно довести до уровня приверженности к наркотикам.

В истории примеры подобного использования жажд встречаются сплошь и рядом. Верховная власть в государстве часто принадлежит не королю, а его незаметному и малоизвестному министру, ловко удовлетворяющему жажды короля, и получающему все, что он пожелает в обмен на удовлетворение этих жажд.

Развитие и прогресс человечества – это результат удовлетворения жажд, причем чем сильнее жажда отдельного представителя человеческого рода, тем больше она влияет на его окружение и даже на всю цивилизацию в целом. У животных очень редко наблюдается перерастание потребности в жажду. Обычно животное причиняет боль другому живому существу не из садистских побуждений, а потому, что хочет есть или защищает свою территорию, или борется за внимание самки. Только человек ухитряется придумывать абстрактные теории для того, чтобы оправдывать свои жажды и удовлетворять их самыми изощренными и антигуманными способами.

Александр Македонский завоевал полмира, подчиняясь своей жажде господина, но мотивируя это высокими целями необходимости создания империи, хотя очевидно, что завоеванные им земли были слишком обширны для того, чтобы силами его войск он мог поддерживать в них порядок.

Гитлер пытался завоевать весь мир и уничтожил миллионы людей, основываясь на теории превосходства арийской расы. Эйнштейн изобрел атомную бомбу, удовлетворяя свою жажду знания. Блаватская создала теософское общество, ведомая жаждой мессии.

Жажды превращали людей в святых или злодеев, заставляли их посвящать свою жизнь бессмысленным и бесполезным действиям или совершать гениальные открытия во благо человечества.

Все эти люди действовали ради определенных целей, которые они считали благородными и правильными. Если бы они осознали, что поступают так только в силу того, что какая-то их естественная потребность гипертрофировалась до уровня доминирующей и забивающей все остальные потребности жажды, они были бы оскорблены и разочарованы.

Вся западная цивилизация основана на жаждах, с детства развиваемых у будущих членов обще-

ства. Поэтому западная цивилизация столь агрессивна и воинственна, и именно поэтому у людей Запада столь стремительно растет число нервных заболеваний. Человек, живущий ради удовлетворения жажд, может стать внешне преуспевающим и достичь высокого общественного положения и материальной независимости, но он не станет независимым и гармонично развитым человеком до тех пор, пока он продолжает быть рабом своих жажд.

Одной из самых распространенных форм эксплуатации жажд является религия. Большинство людей в религии удовлетворяют свою жажду слуги, а для некоторых религия становится орудием удовлетворения жажды мессии. Религия приносит несомненную пользу обществу, помогая его членам удовлетворять ряд потребностей, которые было бы трудно удовлетворить иным путем, и таким образом делает общество более стабильным и гармоничным, ведь человек с удовлетворяющимися потребностями более спокоен и счастлив, чем неудовлетворенный представитель человеческого рода, и представляет меньшую угрозу благополучию и безопасности других.

Атеист, лишенный возможности молиться и полагаться на волю господ, в надежде, что тот надлежащим образом решит и направит его судьбу, вынужден удовлетворять свои потребности в подчинении, безопасности и следовании авторитету другими способами, и когда у него возникают проблемы, он вместо господ бога обращается к психотерапевту.

Нет смысла спорить о том, хороша или плоха та или иная религия, так же как нет смысла в рассуждениях о том, какой подход в психотерапии самый эффективный и правильный. С точки зрения «Спокойных» наиболее подходящая для каждого отдельно взятого человека религия та, которая наилучшим образом удовлетворяет его потребности, не давая им перерасти в жажды, и делая таким образом его существование наиболее благополучным и полноценным. Человек, полноценно удовлетворяющий свои потребности неагрессивен и уравновешен, и является прекрасным членом любого сообщества.

То же самое относится и к психотерапии. Тот подход, который позволяет пациенту осознать свои потребности и жажды и научиться их удовлетворять самостоятельно и без ущерба для других людей – в данном случае является лучшим подходом.

Если рассматривать Шоу-Дао с такой точки зрения, то сразу становится понятным, что учение «Спокойных» не является ни религией, ни набором таинств, позволяющих ученику прикоснуться к чему-то запредельному или сверхъестественному или стать сверхсуществом.

То, чему с пеленок обучаются члены клана – это быть спокойными, счастливыми и гармонично развитыми людьми, естественно удовлетворяющими свои потребности, но в то же время, в процессе удовлетворения этих потребностей, постепенно и терпеливо развивающими все возможности, заложенные в человеческой природе.

Когда-то я сказал тебе, что основная цель «Спокойных» – достичь при жизни физического бессмертия. Это тоже был трюк. Если бы я объяснил тебе, что «Спокойные» – это просто гармоничные и счастливые люди, ты не обратил бы на мои слова никакого внимания и не заинтересовался бы учением Шоу-Дао.

Европейцу не нужна мудрость, ему нужна яркая реклама. Бессмертие – это да, это звучит возбуждающе. Непобедимый воин – какие слова могут быть отраднее для уха молодого мужчины. Ты купился на слова и действия, которые тебе казались невозможными для обычного человека. Тебе хотелось видеть меня Учителем, высшим существом, заменяющим Господа Бога, чтобы ты мог, не задумываясь, поклоняться мне, подражать мне и следовать за мной. Но желание поклоняться, подражать и следовать – это жажды, которые ты должен был удовлетворить, чтобы избавиться от них и стать гармоничным человеком. Теперь я могу тебе сказать, что бессмертие, непобедимость, экстрасенсорные способности – всего лишь естественный побочный эффект учения. Несчастный и неудовлетворенный человек цепляется за самые абсурдные идеи и борется, воплощая их в жизнь в надежде получить что-то, что выделит его из толпы. Он стремится к своей цели в надежде стать, наконец, удовлетворенным и счастливым, хотя погружение в собственную жажду еще дальше уводит его от гармонии и от понимания истинной подоплеки собственных действий. Удовлетворенный и счастливый человек ни за что не борется. Он просто живет, наслаждается жизнью и развивает себя, получая в процессе развития все больший заряд энергии, силы и счастья.

Обычно к бессмертию и сверхспособностям рвутся неудовлетворенные, несчастные в личной жизни люди, подсознательно угнетенные осознанием собственной ущербности. Они страстно добиваются поставленной цели, даже не задумываясь, нужен ли им результат, и что они будут делать, добившись его. Представь, что кто-либо потратит двадцать лет, тренируясь день и ночь, чтобы добиться левитации. И вот он, наконец, достиг своей цели. У него больше нет молодости, его здоровье подорвано тренировками, но он, наконец, может левитировать. Что же он сделает теперь с этой своей

способностью?

С одной стороны, можно неплохо зарабатывать деньги, демонстрируя этот трюк в цирке или на ярмарках, а, с другой стороны, можно удовлетворить свою жажду мессии, обучая других искусству левитации. Можно даже создать собственное учение и свою школу и умереть окруженным восхищенными учениками и поклонниками.

Ученики, в свою очередь, не задумываясь, зачем им это надо, тоже будут учиться левитировать в течение двадцати лет, и затем передадут свой опыт следующему поколению Искателей Истины или, скорее, Искателей Левитации, с уважением вспоминая Великого Учителя, Основателя Школы.

Во всем этом нет ничего дурного, это просто способ провести свою жизнь, следуя за идеей или авторитетом, точно так же, как другие проводят жизнь в молитвах или в посещениях психотерапевта. Жажда мессии – довольно распространенная жажда у тех, кто не смог найти гармонии в личной жизни, и удовлетворяет себя тем, что учит других, как надо жить, изобретая собственные теории или ссылаясь на учение, книги или слова уже умерших мессий. Мессии, удовлетворяя свои жажды, пробуждают жажды в других вместо того, чтобы делать тех гармоничными и удовлетворенными. Только гармоничный человек может помочь другому стать гармоничным, хотя для достижения этой цели часто приходится применять ложное знание для выявления, усиления и удовлетворения жажд, до обращения их в обычные потребности.

– Ли, значит твои слова о том, что «Спокойные» стремились к достижению физического бессмертия, и что некоторые из посвященных Шоу действительно достигали его, были всего лишь трюком?

– Вряд ли «Спокойные» стали бы называть себя Бессмертными или воинами жизни только для того, чтобы морочить голову подобным тебе юнцам. Так же, как и притчи, цели и идеи «Спокойных» имеют много разных толкований, которые открываются ученикам по мере развития их сознания. Сейчас я просто дал тебе другую трактовку, которая сделает твое понимание учения Шоу-Дао более полным.

Ли потянулся и сделал несколько вибрирующих движений, волнообразно прокатившихся по его телу снизу вверх. Мое тело автоматически откликнулось на энергетическую волну, пробужденную его действиями, синхронным подъемом энергии. Острые приятные уколы разливающейся по телу ци, напоминающие бурление газа в взбаламученном шампанском освежили меня изнутри, создав удивительно приятное ощущения радостного осознания слов Учителя.

С тех пор, как я познакомился с ним, он, действительно, никогда не заставлял меня следовать догмам, никогда не ставил передо мной каких-то абстрактных недостижимых целей, к которым я должен был стремиться. Я выполнял конкретные задачи, которые он прямо или косвенно ставил передо мной, ощущая, как постепенно меняется мой внутренний мир. Юношеский пыл и жажда знаний и самосовершенствования хотя и не исчезли совсем, они скорее трансформировались в ровный и ясный огонь наслаждения от того, что я делаю, от того, как я развиваюсь и от того, что я живу на земле. Только сейчас я понял глубинный смысл этих трансформаций.

– Знаешь, я встречался с многими людьми, которые утверждают, что они обладают экстрасенсорными способностями, практикуют йогу или какие-то другие эзотерические учения, – сказал я. – Они имеют учеников и последователей, любят говорить и объяснять пути постижения Истины, как добиться экстрасенсорных способностей, говорят много интересных вещей, которые в общем-то кажутся правильными, но во всем этом я, не понимая почему, чувствовал некоторую фальшь, и у меня никогда не возникало желания следовать за ними и поступать как они.

– Все правильно, – ответил Ли. – Интуитивно ты понимал, что они просто следуют своей жажде мессии. В книгах, которые они прочитали, написано много правильных слов, но главное – не повторять правильные слова, а жить правильной жизнью. Человек, удовлетворяющий жажду мессии отличается тем, что обычно у него есть ученики, он много говорит, показывает и хорошо объясняет, но его ученики никогда, если, конечно, они не взбунтуются или не найдут другого мессию, не становятся самостоятельными, и мессия никогда не предоставит им возможности стать более мудрыми, правильными или совершенными, чем их Учитель. Если ученики освоят и поймут все, что он говорит, мессия перестанет быть мессией, а его жажда требует изобретать новые идеи и говорить новые и еще более умные слова, которым будут благоговейно внимать люди, удовлетворяющие свою жажду слуги, но на самом деле в глубине души не желающие меняться или становиться более совершенными. Им доставляет удовольствие сам процесс общения с мессией и приобщения к его идеям и готовым рецептам правильной жизни. Это приятный способ провести время и получить удовлетворение. Ученики мессий отличаются тем, что всегда говорят о своих Учителях или о основателе Учения с особым почтением, граничащим с поклонением, обожанием и обожествлением.

Естественно оказывать уважение Учителю, но истинное уважение имеет особый, почти незаметный аромат. Оно подобно уважению к прекрасному миру, в котором ты живешь, к твоим родителям, к твоей возлюбленной, к самому себе или к другим живым существам. Уважение слуги к мессии иное. Оно отличается резко выраженным ароматом. Ты любишь и уважаешь меня, но ты никогда не испытывал ко мне уважения слуги. Я для тебя не Учитель, а старший брат, открывающий тебе многие восхитительные тайны и грани этого мира. Именно поэтому я выбрал тебя своим учеником. Слуга всегда останется слугой, а Хранитель Знания может быть только братом.

Однако твои встречи с экстрасенсами и местными мессиями могут быть очень полезны. Воин жизни должен уметь наблюдать и понимать скрытые мотивы поведения людей. У обычных людей, чья жизнь ограничена домом, работой и садовым участком, жажды не так заметны для окружающих. Но нигде ты не найдешь столько разных форм и проявлений жажд, как в среде людей, группирующихся вокруг мессий и кумиров.

Воспользовавшись советом Ли, я по мере возможности начал посещать кружки людей, группирующихся вокруг очередного экстрасенса, йога или ясновидящего и, действительно, открыл для себя много нового среди проявлений некоторых черт человеческой психики. Настраиваясь на ощущения почитателей нового учителя, я научился очень четко воспринимать специфический аромат острой жажды слуги и привык произвольно вызывать этот аромат у себя, убеждаясь в том, насколько сильно он воздействует на тех, кто живет удовлетворением своей жажды мессии.

Я отметил необычайную чувствительность мессий к аромату, распространяемому их учениками и обнаружил, что если я не источал аромат слуги, мессии относились ко мне настороженно и с подозрением даже в том случае, если я соглашался с ними и не противоречил их словам.

Как-то я упомянул об этом в разговоре с Учителем, отметив, что я буквально физически ощущаю, как меняется аромат их плода в тот момент, когда от разговора с преданными учениками они переходили к общению со мной.

– Они интуитивно чувствуют, что ты не тот человек, который способен утолить их жажду, а поскольку у тебя независимая и сильная личность, они подсознательно реагируют на тебя, как на соперника, и излучают аромат настороженности и агрессии, – прокомментировал Учитель.

– Но я на самом деле настроен к ним доброжелательно, – сказал я. – даже если я не разделяю их идей, я признаю, что многое из того, что они говорят правильно и справедливо.

– Кто не с нами, тот против нас, – усмехнулся Ли. – Это любимый девиз тех, кто одержим жадой. Люди любят тех, кто играет в их игры. Тех, кто играет в противоположные игры, они ненавидят, а к тем, кто нейтрален, они относятся с настороженностью. Вступив на путь Шоу-Дао, ты стал человеком из другой команды, и теперь тебе придется научиться вести себя так, чтобы другие это не заметили, и продолжали думать, что ты по-прежнему действуешь ожидаемым и предсказуемым образом, разделяя их взгляды и идеалы. Раньше ты автоматически включался в действия других людей, бессознательно подыгрывая им, потому что правила взаимоотношений были заложены в тебя с детства. Теперь ты изменился. Твое поведение стало более осознанным, и ты не можешь реагировать механически на поступки и эмоции других людей так, как делал это прежде. Раньше твоя потребность в общении, человеческой близости и взаимопонимании удовлетворялась автоматически.

Осознание скрытых мотивов своего собственного поведения и поведения других людей лишило тебя романтического восхищения, спонтанной радости и интереса, которые проистекали из отсутствия понимания механизмов человеческой психики в сочетании с привитыми тебе с детства автоматическими способами реагирования. Потерянную при обретении осознания способность восхищаться и радоваться «Спокойный» обретает вновь в упражнениях "вкуса жизни", и заменяет механическое удовлетворение потребностей на их осознанное удовлетворение.

Если ты не научишься в своем новом осознании мира так же тепло и сердечно общаться с людьми, как ты это делал раньше, твоя потребность в общении, дружбе и любви может перестать полностью удовлетворяться, и тогда она начнет перерастать в жажду и компенсироваться за счет других действий, нарушая гармонию твоего духа.

Через подобный период проходят все воины жизни, которые родились и в детстве воспитывались вне клана. В какой-то мере он напоминает переходный период от влюбленности к любви, который удается преодолеть некоторым наиболее удачным парам. Влюбленность очаровательна своим эмоциональным накалом при почти полном отсутствии правильного представления о личности партнера.

После медового месяца наступает период узнавания и разочарования, который оказывается роковым для большинства пар, потому что их чувства не выдерживают напора реальности, и их ложное розовое представление о партнере переходит в не менее ложное черное представление о нем. Третий

период – это период любви, чувства гораздо менее горячего и страстного, чем влюбленность, но зато устойчивого, спокойного и дающего человеку одну из высших форм удовлетворения. В любви принимают партнера со всеми его недостатками и несовершенством, наслаждаясь теми чертами его характера, которые вызывают уважение и восхищение. Со временем ты научишься относиться к людям подобным образом.

В процессе учения ты стал замечать несовершенство других людей, но это не должно стать причиной отчуждения или потери любви к окружающим. На самом деле «несовершенство» – не очень точное слово. Ты начинаешь понимать и видеть то, что другие люди не видят и не понимают – скрытые мотивы своего и их поведения, то, что прячется за фасадом красивых слов и «правильных» объяснений. Поэтому то, что они делают, начинает казаться тебе фальшью и обманом. Но по большей части это не фальшь и не обман, а одна из форм самообмана, попытка за красивой формой скрыть сомнительное даже для него содержание, как женщина скрывает недостатки своей внешности под слоем косметики. Но как для взгляда любящего человека женское лицо кажется прекрасным в своем естественном виде, так и для «Спокойных» люди, не делающие окружающих жертвами своих деструктивных и антигуманных жажд, кажутся прекрасными, несмотря на то, что их истинные побуждения, скрытые за фасадом внешней формы, могут не соответствовать критериям гармонии и самосознания воинов жизни.

Каждый человек уникален, и даже если он придерживается абсолютно чуждых тебе взглядов, тебя должно волновать не то, как устроена его психика или ум, а то, как ты с ним взаимодействуешь. Если этот человек не наносит вреда тебе или твоим близким, и тем более, если он относится к тебе с теплотой, ты должен уважать и любить его так, как если бы ты разделял его взгляды, не потому что ты следуешь догме о необходимости любить ближнего ради собственного духовного совершенствования, просто таким образом ты удовлетворяешь свою естественную потребность в общении, любви и дружбе, а, кроме того, в ответ на свою любовь в трудную для тебя минуту ты сможешь получить помощь и поддержку.

Конечно, это звучит не так красиво, как лозунги о любви, произносимые последователями религиозных течений, но это – естественная основа существования и выживания человека. Человек, который умеет любить и в то же время способен дать беспощадный бой врагу гораздо больше приспособлен к жизни в этом мире, чем личность подозрительная, замкнутая и тщетно пытающаяся любить тех, кто ей в глубине души неприятен, следуя десяти заповедям, и в то же время неспособная постоять за себя, поскольку Господь сказал "не убий".

– Ли, а жажда мессии всегда проявляется в желании проповедовать свои или чужие идеи другим людям? – спросил я. – Разве мессии также не посвящают себя духовным практикам? Может ли быть мессия без учеников? Какую жажду испытывает тот, кто полностью посвящает себя какой-либо специфической практике, но не проповедует ее другим? Это что, жажда самосовершенствования?

– Нет, это жажда, похожая на жажду самосовершенствования, но она имеет некоторое отличие. Человек с жадью самосовершенствования ищет пути реализации своей жажды. Он изучает книги, встречается с учителями, общается с подобными ему людьми. Но тот, кто сам выбрал для себя определенную практику и следует ей в полном одиночестве, удовлетворяет жажду так называемого "внутреннего мессии". Многие из индийских факиров, проводящие свою жизнь в отработке какого-либо мучительного и сложного трюка, требующего полной концентрации сил и внимания – "внутренние мессии". Среди европейцев подобные люди тоже встречаются, хотя и не так часто, как на востоке. Болтливые по природе европейцы имеют гораздо большую предрасположенность к жадде мессии.

Я имел возможность убедиться на собственном опыте в справедливости слов Учителя. На моем жизненном пути мне встретилось много мессий, однако о людях с чертами "внутреннего мессии" мне почти не приходилось слышать.

Совсем недавно в телепередаче я увидел репортаж о жителе Москвы, установившем мировой рекорд в равновесии и попавшем в книгу рекордов Гиннесса. К сожалению, я не запомнил его имя, поэтому условно назову его Виктором. Несомненно, что люди, попадающие в эту книгу, по большей части делают это, удовлетворяя какие-то из своих жажд, но жажда "внутреннего мессии" встречается у них довольно редко. У Виктора жажда "внутреннего мессии" проявлялась в ее самой типичной форме.

Виктор двадцать лет проработал инженером, одновременно увлекаясь йогой и индийскими духовными практиками. Оставив работу, он решил всецело посвятить свою жизнь совершенствованию в равновесии, подведя под это соответственный философско-йогический базис. Свой первый мировой рекорд он установил, удерживая в равновесии пять палок (балансов), четыре на конечностях и

одну на лбу в течение более чем двух часов.

Спору нет, достижение весьма значительное, но в свете других обстоятельств жизни Виктора оно производит несколько сомнительное впечатление. Ради тренировок он оставил работу, и все его средства к существованию составляют 35 долларов в месяц, которые он зарабатывает в цирковой студии, давая уроки равновесия. Его жена не работает по состоянию здоровья, и у него есть сын-подросток, тоже, естественно, не работающий.

Вначале формальным оправданием столь легкомысленного поведения главы семьи была надежда на большие деньги, которые, по предположению Виктора, должна была бы выплатить ему в качестве премии книга рекордов Гиннесса. Однако, когда после установления первого рекорда, Виктор выяснил, что никакого денежного вознаграждения ему не полагается, он решил ответить на удар судьбы новым прорывом в самосовершенствовании и поразить человечество чудом удержания в равновесии шести балансов.

Механизм такого патологического развития жажд, наносящих вред как самому человеку, так и его окружению, я объясню чуть ниже на примере, разобранным с большим количеством деталей.

Для этого мне придется вновь вернуться к моему опыту общения с советскими экстрасенсами, «учителями» и святыми, чьи эксцентричности начали доставлять мне подлинное удовольствие после того, как я приобрел определенную сноровку в создании специфического аромата «слуги», приятного им и их окружению. Первоначальное ощущение недоумения и неловкости от их слов и поведения, когда их действия и слова шли вразрез как с обычным здравым смыслом, так и с мировоззрением «Спокойных», исчезло. К моему удивлению, я начал совершенно искренне наслаждаться общением. Хотя аромат принадлежности к сообществу был мною создан искусственно, я действительно научился получать удовольствие от общения, чувствуя то же самое, что переживали преданные ученики «пророка», хотя, естественно, его мудрые речи не оказывали ожидаемого воздействия на мое сознание,

Я просто удовлетворял свою потребность в общении, в привычных для меня интеллектуальных дискуссиях, и удовольствие от общения удваивалось от осознания того, что я делаю, от сознания того, что я начинаю понимать и чувствовать жажды и скрытые мотивы поступков людей, но, хоть мне и стыдно в этом признаться, самое большое удовольствие я получал от упражнения, которое Учитель называл "наслаждение глупостью".

Однажды, находясь в веселом настроении, Ли заявил:

– Для воина жизни нет большего наслаждения, чем наслаждение от человеческой глупости. Если бы все люди были умными, они вели бы себя, как воины жизни, и мир был бы совершенным, но скучным. Воин жизни прикладывает колоссальные усилия для того, чтобы стать тем, кем он является, и эта постоянная борьба и постоянное продвижение к совершенству иногда заставляют его задавать себе вопросы: "А стоит ли это таких жертв? Почему бы мне не жить так, как живут нормальные люди? Почему я должен стремиться к совершенству?"

Человеческая глупость – это именно тот стимул, который заставляет воина жизни не останавливаться на своем пути. Даже если воин жизни захочет стать самым обычным человеком, ему уже будет трудно всерьез вести себя так, как это делают нормальные люди. Кроме того, человеческая глупость доставляет неиссякаемый источник наслаждения. Изучая жизнь людей вне клана, слушая их разговоры, наблюдая их страсти и переживания, «Спокойный» накапливает ценный опыт общения и в то же время получает заряд бодрости и веселья, как до упаду хохочущий человек на концерте талантливого сатирика. В некотором роде сатирик похож на «Спокойного». Наблюдая за жизнью людей, он находит невыразимо смешные моменты в том, что обычные люди просто не замечают, и гениальный сатирик вызывает смех, просто пересказывая самые обыденные происшествия или типичные диалоги, расставляя акценты таким образом, что слушатели открывают для себя смешную сторону своей собственной жизни, и тогда они хохочут до упаду. Выйдя из концертного зала, обычный человек вновь теряет способность извлекать наслаждение из собственной и общечеловеческой глупости, наблюдая себя и других со стороны, но воин жизни развивает и совершенствует это умение, превосходя в нем любого сатирика.

Общение с экстрасенсами, учителями, пророками и святыми доставило мне столько веселых минут, что может быть, когда-нибудь я напишу книгу, посвященную этой теме. Одни истории о том, кем некоторое из учителей были и что они делали в прошлых жизнях по буйству фантазии могли бы сравниться с наиболее лихо закрученными детективами и приключенческими фильмами.

Совсем недавно, в период написания этой книги, мне в руки попала реклама весьма дорогостоящей конференции и семинаров одной из возникших после перестройки эзотерически ориентированной ассоциации. С одним из участников конференции мне довелось много лет назад познако-

миться лично, мы некоторое время общались скорее в силу обстоятельств, чем по моему желанию, и я получил возможность лишний раз убедиться, насколько сильно воздействуют на сознание и поведение человека жажды, которые не получают достаточного удовлетворения.

Само перечисление выступающих на этой конференции лиц доставило мне утонченное удовольствие, близкое к тому, что я испытываю, слушая выступления Михаила Задорного. Опуская фамилии, напечатанные на листке, я процитирую только, если можно так сказать, их должности. Итак,

"Опыт трансценденции и экстаза разных традиций и культур представляют ведущие мастеров: учитель-четвертопутчик, телесно-ориентированный танатолог, поющий Даос, садовник Древа Жизни, живущий, танцующий, музыкант естественных ритмов, интегратор расширенных состояний сознания, мастер целостного движения, мастер биоэнергопластики, гид-трансперсонолог, психохирург, духовная акушерка, визионер, виртуальный маг и техношаман, фольклорный психотерапевт."

К сожалению, в силу недостатка времени мне не довелось пойти на эту конференцию, хотя, честно говоря, перспектива познакомиться с телесно-ориентированным танатологом, техношаманом и духовной акушеркой обещали массу новых, приятных и еще неизведанных впечатлений.

Столь вдохновляющий список возглавлял некто Антон Шалашин (имя и фамилия, естественно, изменены), учитель-четвертопутчик. Для тех, кто не совсем ясно представляет, что означает слово «четвертопутчик», поясняю, что оно подразумевает того, кто следует учению Георгия Ивановича Гурджиева, создавшего на основе опыта, приобретенного в монастырях Средней Азии и Востока свое собственное учение, воплощенное в практике "четвертого пути".

Я познакомился с Шалашиним незадолго до того, как Горбачев стал президентом. Он переехал из Москвы в Крым, где мы и встретились. Некоторое время нас связывали деловые отношения, потом возникла ситуация, в которой оказались замешаны третьи лица, и мне в силу обстоятельств довелось узнать довольно много о личности и жизни Антона, и на его примере я смог проследить, как зарождаются, развиваются и возникают жажды, и в каких случаях созидательная направленность жажд переходит в деструктивную.

Как и многих других шестидесятников, Антона увлекла йога, учение о перевоплощении, секреты подъема кундалины и даосские техники. Закончив один из московских вузов, он поступил на работу, и вскоре женился на дочери своего начальника. Жена оказалась полной противоположностью Шалашина. Ее не привлекали идеи духовного прорыва и сексуального воздержания с целью накопления и умножения ци для формирования астрального тела. Она была напористой и энергичной, и твердо стояла на земле. Как и папу-начальника, ее интересовало только одно – материальное благополучие, свежееотремонтированная квартира, престижная мебель и муж, который зарабатывает достаточно денег для обеспечения красивой жизни, в то же время не отлучаясь понапрасну из дома, и посвящая досуг ремонту, украшению квартиры и уходу за детьми, а заодно и доказывая ей делом свою страстную любовь.

Поскольку совершать все это, одновременно занимаясь духовными практиками, подкрепленными сексуальным воздержанием, не смог бы даже супермен, естественно, что семейная жизнь Шалашина представляла собой нечто среднее между извержением вулкана на Гавайях и войной Алой и Белой Розы.

Единственной отдушиной среди столь беспросветного и бурного существования стали для Шалашина мечты о том, чтобы заработать достаточно денег и посвятить себя целиком йоге, медитации и подъему кундалины в спокойном уединенном уголке с теплым климатом.

Отсутствие покоя, удовлетворения и гармонии в личной жизни обратили естественную потребность к саморазвитию в жажду приобщения к самосовершенствованию, которая находила свое выражение в том, что Антон вел довольно активную жизнь в среде интересующихся парапсихологией и эзотерическими учениями людей. Он прочитал много книг, и мог часами рассуждать о идеях Гурджиева, даосских методах самокультивации и прочих любопытных материях. То, что разговоры о духовных практиках он предпочитал самим духовным практикам, он объяснял тем, что у него не было достаточно денег для того, чтобы обеспечить жену и детей, и уединиться в теплом живописном уголке.

Теоретические рассуждения Шалашин время от времени совмещал с практикой хатха-йоги, попытками подъема кундалины и парапсихологическими исследованиями. Излюбленной областью парапсихологии для него стало ясновидение, так как он здраво полагал, что если с помощью ясновидения ему удастся выиграть в спортлото, то все финансовые проблемы будут автоматически решены, и он, наконец, сможет всецело посвятить себя отшельничеству и медитации. К сожалению, с ясновидением возникли некоторые сложности, и числа спортлото, хотя и попадали достаточно близко к выигрышным, все же никак не хотели угадываться.

Случилось так, что жена Шалашина погибла под колесами грузовика, а он близко сошелся с одной очень колоритной и самобытной личностью, также интересующейся жизнью и учением Георгия Ивановича Гурджиева. Это был некто Василий Морозов, маленького роста еврей, отравивший для солидности внушающий уважение животик и обладающий жаждой власти и самомнением Наполеона, то есть ярко выраженной жаждой господина в сочетании с дополнительным набором близких к ней жажд.

В отличие от Шалашина, Морозов в вопросе заработка денег не полагался на сомнительные преимущества ясновидения, и, подобно почитаемому им Георгию Ивановичу, проявлял блестящий практический талант в этом вопросе. Не буду упоминать, каким способом в период глубокого брежневского застоя и в тревожные времена Андропова Василий зарабатывал по тем временам очень большие суммы, используя для этого как свои финансовые способности, так и идеологическую силу учения о "четвертом пути".

Он набрал себе команду, в основном состоящую из женщин с очень ярко выраженными жаждой слуги. Преданные как рабыни, эти женщины выполняли задания Василия, связанные с его бизнесом, и за это получали материальную поддержку, а их беззаветная преданность базировалась на прочном фундаменте почитания Учителя, обладавшего безоговорочной авторитарной властью.

Морозов действительно неплохо изучил книги Гурджиева и Успенского, что же касается его команды, то в основном глубина мыслей Георгия Ивановича прошла мимо их сознания, оставив впечатление, что они прикоснулись к чему-то великому, а воплощением этого великого стал сам Морозов.

Подобно регулярным партсобраниям, необходимым для поддержания должного уровня коммунистического сознания у членов партии, Василий организовал регулярные идеологические «вечера». Они проводились в глубокой тайне и начинались поздно ночью, продолжаясь до рассвета, что способствовало волнующему ощущению мистической сущности таинства и драматизма происходящего. В торжественной тишине кто-либо из членов группы читал главы из произведений Гурджиева и Успенского, а остальные смиренно внимали. Поскольку авторитет легендарного Георгия Ивановича и его великого последователя Василия Морозова пребывали на уровне заснеженных олимпийских высот, никто из группы не осмеливался задавать вопросы или обсуждать прочитанное – это было все равно, что бросить вызов божеству. Женщины, преданно глядя в лицо кумиру, даже не пытались вслушиваться в текст или осмысливать его, поглощенные важностью и торжественностью самого события.

На собрания не допускались посторонние. В качестве исключения Морозов однажды допустил на «вечера» двух «чужаков», в том числе и Шалашина, и это оказалось ошибкой. Когда один из «чужаков» попытался выяснить, как поняли члены группы текст только что прочитанной главы, оказалось, что они, вроде бы внимательно слушавшие, не в состоянии вспомнить, о чем шла речь. Это печальное открытие испортило всю торжественность обстановки и оказалось неприятной неожиданностью даже для самого Морозова. Он интуитивно почувствовал, что допускать на действия, предназначенные для «господина» и «слуг», посторонних лиц, не имеющих выраженной жажды слуги чревато тем, что все удовольствие будет испорчено, в старался больше не совершать подобных ошибок.

Общение с Морозовым показало Шалашину, что для заработка денег существуют методы гораздо более реальные, чем многолетнее экспериментирование с ясновидением. Со временем Василий эмигрировал в Штаты, а Шалашин перебрался жить в Ялту, где, забросив спортлото, начал зарабатывать хорошие деньги на кустарных промыслах.

К тому времени Ли оставил меня, поскольку ему надо было уехать из Крыма. Учитель разрешил мне свободно и открыто рассказывать о нем и о учении Шоу-Дао, избегая только нескольких запрещенных тем. Шалашин в разговоре с друзьями слышал обо мне и Ли, и захотел познакомиться со мной. Так получилось, что я некоторым образом должен был сотрудничать с Антоном в его финансовых делах, какое-то время мы встречались, потом наши встречи, как и совместные дела, прекратились, но они послужили толчком к целому ряду событий, о которых я до сих пор вспоминаю с большим весельем, особенно рассматривая их в свете того, что Ли рассказывал мне о потребностях, жаждах и теории правильного питания.

Каждому, кто пытался резко перейти с одной привычной диеты на совершенно противоположную, известен период, когда организм плохо реагирует на непривычную еду или на непривычный режим питания. Чистому вегетарианцу становится плохо, если он начинает питаться только мясом, и наоборот, любитель кровавых бифштексов будет чувствовать себя обездоленным кроликом, если ему придется питаться только салатом и морковью, даже при том, что он убежден в пользе этой пищи.

Реакцию организма на изменение пищи заметить очень легко – может возникнуть головокружение, тяжесть в желудке или расстройство кишечника.

Резкое изменение питания для психики производит те же самые эффекты, но эти небольшие расстройства психической деятельности, если они не сопровождаются выраженными психосоматическими заболеваниями, почти не заметны для человека, поскольку он отождествляет себя со своими психическими проявлениями, но на окружающих его действия могут производить странное впечатление.

Переезд в Ялту оказался для Шалашина резкой сменой питания его психики. Его жизнь в Москве была достаточно напряженной и полной впечатлений. Он ходил на работу, встречался с людьми, разделяющими его интересы, часами разговаривал о эзотерических учениях, мечтая о том моменте, когда он станет богат и свободен и сможет, наконец, заняться самосовершенствованием.

В Крыму его мечта, казалось, осуществилась. Окрестности Ялты с их благодатным климатом были просто созданы для занятий медитацией, он устроился работать сторожем, и два или три раза в неделю проводил время в небольшой хижине, где никто его не беспокоил в течение всего дежурства. Кустарный промысел, которым он занимался приносил больше денег, о чем он мог представить в самых смелых мечтах, работая в Москве в качестве научного сотрудника. Кроме того, он оказался в социальной изоляции, поскольку в Ялте у него не было знакомых, с которыми он мог бы часами обсуждать высокие материи и ставить эксперименты по ясновидению и телепатии.

Одна из его основных жажд – жажда материальной независимости и уединения для занятий самосовершенствованием оказалась удовлетворена, и это уединение погрузило его в эмоциональный и интеллектуальный вакуум, потому что, как неожиданно выяснилось, уединение, прогулки на природе и медитации не давали его психике того необходимого количества бодрящих впечатлений, которое он привык получать сначала в ссорах и конфликтах с женой, потом, после ее смерти, в столкновениях с родственниками жены и в беседах с друзьями о том, что он будет делать, когда, наконец, преодолеет все препятствия.

Когда препятствий не осталось, и, наконец, ему представилась возможность приступить к осуществлению давней и заветной мечты, подсознание Антона, реагируя на эмоциональный голод и недостаток острых ощущений, ответило жаждой преодоления препятствий или усложнения жизни и начало искусственно создавать эти препятствия, нашедшие свое воплощение в весьма причудливых фантазиях. Частью этих фантазий оказался я. Шалашин втянулся в очень увлекательную для него игру, в которую оказались вовлечены еще несколько человек, а я оставался в стороне, с удивлением, любопытством и нескрываемым интересом наблюдая за новыми экстравагантными идеями, возникающими у Антона.

Мой рассказ об Учителе пробудил работу его мысли, и Шалашин, после долгих интеллектуальных упражнений и размышлений о личности и скрытых намерениях Ли, пришел к гениальной идее, что Ли был шпионом одной или нескольких иностранных держав, а на меня он затратил столько времени лишь для того, чтобы превратить меня в зомби. Хотя за время многолетнего общения со мной он и не пытался выудить из меня какие-либо секретные сведения, способные нанести вред Советскому Союзу, тем не менее он меня закодировал так, что в какой-то определенный момент времени, или по произнесении кодового слова, или от специального жеста вроде щелчка пальцами у меня перед носом, я превращусь в смертельно опасную машину для убийств и диверсий, которая не остановится ни перед чем, выполняя заложенную в нее программу. Так что мой вид, вроде бы миролюбивый и спокойный, на самом деле всего лишь маска, скрывающая внутри зомби-разрушителя.

Когда мне рассказали о том, что я на самом деле зомби-разрушитель, я весело посмеялся, удивившись быству фантазии Антона.

Во время одной из наших последних встреч в компании друзей разговор, не помню по каким причинам, зашел об отравляющих веществах. Шалашин, по образованию химик, с увлечением что-то рассказывал о них, и я, для поддержания беседы, тоже упомянул несколько популярных способов отравлений, почерпнутых мной в литературе. В свое время Ли дал мне информацию об отравляющих веществах и способах их применения, но как раз этой темы он мне велел избегать в разговорах с посторонними, чтобы косвенным образом не причинить кому-либо вред этой информацией.

Несколько дней спустя Шалашин выдал очередную великолепную идею о том, что я, рассказывая о способах отравления делал это намеренно, чтобы вынудить одного из присутствующих там людей отравить Антона, забрать у него его деньги и отдать их мне. Услышав эту гениальную версию моих предполагаемых коварных намерений, я вообще перестал встречаться с Шалашиним, чтобы еще больше не возбуждать его ум.

В течение нескольких последующих месяцев Шалашин баловал наших общих знакомых идеями

не менее экзотическими, иногда даже подкрепленными галлюцинациями. Хотя эти идеи были так же далеки от реальности, как розовые слоны от здания Пентагона, они давали Антону то количество волнующих впечатлений, которое позволяло его психике работать в привычном для него ритме – много заниматься интеллектуальными рассуждениями и изысканиями, бороться, преодолевая трудности, а также страдать из-за того, что у него снова нет времени и возможности предаться духовной практике на лоне прекрасной субтропической природы.

Я со все возрастающим интересом впитывал доходившие до меня через знакомых новые подробности из моей биографии, добытые Шалашиным неизвестно из какого источника. Таким образом я узнал, что я самый настоящий шизофреник, а также многие пикантные детали, подтверждающие это нарушение моей психики. В то же время Антон утверждал, что я – агент КГБ, не задумываясь о том, что вряд ли Комитет склонен давать работу шизофреникам.

Подтверждая версию моей работы на КГБ, Шалашин утверждал, что сумел по знакомству купить за 150 рублей у одного сотрудника госбезопасности копию досье на себя самого, и что в этом досье находится несколько доносов, написанных и подписанных мною собственноручно. Он даже цитировал строчку, которую он якобы прочитал в моем доносе. Эта строчка сама по себе настолько развеселила меня, что я запомнил ее на всю жизнь. Звучало это так: "В состоянии наркотического опьянения Шалашин гонялся за сожительницей с топором." К сожалению, это была единственная подробность, которую он поведал о своем досье. А жаль, такая великолепная идея могла бы оказаться золотой жилой для новых поворотов сюжета.

Пассивное размышление перестало удовлетворять Шалашина, и он перешел к активным действиям. С бодрой жизнерадостностью подростка Антон принялся играть в шпионов. Мой дом находился недалеко от центрального универмага, и, выходя в город, я почти всегда проходил мимо него. Антон, не жалея времени, тратил два с лишним часа на дорогу из Ялты в Симферополь и, стоя у окна универмага, ожидал, пока я пройду мимо, чтобы по моему поведению, походке и тому, с кем я встречаюсь и общаюсь, создать еще более полную картину моей шизофреническо-агентурной личности.

В предыдущей книге этой серии я уже рассказывал о том, что мне неоднократно приходилось обнаруживать за собой слежку, Ли тренировал меня инстинктивно отзываться на чужое внимание и взгляд, и естественно, что, чувствуя, что что-то не в порядке, я оглядывался и иногда замедлял шаг, и это давало Шалашину новые просторы для размышлений по поводу скрытых мотивов моего поведения.

Когда мне рассказали, как он следил за мной из универмага, я вначале не поверил, поскольку фантазии фантазиями, я встречал множество людей, которые придумывали невесть что просто для собственного удовольствия, но чтобы взрослый человек тратил время и силы на то, чтобы посмотреть из-за угла, какая у меня походка, это мне казалось уже перебором.

В свои развлечения Шалашин вовлек еще одного нашего общего знакомого, Бориса, также интересующегося эзотерическими учениями и имеющего финансовые дела с Антоном. Борис был высок, красив и темноволос. Обладая темпераментом и наклонностями Рембо, он скучал, изготавливая кустарные поделки в окружении жены и троих детей, и душа его жаждала подвигов и приключений.

Однажды меня предупредили, что в определенный день Шалашин и, возможно, кто-нибудь еще, будут следить за мной. Я решил, что все это домыслы, но на всякий случай решил проверить. Дело было на вокзале. Почувствовав слежку, я сделал несколько резких перемещений, потому что понимал, что преследователь, скорее всего, прячется за каким-либо укрытием. И действительно, за одним из ларьков я заметил Бориса. Несмотря на жаркий солнечный день он, в лучших традициях шпионских боевиков, был в темных очках и черной кожаной куртке с поднятым воротником. Эта попытка замаскироваться среди одетых в маечки, шорты и джинсы отдыхающих делала его похожим на ворону, пытающуюся сойти за свою в стае белых чаек, но надо отдать должное, в своем шпионском облачении он выглядел прекрасно, я даже залюбовался.

Вскоре я обнаружил и Шалашина, изменившего свою внешность при помощи темных очков и длинной мешковатой кофты. Мелькая среди толпы, его лысина поблескивала на солнце. Поскольку это зрелище не доставляло такого эстетического наслаждения, как гордый профиль Бориса над поднятым воротником его куртки, я посмеялся про себя, и, больше не обращая внимания на шпионские страсти, занялся своими делами.

Наблюдение за мной на вокзале дало Шалашину новый вдохновляющий материал. То, как я передвигался, резко меняя направление, чтобы обнаружить наблюдающих из-за укрытия, представляло собой новую пищу для размышлений, из которых он вывел очередную подробную и логичную теорию моей опасности для общества. Поскольку Шалашин и Борис были убеждены в своем высоком шпионском профессионализме, они даже не заподозрили, что я так себя вел, чтобы обнаружить их.

Некоторое время спустя я переехал из Крыма в Москву, но слухи о новых идеях Шалашина относительно меня и моей личной жизни, хотя и редко, но доходили до меня через друзей-крымчан.

Бесстрастное наблюдение за поведением представителей человеческого рода со временем стало привычкой. Каждый раз, объясняя мне какие-либо специфические черты человеческого поведения, Ли заставлял меня вступать в контакты с большим количеством людей, чтобы теоретические знания, которые он мне давал, пройдя проверку практикой, через осознание стали частью меня самого. Одновременно, общаясь и наблюдая, я учился с пониманием и терпимостью относиться к носителям другой истины, на практике прочувствовав, что, действительно, у каждого человека существует своя правда, и чем сильнее человек цепляется за эту правду, защищая свой внутренний мир от болезненных для себя открытий, тем бессмысленнее оказываются попытки «облагодетельствовать» его, проповедуя ему свою собственную правду.

Ярким примером бессмысленности подобных попыток можно считать попытки «спасения» аборигенов Австралии или тропических островов христианскими миссионерами. В головах до того естественно адаптированных к своей среде обитания местных жителей возникал хаос, миссионеров съедали, а обиженные христиане наводили порядок и восстанавливали справедливость огнем и мечом. Иногда возникали ситуации, курьезные в своей трагичности, когда дикари распинали и пытали миссионеров, поскольку по их рассказам они вполне логично заключили, что мученическая смерть открывает перед человеком врата рая и приобщает его к лику святых, а что еще, по их, вполне обоснованному мнению, могло бы быть более приятным и полезным для христианского миссионера. Таким образом, они от всего сердца помогали чужеземцу, а сами с удовольствием оставались в своем уютном мире богов, демонов и духов.

– Споры о том, какое учение или какая точка зрения лучше или хуже, абсолютно бессмысленны, – сказал однажды Ли. – Для того, чтобы сравнивать какие-то вещи между собой, нужно иметь единый сопоставимый с ними эталон. Есть универсальные эталоны, которые позволяют сказать, что этот предмет длиннее, а тот короче, или что он весит больше, чем другой предмет, если, конечно, их взвешивают в одинаковых условиях.

Каждому очевидна абсурдность вопроса: "Что лучше, вес или длина, бордовый цвет или справедливость?" Однако люди всерьез продолжают спорить о том, что лучше, атеизм или религия, фашизм или коммунизм, подъем кундалини или трудотерапия. Каждый имеет свой эталон истины, но люди спорят и спорят о несравнимых и бессмысленных вещах не потому, что это действительно приближает их к истине, а потому, что им нравится спорить. После каждого спора мнимое ощущение победы, поскольку каждый в большинстве случаев все равно остается при своем мнении, доставляет удовольствие, укрепляя еще больше личный эталон истины и давая печальное, но в то же время отрадное осознание того, как все-таки глупы окружающие и как далеки они от понимания важных и серьезных вещей.

Люди с натурой лидера и самостоятельным мышлением сами изобретают эталоны истины, навязывая их другим. Так появляются учения и возникают групповые эталоны истины. Те, кто не может ничего выдумать сам, заимствуют эталоны у живущих или уже умерших учителей, тем самым приобщаясь к тому, что они считают Истиной С Большой Буквы, и удовлетворяют свою жажду мессии, преподнося эту истину другим, а, заодно, зарабатывают на этом деньги и престиж.

Когда-то давно я сказал тебе, что говорить правду другим – это преступление, преступление против правды, которую ты говоришь и против людей, которые являются носителями другой правды. Ты пытался осознать эту истину и сделать ее частью своего осознания, но для тебя это было трудно, потому что с детства тебе внушали, что говорить правду – хорошо, а лгать – плохо. Только сейчас, когда ты начинаешь понимать поступки и скрытые мотивы поведения людей, ты начинаешь осознавать на глубинном уровне, почему говорить правду другим людям – это преступление. С точки зрения «Спокойных» не обязательно говорить правду другим людям, но подлинное преступление – не говорить правду самому себе.

Для последователей Шоу-Дао их эталон Истины – это их собственная жизнь. Это жизнь человека, который живет в гармонии с самим собой и с окружающим миром, не имея внутренних конфликтов и с удовольствием принимая себя самого и окружающих такими, какими они являются в действительности. Им безразличны эталоны истины других людей и их поведение до тех пор, пока действия окружающих не угрожают жизни и безопасности членов клана. Воины жизни всеми доступными им способами избегают конфликтов с другими людьми, и отвечают агрессией только на непосредственную агрессию. Но это не борьба за правду или справедливость, это просто борьба за выживание. Постоянно развивающийся и внутренне гармоничный, не нуждающийся в том, чтобы лгать самому себе, человек становится счастливым и делает более счастливой и радостной жизнь своих

близких и своего окружения.

Обычные люди, жизнь которых оказывается неблагополучной, которые не могут ладить со своей семьей и имеют конфликты с окружающими, защищают свое хлипкое внутреннее равновесие, обманывая самого себя, но именно они являются наиболее рьяными защитниками правды и поборниками справедливости. Они уверены, что правда – это то, что для них хорошо, или то, что является хорошим с точки зрения людей, которые по каким-то причинам в определенные периоды их жизни являлись для них авторитетами. Если же какие-то внутренние побуждения заставляют их желать того, что на подсознательном уровне для них является «плохим», они лгут себе, выдумывая «хорошие» мотивы для оправдания «плохих» желаний, и ведут себя таким образом, что до некоторой степени, в реальной жизни или только в фантазиях эти «плохие» желания удовлетворяются. Один из способов реализации «плохих» желаний – это приписывание этих желаний другим людям с последующей борьбой с этими «опасными» и «злонамеренными» людьми во имя «добрых» целей. Так, фашизм, чтобы оправдать удовлетворение своей жажды мирового господства, приписал то же самое желание коммунистам и «низшим» расам – евреям, цветным и цыганам, а затем ради самозащиты начал уничтожать опасных врагов, уже руководствуясь самыми справедливыми, добрыми и благородными намерениями.

Человеческие конфликты, столкновения и даже войны по большей части происходят от того, что человек, считающий себя в глубине души эталоном истины и справедливости, проецирует свои дурные помыслы на других, а затем начинает бороться за восстановление истины и справедливости. Есть люди, которые действительно делают зло во имя зла, но подавляющее большинство людей совершает зло во имя добра. Многие убийцы и психопаты, причинившие огромный ущерб другим людям, если их расспросить, объяснят свое поведение, как совершенно оправданное с точки зрения морали и справедливости.

Воины жизни не делят свои побуждения и желания на «плохие» и «хорошие». Для них существуют только естественные потребности, которые они учатся распознавать, осознавать и удовлетворять. В этом случае потребности не перерастают в жажды, нарушающие психическое равновесие человека, и удовлетворение потребностей не вызывает внутренних конфликтов и не заставляет их искать удовлетворения в конфликтных отношениях с внешним миром.

Когда все основные потребности человека удовлетворены, когда он здоров, сыт и доволен собой и другими, на первое место естественным образом выходит потребность в личностном росте и саморазвитии, в том, чтобы сделать и без того прекрасную и интересную жизнь еще более прекрасной, насыщенной и бесконечной. Таким образом можно сказать, что в некотором роде воины жизни подходят к самосовершенствованию с другого конца, чем большинство эзотерических учений. Там, ученик должен иметь сильную жажду саморазвития, которая обычно основывается на неудовлетворяющей его жизни в обществе, на личных проблемах и неразрешимых конфликтах. Идея о том, чтобы стать «святым» или совершенным сверхчеловеком привлекает его тем, что дает возможность достичь самоуважения и уйти в блаженную «нирвану» из мира, который его не признает и не доставляет ему нужного удовлетворения. Люди с подобно жаждой способны идти на жертвы, включающие умерщвление плоти, сексуальное воздержание и долгие мучительные тренировки, которые в конце концов действительно могут дать свой результат и привести к просветлению.

"Спокойные" выбрали другой путь. Они вначале учатся быть счастливыми, успешными и гармоничными в том мире, где они живут, и на этом фоне естественным образом на первый фланг выходит потребность в дальнейшем совершенствовании и духовном развитии. Поэтому «Спокойные» никому не навязывают свою идеологию и свое учение. Понять голодного лучше всего может только голодный, а понять счастливого по-настоящему может только счастливый. Люди, чье стремление к самосовершенствованию основано на внутренних противоречиях и недовольстве своей жизнью, окружающим миром и другими людьми не поймут и не примут дух Шоу-Дао.

Учения разделяются на авторитарные и демократические. Те, кто хочет удовлетворить свою жажду самосовершенствования, обычно предпочитают школы авторитарные, где авторитет и слово Учителя – это закон, где Учитель является Богом и предметом культа.

В демократических учениях, к которым относится и Шоу-Дао, учитель является старшим братом и другом, а не предметом культа, и в первую очередь «Спокойные» дают своим ученикам не то, что они считают Истинным знанием, поскольку психика человека, терзаемого жаждой и внутренними противоречиями не может правильно воспринять и осознать Истинное знание, а проводят их по кругам ложных знаний до тех пор, пока жажда ученика не насытится и не перейдут на уровни естественно удовлетворяющихся потребностей. Только тогда пришедшая в гармонию личность ученика сможет правильно и равномерно развиваться.

Практически все европейцы, посвятившие себя изучению и следованию восточным эзотерическим учениям делают это не от хорошей жизни. Обращаясь к мудрости востока, которую они в силу своих собственных культурных традиций и воспитания никогда не смогут осознать и воспринять так, как это делает воспитанный в рамках соответствующей культуры азиат, они уходят от своих личных проблем и от не удовлетворяющей их действительности в мир сказок и фантазий, где они в своих иллюзиях, галлюцинациях и мечтах, достигают «свободы», "мудрости", «осознания», где они приобретают "мистический опыт" и где они погружаются в водоворот восхитительных приключений, пережитых в прошлых жизнях, которых им так недостает в унылой и скучной повседневности. Двигаясь через свои воображаемые реинкарнации, они сражаются и побеждают, овладевают прекрасными женщинами, любят и ненавидят, грешат и раскаиваются, переживая все возможные оттенки чувств, которых жаждет их душа.

Изучив несколько асан и медитаций и обогатившись обширным "мистическим опытом", они обретают самоуважение, которого им так не хватало в дрызгах и мелких проблемах унылого быта. Они больше не винтики, выполняющие, подобно простым смертным, свою роль в семье и на работе. Они приобщились к тайнам мироздания и вечности, они приобрели способность преодолевать пространство и время в своих снах и фантазиях о реинкарнациях. Теперь можно вступить в клуб таких же, как они, последователей эзотерических учений и Искателей Истины, плодотворно проводя время в обсуждениях своего собственного мистического опыта, знаменательных событий из прошлых жизней, и пускаться в бесконечные интеллектуальные рассуждения о божественной сущности мироздания, предназначении человека и прочих высоких материях.

Люди, прошедшие за этими занятиями достаточное время и научившиеся выполнять некоторые элементарные экстрасенсорные трюки, становятся Учителями, и обретают не только самоуважение, но еще и уважение и почитание начинающих эзотериков и экстрасенсов, и с удовольствием делятся с ними мистическим опытом и историями из своей жизни, повествующими о том, как они преодолевали препятствия на пути к Истине. Особенно это характерно для жителей Советского Союза, которые из-за своей изоляции от остального мира и из-за бессилия перед обезличивающей и лишаящей их свободы мысли и слова государственной системой, могут только фантазировать и мечтать, надеясь, что занятия духовными практиками Востока дадут им ту свободу, которой их лишает государство. Европейцы или американцы в случае, если их действительно интересуют восточные учения, могут поехать в Индию, Японию или Китай и там, в настоящих восточных школах и у восточных Учителей получать знания, которые им необходимы. Поэтому у них фантазии о восточных техниках обычно не принимают таких крайних форм, как у твоих соотечественников, и они либо занимаются реальными исследованиями в их западном понимании, либо просто зарабатывают на этом деньги, точно так же, как делали бы это, занимаясь археологией или генетикой.

Наблюдая за советскими экстрасенсами и «учителями», я постепенно убедился, что Ли, как всегда, оказался прав.

Так получилось, что от людей, очень близко знавших Шалашина я узнал много деталей его личной жизни, и смог составить представление о том, как сформировались жажды, настолько деформировавшие его картину мира, что он начал играть в шпионов и проецировать на меня болезненные фантазии, по своей устойчивости и интенсивности близкие к психическому расстройству. Не могу ручаться за абсолютную полноту составленной мной картины, но, тем не менее, попытаюсь в общих чертах представить точку зрения «Спокойных» на то, как деформация отдельных потребностей в жажды, удовлетворение которых компенсирует хроническую неудовлетворенность других потребностей в сочетании с неумением осознать и удовлетворить свои естественные потребности приводит к общей дисгармонии, наносящей вред как самому человеку, так и его ближайшему окружению.

Интерес к упражнениям Хатха-йоги и философии йоги, а также эксперименты в области парапсихологии служили удовлетворению естественных потребностей Антона – заботы о собственном здоровье и любопытству к новым и интересным областям знания. К сожалению, увлечение восточными учениями незаметно для Антона дало свой первый отрицательный результат – создало устойчивое подсознательное представление о том, что сексуальные контакты с женщиной отнимают энергию и приближают смерть. Это подсознательное представление вошло в конфликт с нормальным сексуальным влечением к женщинам, создав первую проблему: половое воздержание для физически здорового мужчины было мучительным, а сексуальные контакты вызывали подсознательное чувство вины из-за предательства идеи самосовершенствования и, кроме того, создавали чувство тревожности, связанное с подсознательной боязнью смерти, как результата половых сношений.

Однако потребность в сексе оказалась сильнее, и Шалашин женился на женщине, абсолютно равнодушной к восточной философии, у которой секс не связывался с чувством вины или страхом, и

которая, обладая твердой и сильной натурой ясно представляла, чего она хочет – прочную семью, материальный достаток, хорошую квартиру и мужа, который уделял бы внимание своей семейной жизни, а не рассуждал о заоблачных материях.

Естественно, что при таком раскладе сил семейная жизнь Антона превратилась в ад, из которого он не мог выбраться, поскольку уже появились дети. Таким образом, отсутствие ясного понимания им своих потребностей и неумение их правильно удовлетворить превратило всех членов его семьи в жертвы. Дисгармония в семье лишила Шалашина возможности удовлетворять другие естественные потребности – потребность в человеческой близости, в уважении, любви, понимании, покое и т. д. Отсутствие уважения в семье и работа в рядовом научно-исследовательском институте с маленькой зарплатой и отсутствием дальнейших перспектив трансформировало потребность в самоутверждении через мнимое самосовершенствование в жажду, удовлетворение которой теми или иными способами компенсировало неудачи на всех остальных фронтах.

Второй внутренний конфликт возник в связи с денежным вопросом. Согласно философии йоги думать о материальных благах и стремиться к ним было грешно, но подсознательно Шалашин разделял стремление своей жены к жизни в достатке, и поэтому он создал себе иллюзию, что деньги необходимы ему для того, чтобы стать свободным и независимым от работы и семьи и всецело посвятить себя занятиям йогой в уединенном месте с теплым климатом.

Поскольку зарабатывать деньги тяжким трудом было слишком неприятной задачей, Антон совместил свою жажду самосовершенствования с попыткой безболезненно разрешить финансовый вопрос и с азартом проводил эксперименты с ясновидением, играя в спортлото и на скачках, к сожалению, без видимого успеха. Общение с другими людьми, интересующимися восточной философией, позволяло ему удовлетворять свою потребность в уважении, обратившуюся в жажду в связи с отсутствием уважения в семье и недостаточными проявлениями уважения на работе.

Общение с Василием Морозовым дало новый толчок к модификации Шалашиным своего мировоззрения в соответствии с учением Гурджиева, которое и раньше интересовало Антона. Следование его учению и взятие в качестве модели поведения образа жизни Георгия Ивановича могло с легкостью разрешить, по крайней мере на сознательном уровне, все внутренние противоречия, которые так испортили жизнь Шалашину.

Георгий Иванович имел разнообразные сексуальные контакты, не терзаясь страхами и угрызениями совести, он, опять-таки без малейших колебаний, зарабатывал большие деньги и не гнушался брать высокую плату со своих учеников, поскольку, как вполне справедливо заметил Гурджиев, если человек не способен заработать тысячу рублей, чтобы заплатить Учителю, значит, ему нет смысла и учиться. Люди не ценят то, что им достается даром. Кроме того, Гурджиев был авторитарным Учителем, то есть ученики оказывали ему уважение, граничащее с почитанием божества, воплотившегося в человеческом облике.

Когда Шалашин перебрался жить в Ялту и получил, наконец, желанную свободу и материальную независимость, ситуация с удовлетворением естественных потребностей резко ухудшилась. Жажда самоутверждения через самосовершенствование, которую он раньше удовлетворял, ставя эксперименты по ясновидению и играя в спортлото, разговаривая с друзьями о своем мистическом опыте и поучая новичков, больше не находила удовлетворения из-за отсутствия в Ялте знакомых, а удовлетворять ее, занимаясь в одиночестве йогой или медитируя, он не мог. Кроме того, потребность в уважении, которую он реализовывал в беседах с единомышленниками и учениками, также перестала удовлетворяться. С сексом по-прежнему были проблемы – с одной стороны хотелось, но ощущение греховности и боязнь смерти, несмотря на героический пример великого Гурджиева, все же не позволяли получать полное удовлетворение.

Психическое напряжение от духовной изоляции стало столь сильным, что для поддержания душевного равновесия подсознание Шалашина стало проецировать его внутреннее конфликтное состояние на внешний мир, отыскивая врагов, с которыми можно было бы бороться, потому что борьба против реального или воображаемого противника – лучший способ временного избавления от внутренних конфликтов, так же, как объявление войны другому государству выгодно правительству, неспособному погасить недовольство народа и навести порядок в собственной стране. Я, будучи в Симферополе достаточно яркой и заметной фигурой, оказался идеальной мишенью для проекции его болезненных фантазий. Навязчивые идеи Шалашина о том, что я зомби, который в любой момент может по специальному знаку превратиться в неуправляемого убийцу-разрушителя или о том, что я хочу его отравить, чтобы завладеть его деньгами, объясняются именно временной и резкой потерей привычных для него способов удовлетворения его потребностей в «психической» пище.

Глава 5

Воспоминания увели меня слишком далеко от основной нити повествования, так что вернемся к тому моменту когда мы с Учителем сидели на скамейке в сквере около девятой школы, и я с трудом осваивал ощущение жажды слуги.

– Твоя ошибка заключается в том, – сказал Ли, – что для тебя слово «жажда» ассоциируется с всепоглощающим сильным чувством, и ты пытаешься с помощью мыслеобраза мгновенно воспроизвести у себя это чувство, но поскольку жажда слуги тебе внутренне неприятна, естественно, что у тебя это не получается. Твои затруднения напоминают проблемы мужчин, которые становятся импотентами как раз в тот момент, когда они больше всего на свете желают продемонстрировать мощь и силу своих чувств. Чрезмерное стремление к результату разрушает и прерывает процесс, в то время, как мягкое, но стабильно нарастающее наслаждение процессом без концентрации на результате приводит именно к тому самому результату, которого ты хотел бы добиться. Начни с самого простого. Вспомни, когда потребность в подчинении, из которой вырастает жажда слуги, доставляла тебе искреннее удовольствие.

– Мне приятно подчиняться тебе, потому что я уважаю и люблю тебя, и твои требования всегда оправданы, – сказал я. – Мне нравится подчиняться родителям, когда их желания обоснованы и разумны, я с удовольствием подчиняюсь людям, которые учат меня чему-то новому и интересному, и естественно, что для меня особым очарованием обладает подчинение капризам любимой женщины.

– Хорошо. А теперь вспомни моменты, когда подчинение доставляло тебе радость и вызови в себе приятный тонкий аромат удовольствия от подчинения.

Я вспомнил упражнение по обмену энергиями с Лин, когда мое тело, расслабленное и блаженствующее, реагировало на все ее команды и манипуляции, все глубже погружая меня в океан волнообразно накатывающих оргазмических ощущений. Воспоминание оказалось настолько ярким, что я забыл обо всем, выделяя из множества нюансов эйфорического состояния ту его составляющую, которая доставляла мне наслаждение от подчинения, единения и растворения в возлюбленной. Потребность в подчинении, увеличиваясь и разрастаясь за счет моей концентрации на ней, постепенно охватывала меня целиком, действительно превращаясь в жажду, неутолимую и всепоглощающую жажду слуги.

– Интуитивно ты выбрал сексуальную окраску потребности в подчинении, – откуда-то издалека услышал я голос Учителя. – Придать любой потребности сексуальную окраску – самый простой способ насладиться ею и развить ее. Я уже говорил, что все жажды являются результатом неправильного распределения сексуальной энергии. Манипулируя своей сексуальной энергией, ты можешь как вызвать жажду, так и избавиться от нее. А теперь посмотри на меня и снова представь себе, что я – рассерженный на тебя декан твоего факультета. Продемонстрируй мне такую жажду слуги, чтобы наслаждение, которое получает питаемая ею моя жажда господина, оказалось так велико, что я не стал бы тебя ругать.

Я снова взглянул на ставшее высокомерным и злобным лицо Учителя. Черты Ли слегка расплывались, и мне показалось, что я действительно вижу перед собой сердитое лицо декана. Но на этот раз я смотрел на него без всякого внутреннего сопротивления или напряжения. Как ни странно, даже его возмущенный взгляд был мне приятен, вызывая своей суровостью нарастающее чувство уважения и восхищения. Я преклонялся перед жизненным опытом, научными достижениями и человеческими качествами декана. Если он решил меня наказать, то это должно было быть абсолютно справедливое решение, и я был готов принять его с полным смирением, даже не понимая, в чем и как я провинился. Мыслеобраз, возникший где-то в глубинах сознания, заполнил все тело и стал расширяться за его пределы, объединяясь с физически ощутимым для меня мыслеобразом господина, исходящим из тела Учителя.

Наши мыслеобразы слились, утоляя и насыщая жажды друг друга. Я скорее почувствовал, чем заметил, как смягчается выражение лица Ли, и как проходит его гнев, сменяясь покоем и удовлетворением. Сила объединившего нас чувства в какой-то момент ужаснула меня, потому что подобное ощущение единения, слияния и взаимного поглощения я ощущал только со своей возлюбленной кореяной. То, что я смог пережить это в пусть даже только энергетическом контакте с мужчиной на миг показалось мне противоестественным и постыдным, но это ощущение тут же пропало, сменившись расслаблением и покоем. Ли резким движением поднялся со скамейки и встряхнулся с ног до головы, так, как это делают собаки. Его улыбка была издевательской и ехидной.

– Так ты начнешь с пониманием относиться к извращениям, – прокомментировал он. – Давай, пройдемся. Ты добился даже большего, чем я ожидал.

Быстрая ходьба вернула меня к привычному эмоциональному состоянию, в котором смешались любопытство, восхищение и нетерпеливое желание узнать, что еще ожидает меня впереди.

– Это было удивительно, – с энтузиазмом сказал я. – Я действительно чувствовал, как сила, исходящая из меня, взаимодействовала с тобой, ублажая и успокаивая тебя. Мне кажется, что если бы на твоём месте был настоящий декан, я смог бы подстроиться под него и избежать его гнева.

– Думаю, что смог бы, – сказал Ли. – Теперь ты понял, как можно с помощью мыслеобразов жажд управлять человеком. Пары жажд, взаимно удовлетворяющие друг друга, такие, как например, жажды слуги и господина, жажды мессии и ученика или жажды заступника и жертвы называются дополнительными жаждami. Если ты хочешь понравиться другому человеку, представь ему жажду дополнительную к его жажде, а если ты хочешь довести его до белого каления, противопоставь его жажде такую же жажду, как у него или близкую к ней. Представь себе, как могут развиваться отношения при столкновении господина с господином или мессии с мессией.

Жажды также классифицируются в соответствии с пятью первоэлементами, и все внутренние связи между первоэлементами переходят и на взаимоотношение жажд. Так, жажды воды утоляют жажды огня и усиливают жажды дерева. Принципы и методы управления противником в рукопашном поединке, основанные на связях между пятью первоэлементами остаются теми же самыми в психологическом манипулировании другим человеком, но здесь вместо приемов, связок, технических действий и рефлекторных ответов на них противника ты изучаешь потребности и жажды противника и учишься превращать его жажды в потребности, а его потребности в жажды, удовлетворять их, или, наоборот, лишать удовлетворения.

Искусство психологического манипулирования требует таких же долгих и упорных тренировок, как и изучение рукопашного боя. Ты должен в совершенстве владеть своей психикой, свободно вызывая мыслеобразы любых жажд в любой их комбинации, и, в то же время, ты должен уметь совершенно точно распознавать потребности и жажды других людей, чтобы правильно подобрать необходимый для достижения твоей цели твой собственный мыслеобраз.

Следуя рекомендациям Ли, общаясь с людьми, я вызывал ароматы искомым ими жажд, и эти упражнения доставляли мне особое удовольствие, создавая между мной и человеком, с которым я общался, мимолетные, но очень приятные моменты внутреннего взаимодействия и близкого к интимности контакта, почти никогда не встречающегося в деловом и формальном общении, при котором соблюдение внутренней дистанции производится автоматически и ощущение эмоциональной близости запрещено неписаным законом, генетически заложенным в человека еще с тех времен, когда его далекие предки выясняли друг с другом отношения по поводу границ их территорий и их прав и обязанностей, зависящих от положения в иерархической лестнице.

Это упражнение раз и навсегда излечило меня от гордости. Гордость с точки зрения «Спокойных» была одним из защитных механизмов, в котором внутренняя неуверенность маскировалась жестким и застывшим внешним образом, сотканном из фиксированных способов реагирования, идей и представлений, предназначенных для того, чтобы четко и ясно продемонстрировать окружающим место носителя данного образа в обществе и заставить их уважать и признавать этот образ. Для гордого человека проявление покорности к тем, кто, по его мнению, стоял выше него, было естественным, потому что это совпадало с фиксированными идеями, заложенными в его образе. В то же самое время проявление покорности перед низшим или перед тем, кто, согласно его образу, не имел права требовать от него покорности, шло настолько вразрез с его представлением о себе, что гордый человек или предпочитал смерть унижению, или, если страх пересиливал гордость, невыносимо страдал от того, что образ, дающий ему уверенность в себе, разрушился и он лишился душевных подпорок, позволяющих ему поддерживать самоуважение.

– "Спокойный" отличается от обычного человека тем, – объяснил мне Учитель, – что он не имеет застывшего, фиксированного образа внутри себя и не нуждается в том, чтобы защищать этот образ в глазах других людей. Он создает те образы, которые ему нужны в данный момент, меняет их по собственному желанию, и разрушение иллюзорных образов не наносит ему душевных травм, потому что истоки уверенности и счастья воина жизни находятся внутри него и не зависят от одобрения или осуждения окружающих.

Упражняясь в создании ароматов, я сумел осознать свои фиксированные образы, которые я привык демонстрировать окружающим и постепенно разрушил фиксацию на них, став гораздо более гибким и непредсказуемым в своих внешних проявлениях.

Создание жажды слуги особенно пришлось мне по вкусу, и я начал широко применять ее слабую форму в общении с преподавателями, начальством и лицами, облеченными властью. С искренним удовольствием я демонстрировал им свое уважение и почтение, и в ответ получал столь же ис-

кренний эмоциональный отклик.

– Ты должен создать такой мыслеобраз, чтобы даже в твоём слове «здравствуй» звучало желание сделать человеку что-то хорошее уже самым этим словом, чтобы в нём звучало не подбострастие, а уважение, являющееся здоровой составляющей потребности в подчинении. Если ты сможешь передать свой положительный мыслеобраз другому человеку, то, скорее всего, в ответ ты получишь такой же положительный подсознательный отклик, и это краткое мгновение взаимного удовольствия добавит ещё немного света и радости в ваши жизни.

Воспользовавшись его советом, я открыл для себя источник наслаждения, которое приносила людям жажда слуги.

Таким образом, одна из заповедей Шоу-Дао, которую я принял сначала лишь на интеллектуальном уровне, только сейчас стала частью меня на уровне эмоциональном, потому что без умения использовать жажду слуги, я не был способен ассимилировать её в себя. Эта заповедь звучала так:

"Проявляй уважение к тем, кто достоин его, ибо в этом нет ничего постыдного; проявляй уважение к тем, кто жаждет его, ибо в этом нет ничего трудного; проявляй уважение к тем, кто недостоин его, если это тебе позволят обстоятельства, ибо в каждом есть что-то, достойное уважения."

Даже если раньше я пытался формально следовать этой заповеди, внешне проявляя уважение к тем, кто был мне неприятен, внутренне я ощущал сопротивление, и в моей душе оставался неприятный осадок конфликта с самим собой, поскольку мои стандартные фиксированные образы поведения были слишком негибкими, чтобы в некоторых случаях проявлять уважение без внутренней ломки образа. Когда я научился получать удовольствие от подчинения и произвольно вызывать и гасить жажду слуги, внутреннее проявление уважения к людям, которые были мне неприятны, перестало вызывать у меня затруднения.

В некоторых случаях я даже демонстрировал слегка утрированную жажду слуги, создавая образ большого, добродушного, мягкого и даже слегка подбострастного человека. Плохо знающим меня людям такой образ внушал доверие, приправленное приятным осознанием собственного превосходства. Часто случается, что высокий, сильный и независимый мужчина источает аромат, который многие на подсознательном уровне воспринимают как потенциальную угрозу своему собственному образу, и тогда они ведут себя с настороженностью и недоверчивостью.

Создание образа мягкого и добродушного гиганта вызвало совершенно неожиданный побочный эффект. Мой аромат подчинения стал привлекать драчунов и хулиганов с такой же неодолимой силой, как запах валерьянки притягивает котиков. Мужчины малорослые и хлипкие, хотя и годятся в качестве объектов издевательств и грабежа, но с ними сладить слишком просто, и охота теряет привлекательность и интерес. Перспектива же отлупить и ограбить внешне безобидного, но крупного парня отличается от борьбы с недомерками примерно так же, как охота на льва отличается от выкапывания суслика из норки.

Неожиданный наплыв хулиганов, желающих продемонстрировать мне все свои выдающиеся мужские качества, сослужил мне прекрасную службу, дав возможность на улице, а не в тренировочном спарринге проверить эффективность боевых техник Шоу-Дао.

Один из случаев нападения был особенно забавным. Я гулял поздно вечером в парке, и на одной из безлюдных аллей ко мне подошли трое начинающих уркаганов, наглядно демонстрирующих свою крутизну презрительным сплевыванием на асфальт, засунутыми в карманы руками и прочими, столь любимыми в определенной среде агрессивными жестами.

Предчувствуя удовольствие, я продемонстрировал одну из лучших форм жажды слуги и ответил полной смирения и покорности фразой на их провоцирующие реплики.

Ребята почувствовали разочарование. Все оказалось слишком просто. Я был таким тьюфом, что меня даже бить не хотелось.

– Давай кошелек, – с ленивым презрением скомандовал один из них.

Я вытащил из кармана кошелек с такой живой радостью и желанием услужить, что это вызвало замешательство даже у видавших виды хулиганов.

– Снимай часы, – приказал тот же парень, по-видимому главарь.

– Пожалуйста, – сказал я, услужливо протягивая ему свои старенькие потертые часы.

Главарь задумался и долгим оценивающим взглядом окинул мою куртку. Куртка из потертого кожаного материала цвета "детской неожиданности" была старой и слишком большой для любого из них, и, видимо, он решил экспроприировать её скорее из чувства долга, чем из жадности.

– Отдай куртку, – сказал он, и я почувствовал искреннюю радость, потому что боялся, что в предстоящей драке куртку могут порвать или запачкать, а тяжелое материальное положение моей семьи не позволяло идти на такие жертвы.

Улыбаясь до ушей, я протянул куртку хулигану и впервые прямо взглянул ему в глаза.

Этот взгляд так не вязался с созданным мной образом, что главарь почувствовал легкое беспокойство, и, взяв куртку, грубо и резко сказал:

– А теперь вали отсюда. Я не сдвинулся с места.

– Ты что, не слышал, я же сказал – вали отсюда, – заорал парень.

– По-моему, это общественный парк, – миролюбиво сказал я. – Мне нравится тут гулять, а если вам неприятно мое общество, то лучше валите отсюда сами.

На миг он оторопел от такой наглости, а потом, отбросив куртку в сторону, бросился на меня, целясь кулаком в лицо. Отведя облачным движением его руку, я скользящим движением пальцев хлестанул его по глазам, и моя ступня врезалась ему в пах. С диким воплем он согнулся от боли, а я, прихватив его за волосы, добавил завершающий удар коленом в лицо. Когда его дружки опомнились и бросились на меня, с ним уже все было кончено. Минуты спустя я, перешагивая через бесчувственные тела, подобрал свою куртку, вынул из кармана главаря бумажник и часы и с легким чувством вины продолжил прогулку по аллеям ночного парка.

Однажды я спросил у Учителя, существует ли какая-либо специальная техника для того, чтобы распознавать жажды людей.

– Ты должен уметь наблюдать и знать, какими бывают жажды и как они проявляются, – сказал Ли. – Но для начинающих есть одна уловка, которая облегчает им задачу наблюдения. Изучая человека, ты должен направлять свой взгляд чуть-чуть в сторону от его головы, таким образом, чтобы он всегда оставался в области твоего бокового зрения. Это позволит тебе сохранить отрешенность и избежать вовлечения в эмоциональные порывы собеседника, когда например, на улыбку ты отвечаешь улыбкой или на агрессию отвечаешь внутренней агрессией. Но по мере приобретения опыта, необходимость в отрешенном наблюдении отпадает, и ты научишься, сохраняя отрешенность, одновременно чувствовать то же самое, что и собеседник, вплоть до того, чтобы в некоторые моменты испытывать те же самые жажды и влечения, что и объект твоего наблюдения.

Упражнения по выявлению жажд мне понравились, и я в любых ситуациях – на улице, в институте, на вечеринках наблюдал за самыми разными людьми, пытаюсь по их поведению разгадать движущие силы их психики.

Очень ярко проявлялись некоторые черты жажд на занятиях физкультурой. По манере движения, по отношению к выполняемым упражнениям сразу можно было определить жажды доминирования и подчинения. Движения «господина» были сильными и уверенными, он получал удовольствие от мышечного напряжения и связанного с ним агрессивного возбуждения.

"Слуги" были более мягкими и осторожными в своих движениях и внутренних проявлениях. Кто-то все делал педантично и по правилам, другие старались по мере сил сачкануть и демонстрировали полную расхлябанность и безразличие.

Наблюдения за людьми сделали мое отношение к их поступкам гораздо более мягким. Я понял, что люди, не способные контролировать свои жажды, так же не способны адекватно реагировать на ситуации, и то зло, которое они вольно или невольно причиняют другим, скорее их беда, чем преступление против окружающих. Отсутствие самой элементарной логики во многих человеческих поступках в свете теории жажд стало оправданным и понятным. К сожалению, то же самое понимание лишило романтического ореола кумиров моего детства и многих героев так нравившихся мне когда-то приключенческих книг. Теперь для меня путешествия в лабиринтах скрытых мотивов человеческого поведения стало гораздо более увлекательным, чем приключенческие романы. Поскольку практика всегда интереснее и увлекательнее, чем любые теоретические рассуждения, я расскажу о двух моих знакомых с довольно яркими проявлениями жажды.

Мой ученик Гога Месиашвили, обаятельный грузин, своим маленьким ростом, гордым профилем и пышными усами вызывал навязчивые ассоциации с Великим Вождем Всех Времен и Народов. До изучения рукопашного боя Шоу-Дао он занимался футболом, и, как следствие, имел хорошую физическую форму и отвратительную растяжку.

Через два месяца изучения облачных движений, перемещений и основных принципов боя, Гога отправился в одну из секций карате, и, к своему удивлению, в свободном спарринге легко победил сначала учеников, а потом и преподавателя. Это его так вдохновило, что он стал тренироваться с удвоенной энергией, время от времени отыскивая новые группы карате, кун-фу и прочих видов восточных единоборств, где всегда проделывал один и тот же трюк: он приходил на занятия и скромно вставал в уголке, отрабатывая элементы техники Шоу-Дао до тех пор, пока какой-нибудь заинтересованный абориген не подходил спросить о том, чем это он тут занимается.

Гога с энтузиазмом объяснял, что это тайная и самая эффективная система боя, называя стиль

Шоу-Дао любимым выражением "наша школа", а потом в свободном спарринге побеждал сначала учеников, а потом и учителя, и, вдохновленный собственными успехами, отправлялся в следующую группу рукопашников.

Так у маленького грузина зародилась большая жажда мессии, и он отчетливо понял, что его предназначение в жизни – доказать всему миру, что "наша школа – это лучшая школа в мире".

Не могу сказать, что он достиг больших успехов в рукопашном бою, потому что ему очень не хватало растяжки, пластики и техники, но эти недостатки с лихвой компенсировались страстным желанием продемонстрировать всему миру превосходство "нашей школы" и эффективностью техники боя с применением облачных движений.

Посетив все известные ему группы рукопашного боя в Симферополе, Гога отправился путешествовать по близлежащим городам Крыма, а потом в некоторые города вне Крымского полуострова. С каждым новым успехом мессианская жажда Гоги возрастала, и он даже начал агитировать меня делать то же самое, поскольку, как он был уверен, именно для такой судьбы готовил меня Ли. После нескольких попыток объяснить «мессии», что учение «Спокойных» предназначено для самосовершенствования и внутренней гармонии, а не для того, чтобы бить морды представителям других стилей, я лишний раз убедился в том, что человек слышит только то, что он хочет, и в случае необходимости просто выдумывает то, что ему хотелось бы услышать. Так что я оставил Гогу в покое, и только с возрастающим интересом выслушивал очередные отчеты о его подвигах во имя "нашей школы".

Мое нежелание насаждать учение Шоу-Дао с помощью кулаков Гога расценил как отступничество и трусость, и, хотя в общении со мной он продолжал оказывать мне уважение, как учителю, за моей спиной он поговаривал о том, что я слишком слаб для того, чтобы распространять Учение по свету, и ему, бедолаге, приходится отдуваться за двоих.

В правильности выбранного пути Гогу окончательно убедило видение, явившееся ему среди бела дня на пороге собственного дома.

По залитому солнцем дворику к Гоге приблизилась фигура невысокого корейца, в котором тот сразу же, повинаясь внутреннему голосу, признал Ли, моего Учителя.

– А вы, молодой человек, тоже интересуетесь нашей школой? – с восточным акцентом поинтересовалось видение.

Онемевший от почтения Гога, заикаясь, подтвердил свою верность и преданность идеям Шоу-Дао, и кореец, сказав что-то вроде:

– Верной дорогой идете, товарищ, – исчез.

Дальнейшая жизнь Гоги развивалась под знаменем мессианства. Она оказалась очень любопытной, и даже, по правде говоря, я не знаю, как оценить то, к чему Гога пришел в конце концов, потому что важнее, наверно, чтобы результаты его деятельности нравились ему, а не мне.

Говорят, что энтузиазм заразителен, а фанатизм неотразим. Хотя с точки зрения «Спокойных» жажды – это разновидность духовного заболевания, бывают случаи, когда жажды не приносят вреда ни самому человеку, ни окружающим, и тогда фанатизм дает жизни яркую и прекрасную цель, которой лишены многие обыватели, живущие в мире, ограниченном работой и благоустройством квартиры.

Второй случай жажды, который я опишу, к сожалению, плохо отразился на многих людях. Речь пойдет о моей родственнице, которую соседи прозвали Лапочкой. Не думайте, что это прозвище отражало ангельские черты характера Лапочки, просто оно оказалось удобной производной от первых букв ее имени и отчества. Иногда соседи для разнообразия называли ее Тапочкой, но это случалось относительно редко, поэтому «Лапочка» оставалось официальным прозвищем.

В детстве Лапочка много читала, сформулировав для себя четкие понятия добра и зла. Она четко знала, что такое настоящая любовь, что такое настоящий секс и что такое настоящий мужчина. В том, что такое экзотическое животное, как настоящий мужчина, в природе не встречается, она окончательно убедилась, будучи уже на пенсии.

Поскольку Лапочка обладала довольно привлекательной внешностью, живым характером и нормальным интеллектом выпускницы университета, естественно, что она пользовалась интересом со стороны представителей мужского пола. Лапочка с удовольствием делилась с ними своими представлениями о любви, сексе и образе настоящего мужчины. Несколько раз прослушав подобные лекции, мужчины с ужасом убеждались в том, что они совершенно не настоящие, и что их понимание любви и секса не соответствуют истинным и правильным представлениям о этих важных вещах. Лапочка убеждалась в том же самом с сожалением и разочарованием. Годы шли, поклонники приходили и уходили, настала пора выходить замуж, и, поскольку с настоящими мужчинами возникла про-

блема, по крайней мере можно было родить и воспитать настоящего ребенка, вложив в него соответствующие идеалы.

Жестоко разочаровавшись в очередном поклоннике, который по достаточно серьезным причинам решил отложить развод со своей женой, Лапочка вознесла молитвы богу, чтобы он срочно послал ей мужа. Видимо, бог услышал ее молитвы, и вскоре она вышла замуж за спортсмена с мирным и покладистым характером. Быстро убедившись, что муж абсолютно не соответствовал идеалу настоящего мужчины, Лапочка принялась убеждать его в этом в пространных логически обоснованных монологах, которые никогда не превращались в диалоги, поскольку муж испытывал скрытое отвращение к семейным скандалам и предпочитал воздерживаться от возражений.

Отсутствие сопротивления окончательно убедило Лапочку в правильности выбранной ею позиции, и она, на практике убедившись в превосходстве своего интеллекта над интеллектом слабых и неспособных соответствовать ее уровню мужчин, с успехом развивала избранную стратегию. В результате муж начал ей изменять с менее интеллектуальными женщинами, которые, вероятно, в силу своего низкого умственного развития, видели в нем настоящего мужчину, а потом и вовсе развелся с Лапочкой.

От этого брака родилась дочь Аня, которая, конечно же, не соответствовала образу идеального ребенка, поскольку унаследовала второсортные гены отца. До развода усилия Лапочки по доведению членов семьи до соответствующих идеалу стандартов в основном были сосредоточены на муже, и ребенок рос в относительно спокойной обстановке, если не считать громогласных монологов, обращенных к нарушившему очередное правило главе семейства. Видимо, обилие отцовских генов сделало Аню невосприимчивой к его недостаткам, и она никак не могла понять, за что на голову несчастного ежедневно обрушиваются бурные потоки непонятных ей обвинений.

После развода основной объект перевоспитания исчез, и вся мощь темперамента и интеллекта Лапочки обрушилась на дочь. Каждый день Аня слышала рассуждения о том, что такое настоящая любовь, благородство, жертвенность и как должны вести себя настоящие люди, чтобы с помощью своей любви и положительных эмоций сделать этот мир лучше. Поскольку против таких правильных слов возразить было нечего, то Аня отмалчивалась, как и отец доказывая этим свое безнадёжное несоответствие идеалам. Постоянный стресс привел к целому букету психосоматических заболеваний, начиная от болей в сердце и кончая потерей зрения во время приступов вегетососудистой дистонии. Единственное, чего Аня по молодости и глупости не могла понять, это как Лапочке, неустанно говорящей звучащие абсолютно правильно вещи о любви и взаимоотношениях в семье, удастся доводить своих близких до такого состояния, что смерть начинает казаться приятной альтернативой ее монологам.

Небольшую передышку Аня получила, когда у Лапочки появился молодой любовник, ее бывший студент. Это был простой и спокойный парень, очарованный интеллектом Лапочки и красивыми словами, которые она говорила о верности, долге и любви. Бедняга продержался около года, свалившись с язвой желудка, полученной на нервной почве, поскольку постепенно он к собственному ужасу убедился, что абсолютно не соответствует идеалу настоящего мужчины. Это окончательно убедило Лапочку, что настоящих мужчин не существует, и с тех пор она оставалась в гордом одиночестве, лишь время от времени общаясь с представителями сильной половины человечества и все глубже разочаровываясь в них.

Оставшись одна на старости лет. Лапочка слегка смягчилась в своих требованиях к другим людям, но время для любви уже прошло, настоящих мужчин в мире не прибавилось, а у дочери проявляются симптомы психосоматических заболеваний каждый раз, когда она видит мать, даже если та не рассуждает о долге и любви, так что Аня старается видаться с ней лишь недолго и только в случаях крайней необходимости.

Хотя поведение Лапочки нужно рассматривать в более глубоком контексте представлений «Спокойных» о типах человеческой психики и скрытых мотивах человеческого поведения, в рамках теории жажд можно сказать, что ее потребности в любви, дружбе и понимании не могли удовлетворяться в связи с нарастающей жаждой соответствия. Эта жажда характерна для людей с сильной волей и твердыми морально-этическими убеждениями. Вместо того, чтобы подстраиваться под окружающий мир, адекватно реагируя на его проявления. Лапочка пыталась заставить окружающих соответствовать установленным ее высоким идеалам, но эти идеалы были столь высоки, что вокруг не находилось людей, способных им отвечать. Лапочка, обращаясь в обличающего несовершенства и пороки судьбу и палача, психологически уничтожала тех, кто приближался к ней слишком близко и не мог в силу привязанности или обстоятельств оставить ее.

В то же время людям, общавшимся с ней по работе или просто знакомым Лапочка казалась

очень приятным, ответственным и образованным человеком, поскольку то, что она говорила, было вполне правильным и обоснованным.

Порожденное жадой соответствия отсутствие удовлетворения потребности в любви и человеческой близости усиливали эту жажду, и потребность в близости удовлетворялась все хуже и хуже. Возник порочный круг, из которого, не осознав и не удовлетворив свою жажду соответствия каким-то иным образом, Лапочка не могла выйти. Можно сказать, что она считала, что лучше быть правой, чем счастливой. Конечно, это был ее личный выбор, но этот выбор определял не только ее собственную судьбу, но и судьбы других людей.

"Спокойные" смотрели на это с другой точки зрения. Они считали, что ты прав, если ты счастлив сам и если счастливы близкие тебе люди. А если этого не происходит, значит ты что-то делаешь неправильно, и нужно пересматривать свои идеалы и мотивы своих действий, отыскивая в них моменты, которые мешают гармоничной адаптации к сложившимся обстоятельствам и к окружающему миру.

Однажды Ли сказал мне фразу, в правильности которой я не раз убеждался на опыте.

– Люди всегда жаждут того и говорят о том, чего у них нет. Лживый человек будет клясться, что он всегда говорит правду, предатель требует клятв и сам клянется в верности, человек, неспособный любить, рассуждает о настоящей любви, а тот, кто не может испытать подлинный сексуальный экстаз, может с пеной у рта рассуждать о том, каким должен быть секс. Тот, у кого правдивость, верность, любовь и чувственность заложены в крови, просто проявляет их, но не заботится и не рассуждает о них. «Спокойные» вмещают в себя весь мир, поэтому им вообще не хочется рассуждать ни о чем, и они тратят усилия на разговор только с тем, кто хочет их слушать, чтобы подарить другому часть их прекрасного мира, но они избегают духовного насилия и никогда не навязывают своих взглядов.

Схему "подстройки к миру" Учитель впоследствии описал, как технику расширения моделей мира или "культивации плода дерева жизни". Это была сложная, но очень интересная теория создания гармоничной личности, гибко и адекватно реагирующей на изменения в окружающем мире, построенная на схеме взаимодействия пяти первоэлементов, выделении у человека 64 сущностей и их взаимодействии, на теории жад и некоторых других представлениях «Спокойных» о строении человеческой психики. О ней я расскажу в одной из следующих книг.

Глава 6

Славик был на дежурстве, а мне Учитель дал задание отрабатывать "бой с тенью", используя "коготь каменной птицы" – короткую палочку, и применяя мыслеобраз оживления оружия.

Ли начал обучать меня работать с «когтем» и другими видами оружия с первых дней моего ученичества, но об «оживлении» оружия я узнал лишь несколько месяцев спустя, когда научился работать с пульсами и автоматическими движениями.

Мы тренировались в лесу, когда Учитель достал из холщовой сумки, скрытой под его курткой внушительных размеров нож и сказал:

– Сейчас ты сделаешь свой, особенный «коготь», который со временем станет частью тебя. Тебе предстоит сделать его живым.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– То, что ты слышал, – невозмутимо ответил Ли. – Можно оживить любое оружие, но чтобы добиться этого, нужно потратить много времени и усилий. Поскольку тебе нельзя носить с собой нож или меч, ты начнешь учиться «оживлению» с самого незаметного и безобидного с точки зрения закона оружия – с короткой палочки. Она будет сопровождать тебя повсюду, и ни у кого не вызовет любопытства или подозрения.

Ли подобрал дерево и, внимательно осмотрев его ветви, выбрал одну из них и сказал:

– Свой «коготь» ты должен сделать сам.

Он дал мне нож, и вскоре я продемонстрировал ему аккуратную палочку длиной в мою ладонь.

Учитель положил ее мне на ладонь так, что один ее конец совместился с кончиком среднего пальца, а другой касался середины запястья.

– Обычно ученики наносят на «коготь» надрезы в местах соприкосновения палочки, расположенной таким образом, как сейчас у тебя, с ладонными дань-тянями, а в центрах надрезов острием ножа делают углубления, намечая «палочные» дань-тяни. Тебе предстоит более сложная задача. Ты должен научиться чувствовать дань-тяни оружия, в каком бы положении ты его не держал, а также уметь различать даже с закрытыми глазами вершину и комель палочки.

Взаимодействуя с «когтем», ты будешь пробуждать в нем энергетические потоки, но они всегда будут перемещаться от комля к вершине. Для боя это не имеет большого значения, но «живое» оружие ты сможешь использовать еще и для лечения, диагностики и медитации.

– Каким образом? – спросил я.

– "Коготь" может использоваться почти как палец, но его воздействие на точки более жесткое, и, кроме того, он имеет свою особую энергетику, усиливающую и дополняющую твою энергию.

Воздействие «корневым» концом палочки на зону или активную точку тела усиливает отток энергии от точки к вершине «когтя». В зависимости от характера манипуляций этот торец называется «земным» или "водным".

"Вершинный" конец, иначе называемый «огненным» или «небесным» направляет энергию внутрь точки, а при отсутствии потока извне закрывает выход энергии из нее.

"Коготь", расположенный вдоль меридиана верхушкой к его концу, усиливает поток энергии, а будучи направлен в обратную сторону – замедляет его.

Палочка, расположенная поперек течения энергии, часть ее направляет в сторону своей «вершины», а другую часть, в несколько раз меньшую – в сторону «корневого» конца. Если «корневой» торец закрыт рукой, то все направляется в сторону вершины. При закрытом «вершинном» конце поток идет в сторону комля с широким «водопадом» через боковую часть палочки в направлении основного потока. Если же закрыты оба конца, то возникает «запруда» с небольшим широким «водопадом» энергии в направлении ее основного хода.

– Не думал, что на ладонях тоже есть дань-тяни, – сказал я. – Я считал, что они расположены только на туловище.

– Представления «Спокойных» о дань-тянях не совпадают с их определениями, известными тебе по книгам о даосских техниках.

Дань-тянь – это в первую очередь мыслеобраз и лишь потом энергетическое образование, связанное с энергетическими центрами организма. При необходимости активизированный дань-тянь может создаваться, как «тело», принимающее разные формы, на границах которого могут располагаться активные точки, или он может разрастаться из одной выбранной и активизируемой точки, расположенной в любом месте – на чудесных каналах или вне их, на теле исполнителя или вне его, на каком-либо плотном предмете или в различных средах.

Точки, представляющие основные энергетические центры или дань-тяни находятся не только на туловище, но и на ушах, конечностях, внутри носовой полости, вне тела, но очень близко от него – в его тепловом слое, а также на ладонях. Сейчас нас будут интересовать только ладонные дань-тяни, расположенные на вертикальной линии, проведенной через середину среднего пальца. Кончик среднего пальца, а, значит, и верхний торец когтя соответствуют верхушке головы, а их центр – точке бай-хуэй.

Центр подушечки ногтевой фаланги среднего пальца соответствует кончику носа и энергетическому центру с точкой суляо в его основании. Если рассмотреть подушечки пальцев сбоку, то можно заметить некоторое сходство их центральных частей и выпуклостей на лице. Дань-тянь, соответствующий кончику носа, также переносится на "коготь".

Центральная точка суставного сгиба между ногтевой и следующей за ней фалангой ассоциируется с точкой лян-цюань, горлом, адамовым яблоком. Центр сгиба следующего сустава имеет внутреннюю связь с точкой тянь-ту, межключичной выемкой и пищеводом.

Центр фаланги, прилегающей к ладони, соответствует точке тань-чжун, солнечному сплетению, мечевидному отростку. Центр сгиба сустава в месте соединения пальца с ладонью соответствует точке цзюй-цюе, желудку, нижней части солнечного сплетения.

На расстоянии чуть больше цуня от предыдущей точки по направлению к основанию ладони, сразу после прощупываемого со стороны ладони сустава находится точка, соответствующая точке чжун-вань и среднему привратнику, а на расстоянии в 6 цуней от кончика пальца расположена точка, соответствующая пупку и точке шень-цюэ.

На сгибе кисти, все на той же прямой линии, проведенной через центр пальца, расположена точка, соответствующая половым органам и точке хуэй-инь, а сразу под ней, у приводящих мышц большого пальца, находится точка, соответствующая мочевому пузырю и точке чжун-цзи.

С обратной стороны кисти и палочки выделяются следующие дань-тяни: центра сгиба между ногтевой и следующей фалангами среднего пальца соответствуют точке фэн-фу и затылочной ямке.

Центр следующего за ним сустава соответствует точке да-чжуй, расположенной между седьмым шейным и первым грудным позвонками. Посередине между ними находится точка, соответствующая середине шеи сзади и точке я-мень.

В центре сгиба кистевого сустава с обратной стороны кисти на прямой линии, проведенной через центр среднего пальца, находится точка, соответствующая области кончика копчика и точке чан-цян. В центре «кентоса», костяшки среднего пальца, использующейся при ударах, находится точка, соответствующая точке чжи-ян, сразу над ней, в центре соединения фаланги и кисти расположена точка, соответствующая точке шень-дао на позвоночнике.

Точно посередине между нею и точкой на сгибе кисти находится место, соответствующее точке мин-мэнь и всей области вокруг максимального прогиба спины.

В середине между точкой, соответствующей шень-дао и точкой в середине фаланги, прилегающей к кисти и соответствующей точке шэнь-чжу, расположена точка, соответствующая цзюй-цзюе-шу.

По мере того, как Учитель перечислял точки, я все больше приходил в уныние, с трудом представляя, как же мне удастся хотя бы запомнить их, не говоря уж о том, чтобы в любом положении чувствовать дань-тяни оружия.

– Ли, я не смог запомнить все ладонные дань-тяни, – сказал я. – Похоже, что «оживление» оружия – совсем не простое дело.

– Тяжело в учении, легко в гробу, – философски заметил Учитель, довольно ухмыляясь. – Сейчас в тебе опять говорит европеец. Ты относишься к "оживлению когтя", как зубрила, который должен во что бы то ни стало выучить наизусть все иностранные названия точек и уметь точно показать их местонахождение на палочке. Тебе ничего не нужно помнить и ничего не нужно зубрить. С соответствующими дань-тянями тела ты уже не раз работал в медитациях и умеешь активизировать их автоматически. Теперь тебе надо прочувствовать ладонь так же, как ты чувствуешь тело, и установить при помощи пульса-ци связь между телесными и ладонными дань-тянями, а потом перенести пульсы на соответствующие дань-тяни «когтя». Когда ты разъединишь ладонные и палочные дань-тяни, между ними останется энергетическая нить, соединяющая соответствующие пульсы-ци. Как видишь, все очень просто. Начни с трех дань-тяней, соответствующих точке хуэй-инь, солнечному сплетению, и точке бай-хуэй.

– Хорошо, – сказал я. – Начинать, как всегда, нужно с левой руки, или для «оживления» оружия это не играет роли?

– Согласно ритуалу, ты должен положить «коготь» правой рукой «силы» на левую ладонь «мудрости», затем соединить ладони обеих рук, сжав ими палочку, и вытянуть руки вперед на уровне плеч. Пульсы-ци сначала пробуждаются в дань-тянях туловища, потом в ладонных дань-тянях, и, наконец, в дань-тянях оружия.

Я сел на землю, опираясь спиной о ствол дерева, и вытянул руки с зажатым в них «когтем». Дань-тяни в половых органах, солнечном сплетении и на макушке активизировались и начали наливаться тяжестью и увеличиваться в размерах под действием мощной пульсации ци. Мысленное сосредоточение на центре кистевого сгиба, середине фаланги, прилегающей к ладони и кончику среднего пальца мгновенно установило связь между ладонными дань-тянями и дань-тянями туловища. От точки хуэй-инь, солнечного сплетения и макушки к соответствующим ладонным дань-тяням стремительно рванулись нити энергии, закончившиеся на ладони маленькими, но очень четкими очагами резкого ритмичного пульса.

– Вложи свой пульс в оружие. Сделай «коготь» продолжением себя, – сказал Учитель.

Интуитивно я сосредоточился на ощущении палочки в моих руках. Я чувствовал форму и фактуру свежеструганной древесины. Мне даже показалось, что ладонями я могу ощущать ее мягкий приятный запах и почти незаметную разницу в плотности вершинного и комлевого ее торцов. Пульсы левой и правой ладони проникли в «коготь» и встретились в его глубине, заставив палочку завибрировать в такт рукам и зажить собственной жизнью.

– Раскрой ладони, но не позволяй «когтю» упасть на землю, – услышал я голос Ли.

Я разомкнул большие пальцы рук и раздвинул продолжающие соприкасаться мизинцами ладони. Палочка соскользнула к мизинцам, и ее пульсирующие дань-тяни отделились от ладонных дань-тяней, сохраняя с ними связь через тонкие упругие энергетические нити. Общее ощущение палочки ослабло, но ее пульсирующие дань-тяни на конце нитей я ощущал так же сильно, как и в то время, пока «коготь» был зажат у меня между ладонями.

– Обычно ритуал завершается словами: "третий брат – ты рожден", – сказал Учитель. – После этого, если ты не собираешься совершать какие-либо манипуляции с энергией или медитативные упражнения, ты должен зажать нижний конец оружия между зубами, похлопать в ладоши и растереть кисти рук, чтобы снять ощущения ладонных дань-тяней, а затем массажем рассеять и успокоить энергию истинных дань-тяней. Заверши ритуал.

Я взял палочку в зубы, продолжая ощущать биение пульса в ее прикушенном конце и нити, соединяющие ее с руками. После выполнения массажных движений пульс «когтя» затих вместе с пульсами остальных дань-тяней.

– Этот ритуал открывает путь к управлению циркулирующей энергии по срединным чудесным каналам и он же является ключом к активизации соответствующих энергетических зон для осуществления лечения, самовосстановления или даже самоубийства, – сказал Ли. – Он используется для переноса ощущений и воздействия на аналогичные зоны другого живого существа, для стимуляции органов чувств, и частично может быть использован для бесконтактного влияния на других людей.

Существует более сложная форма ритуала, когда две палочки без отметин укладываются «лицом» вниз, одна на левую, а другая на правую ладонь. Ладони сводятся вместе, и палочки соединяются «спинами». Затем оживляются «лицевые» и «спинные» дань-тяни снарядов, ладонные и истинные дань-тяни.

Руки вытягиваются вверх над головой, после чего в палочках и кистях рук энергия начинает циркулировать снизу вверх по лицевой части, потом поток энергии раздваивается. Одна его часть направляется на «спинную» линию соответствующей палочки, а другая переходит на тыльную сторону кисти. В то же самое время по схеме "ранних небес", то есть спереди назад активизируется малый круг циркуляции энергии, не захватывающий конечности.

После восклицания "третий и четвертый брат, я дал вам силы", – следует выход из ритуала, сопровождаемый прыжком с хлопком ладонями над головой, после чего оружие либо отбрасывается недалеко в сторону, либо засовывается с двух сторон за воротник.

Ритуал завершается медитацией "осознания оружия" по интуитивной методике "вкуса жизни". Эта медитация в идеале осуществляется мгновенным созданием мыслеобраза, но для того, чтобы сформировать его, тебе придется затратить много времени. Свой «коготь» ты будешь повсюду носить с собой, непрерывно отдавая себе отчет в его присутствии до тех пор, пока он не станет частью тебя, или даже не заживет своей собственной жизнью. В свободное время ты будешь созерцать и рассматривать «коготь», ощупывать его, нюхать и даже пробовать на вкус. Ты должен уметь с закрытыми глазами полностью воссоздавать его вид, мгновенно определять, где находится его верхний конец, а где нижний, и устанавливать связь своих дань-тяней с дань-тянями оружия.

Сейчас ты только почувствовал пульсацию трех дань-тяней «когтя». Пока еще оружие не «ожило» для тебя, но когда оно «оживет» по-настоящему, ты сразу поймешь, что это произошло.

Следуя указаниям Учителя, я не расставался в «когтем» ни днем, ни ночью, даже во сне продолжая сжимать его в руке. Я научился ощущать все дань-тяни палочки во время боевых тренировок, но момент, когда оружие «ожило», стал для меня полной неожиданностью, и лишь тогда я понял, что слова об «оживлении» не были лишь красивой метафорой.

Я ехал на автобусе в сельхозинститут, по привычке сжимая в руке «коготь». Рассеянно наблюдая проплывающие за окном деревья и дома, я расслабился и погрузился в полудремотное состояние. Вдруг рука, держащая палочку почувствовала ее легкое движение. Я не сразу понял, что происходит, как «коготь» завибрировал и забился в руке, словно сильная упругая рыбка. Я сжал кулак, пытаюсь удержать его, но коготь рвался из него со страшной силой, больно ударяя меня в бедро. Он уже не напоминал рыбку. Мне чудилось, что я вцепился мертвой хваткой в рог отчаянно сопротивляющегося оленя и удерживаю его уже из последних сил.

Амплитуда и сила биения уменьшились, но зато часто и резко запульсировали дань-тяни оружия, возбуждая и активизируя ладонные дань-тяни, а от них потянулись ниточки к пробуждающимся истинным дань-тяням. Одновременно включилась циркуляция «ранних» и "поздних небес", энергетические потоки образовали «восьмерки», захватывающие конечности и подпитывающиеся энергией вибрирующего «когтя». Я начал чувствовать энергетические каналы палочки, по которым ци двигалась подобно тому, как это происходило в моем теле. Меня бросало то в холод, то в жар. Я вспотел под одеждой, с ужасом прикидывая, смогу ли я в таком состоянии выйти из автобуса. Глубоким равномерным дыханием и мыслеобразами рассеивания энергии я попытался успокоить процессы, сотрясающие мое тело, и пульсация «когтя» стала потихоньку уменьшаться, становясь более медленной и мягкой. Наконец, палочка затихла. Я вышел из автобуса, и, сунув ее в карман, растер все тело, гася остаточную энергию аутодвижений. Потом я достал коготь, и, положив его на ладонь, внимательно посмотрел на него. Передо мной лежал внешне ничем не примечательный грязноватый кусочек дерева, но теперь-то я точно знал, что этот кусочек дерева может жить своей волшебной и таинственной жизнью. Я слегка расфокусировал глаза и «коготь» окутался легкой прозрачной дымкой, в которой я мог различать слабо мерцающие дань-тяни оружия и пронизывающие его энергетические каналы.

– "Третий брат, ты рожден", – дрогнувшим от волнения и счастья голосом сказал я...

Со временем «оживление» когтя стало для меня привычным и обыденным делом. Я лишь вызывал соответствующий образ, совмещая свои дань-тяни с дань-тянями оружия, и палочка начинала жить собственной жизнью, передавая мне свои импульсы и вводя в состояние аутодвижений. Вот и сейчас, следуя указаниям Ли, я оживил «коготь», и вошел в состояние частично контролируемых и направляемых мыслеобразами аутодвижений. Используя представление движений по кругам, начинающихся с кисти и постепенно распространяющихся на все тело, я наблюдал, как палочка заставляла кисть моей руки дрожать и вибрировать. Подрагивание перешло в круговое движение по увеличивающейся амплитуде. «Коготь» жил своей жизнью, имитируя на фоне продолжающегося вращения зацепы, удары и быстрые импульсные толчки.

Аутодвижения распространялись вверх по руке. К вращению кисти добавились вращения локтя и плеча, иногда переходящие в поступательные и восьмеркообразные движения, туловище тоже стало вращаться и совершать волнообразные колебания, усиливая и направляя удары, наносимые рукой.

Постепенно я вошел в изменчивый плавный ритм облачных движений, задаваемый управляющим мною оружием, и минут сорок выполнял "бой с тенью", пока аутодвижения не начали затухать, оборвавшись легкими подрагиваниями кисти, державшей "коготь".

Я промассировал тело, разгоняя энергию, возбужденную аутодвижениями, и Учитель велел мне перейти к статическим упражнениям, предназначенным для выработки правильного хвата «когтя» и укрепления сухожилий.

Я взял две палочки и, крепко сжав их в руках, принял позу, как при отжимании, опираясь концами палочек о землю. Это упражнение не только развивало силу захвата, но и приучало организм четко ощущать линии концентрации энергии, потому что только при правильном расположении кисти относительно палочки нагрузка на сухожилия была минимальной, и я чувствовал себя относительно комфортно.

Делая небольшие перерывы для отдыха, я менял положение тела и способ захвата палочки. В идеале я должен был добиться того, чтобы, обхватив палочки пальцами почти у самого торца, делать, опираясь на них, стойку на руках и удерживать ее достаточно продолжительное время, но до этого мне было еще далеко.

Статические упражнения почти всегда сопровождалась беседой с Учителем, и, получив разрешение, говорить, я использовал эту возможность, чтобы прояснить вопрос, который уже давно интересовал меня.

– Я замечаю, что постепенно становлюсь во многих своих проявлениях похожим на тебя, – сказал я Учителю. – Пытаясь принять какое-то решение, я думаю о том, как бы ты поступил в похожей ситуации. К сожалению, мне еще очень трудно понять, как ты мыслишь и как ты действуешь, предсказать твои действия и поступки и даже понять смысл многого из того, что ты делаешь со мной.

Ли усмехнулся.

– Если бы ты мог предсказать меня, ты был бы мною. Европейцы не способны понять даже свои собственные действия и мотивы, и для них просто нереально даже приблизиться к пониманию внутреннего мира человека, воспитанного в абсолютно другой культуре, на других традициях, морали и миро-осознании.

– Конечно, я понимаю это, – согласился я. – Я хотел спросить о другом. В каждой системе обучения и в каждом мировоззрении есть свои принципы и методы обучения, и хотя обучение каждого конкретного ученика в Шоу-Дао индивидуально, наверняка есть какие-то универсальные составляющие системы, которые распространяются на все области самосовершенствования.

– Естественно, что такие принципы и методы существуют, – сказал Ли. – Они являются составной частью учения "вкус жизни", и применяются во всех областях знаний «Спокойных» – от рукопашного боя до медицины и социальных взаимоотношений. Трудность заключается в том, что этих принципов и методов так много, что без соответствующего опыта трудно понять, какие из них используются в каждой конкретной ситуации. Я могу перечислить тебе некоторые из них, чтобы ты мог составить себе общую картину, хотя в основном они тебе уже давно известны. Начнем с принципов. Каждый из них имеет свое образное название, используемое в медитациях осознания, позволяющих сделать каждый принцип частью самого себя. Вот эти принципы.

- *Принцип постоянства – "течение реки".*
- *Принцип преодоления – "разящий меч".*
- *Принцип постепенности – "малые глотки".*
- *Принцип сверхусилия – "прыжок на гору".*

- Принцип последовательности – "со ступени на ступень поднимаясь по небесной лестнице".
- Принцип правильного направления – "следуя за стрелой", то есть следуя правильной методике.
- Принцип спокойствия – "истинное спокойствие" – не желать большего, чем ты имеешь в данный момент, не подгонять себя, избегать перерастания потребностей в жажды, не ставить рекордов.
- Принцип напряжения – "натянутый лук".
- Принцип "озера радости" – получение от любой деятельности удовлетворения, граничащего с наслаждением.
- Принцип стимула – "убегая от тигра" – использование деятельности или ситуаций, в которых только правильные действия обеспечивают выживание.
- Принцип "беря большое, не упускай малое" – обращать внимание на все детали, не забывая о мелочах.
- Принцип "беря малое, не упускай большое" – не терять общей картины, концентрируясь на деталях.
- Принцип "озеро удивления" – не переставать удивляться всему вокруг.
- Принцип невозмутимости – "водная гладь" – не удивляться ничему, даже если происходит что-то невероятное.
- Принцип следования учению, не веря в результат, не видя дороги – "слепец с поводырем".
- Принцип осознания каждого своего действия – "сияние полной луны".

– Но ведь эти принципы противоречат друг другу, – сказал я.

– Так и должно быть. Именно поэтому учение «Спокойных» называется "срединным путем". Вся хитрость в том, чтобы в каждый момент правильно подобрать принцип, которому следуешь. А теперь поговорим о методах обучения. Вот некоторые из них.

- "Повторение за мастером" – одновременное выполнение движений или какой-либо деятельности вместе с мастером, в сочетании с медитацией слияния, когда не только копируется внешняя сторона деятельности мастера, но и ощущается и запоминается его мыслеобраз, сопровождающий данные действия.
- "Повторение после мастера" – исполнение чего-либо после показа мастером.
- "Повторение, помня о мастере" – отработка чего-либо самостоятельно.
- "Создание в дар мастеру" – самостоятельная разработка чего-либо.
- "Озеро под луной" – запоминание речей Учителя.
- "Великое знание тишины" – передача знаний бессловесным путем, без жестов и записей.
- "Говорящие руки" – передача жестами и показом.
- "Следы на песке у моря" – передача знаний посредством записей.
- "Перебирание драгоценных жемчужин" – изучение книг.
- "Человек в логове тигра" – обучение путем вовлечения ученика в ситуацию, требующую самостоятельного и моментального решения.
- "Медленный ветер" – изучение чего-либо в медленном темпе.
- "Ритуальная форма" – классические формы обучения, основанные на ритуалах, а в боевом приложении – отработка конкретных связей приемов.
- "Постройка дома" – моделирование тех или иных жизненных ситуаций.
- "Великий Учитель" – обращение внутрь себя, к своей интуиции, работа с самим собой.
- "Пушистый снег" – убеждение ученика в его собственных силах и знаниях.
- "Уминание снега" – наглядный показ ученику истинного уровня его знаний и умений.
- "Снежинки, мелькающие в вышине" – знание более высоких ступеней, даруемое ученику, чтобы стимулировать его желание достичь их.
- "Наблюдение из леса за пасущимися козами" – тайное наблюдение за учеником в его обычной жизни или в специально созданной для этого ситуации.
- "Очень большой шаг" – обучение ситуацией, в которой ученик «перешагивает» то, что ему раньше не поддавалось.
- "Полет стрелы" – объяснение принципов, законов и правил, на основе которых постигается большой пласт знаний.
- "Отражение меча" – ответы на вопросы учеников.
- "Обучение притчей" – обдумывание рассказанных мастером притч и постижение скрытых истин.

– "Воровство жемчужин" – наблюдение за окружающим миром и природой и постижение истины через это наблюдение.

– "Обучение ритуалом" – соблюдение социальных ритуалов, воспитывающих такие качества, как внутренняя дисциплина и уважение к учению.

Я мог бы перечислить еще многие из принципов и методов, но думаю, что для начала и этого более, чем достаточно, чтобы ответить на твой вопрос.

– Ты совершенно прав, этого действительно более, чем достаточно, – сказал я. – На самом деле, я хотел услышать от тебя что-то другое.

– Наверно, универсальный рецепт понимания Шоу-Дао, – Учитель скорчил ехидную рожу и издевательски захохотал.

– Что-то в этом роде, – я продолжал настаивать на своем. – Ведь существуют какие-то универсальные принципы, вроде закона инь и ян, понимание которых позволяет приблизиться к восприятию мировоззрения востока. Есть ли в Шоу-Дао такой же универсальный принцип обучения, который является как бы истоком остальных принципов и методов? Спрашивая о нем, я следую твоему же принципу – "беря малое, не упускай большое", и пытаюсь увидеть общую картину, складывающуюся из деталей, о которых ты только что мне рассказал.

– Значит, я не зря потратил время, – одобрительно улыбнулся Ли. – Универсальный принцип обучения действительно существует, но он настолько универсален, что опираясь только на него, его невозможно применить на практике, однако он может служить опорой в тех случаях, когда возникает замешательство, помогая с помощью интуитивного осознания выбрать правильную тактику. Тот, кто сможет до конца прочувствовать этот принцип и сделать его частью себя, станет воином жизни. Осознание этого принципа наряду со способностью накопления сексуальной энергии и управлением ею, является одной из основных составляющих процесса развития внутренней силы.

При упоминании о внутренней силе я ощутил приток лихорадочного возбуждения. Учитель много раз упоминал о ней, но его формулировки были расплывчатыми. Мне уже доводилось испытывать в самых разных ситуациях проявления внутренней силы, и всякий раз у меня создавалось впечатление, что какая-то совершенно изолированная и не осознаваемая в обычной жизни часть меня заставляла меня действовать самым непредсказуемым образом и достигать результатов, которые моему обычному сознанию казались удивительными. Каждый раз у меня возникало страстное желание понять, как запускаются механизмы, приводящие в движение внутреннюю силу и научиться сознательно вызывать и контролировать ее проявления, но Ли мне пока не объяснил, как это делается.

– У тебя снова проявляется маниакальная жажда сверхспособностей, так характерная для европейцев, – осуждающе покачал головой Учитель, с привычной легкостью угадывая ход моих мыслей. – Ты готовишься стать воином жизни, а не фокусником, а фокусы по-прежнему кажутся тебе более привлекательными, чем сама жизнь. Когда ты избавишься от этого недостатка, мы сможем, наконец, поговорить об управлении внутренней силой. А пока я расскажу тебе универсальный принцип обучения «Спокойных». Он называется "Всадник на спине ветра наблюдает за серединой", и его формулировка очень проста.

Избегая символичности китайских образов, на привычном для европейца языке он звучал бы следующим образом: правильный способ действий определяется интуитивным осознанием того, что в данной ситуации хочет сделать человек, знанием о том, как наиболее простым и безопасным способом осуществить то, что он хочет сделать, и автоматическим запретом на действия, которые могут повлечь за собой опасность для его жизни и благополучия, в случае, если запрет на такие действия не представляет большую опасность, чем сами действия.

– Но ведь это и так очевидно, сказал я, почувствовав легкое разочарование.

– Правильные вещи всегда очевидны, – пожал плечами Ли, – но беда человечества в том, что люди, устремляясь к заоблачным высям технического прогресса и творческой мысли, перестали видеть очевидное. Большинство людей согласилось бы с этим утверждением, но многих ты мог бы называть, кто на практике всегда бы ему следовал?

Во-первых, мало кто из обычных людей, обуреваемых жаждами и терзаемых неудовлетворенными, часто противоречивыми потребностями, способен отдавать себе отчет о том, что он действительно хочет сделать в данной ситуации, поскольку жажды мешают ему правильно ориентироваться в своих реальных нуждах.

Во-вторых, современный человек, напичканный бесполезными с практической точки зрения знаниями из гуманитарных и технических наук, не имеет представления о том, как правильно действовать в самых обычных житейских ситуациях, не говоря уже о ситуациях опасных для его жизни и

благополучия.

И в-третьих, подсознательные запреты на некоторые действия и способы реагирования столь сильны, что человек иногда предпочитает потерять жизнь, но не нарушить их. Воин жизни отличается от обычного человека тем, что всегда следует универсальному принципу, и правильность его действий определяется их целесообразностью, а не фантазиями о их целесообразности. Название этого принципа "Всадник на спине ветра наблюдает за серединой" расшифровывается следующим образом:

"Наблюдение за серединой – это контроль над устойчивостью неустойчивой ситуации, осуществляемый таким образом, чтобы она не могла нанести вред воину жизни.

"Езда на спине ветра" – это спонтанный интуитивный ответ на любое изменение ситуации.

Как любое название принципа в Шоу-Дао, это название сформулировано так, что может служить основой медитации осознания для внутренней переработки и принятия этого принципа на подсознательном уровне. Образное представление восприятия всадника, мгновенно реагирующего спонтанным действием на резкие и непредсказуемые переходы из одной неустойчивой ситуации в другую, создает основу для приведения в действие внутренней силы, которая и является механизмом, позволяющим всаднику, оседлавшему ветер, сохранять равновесие в неустойчивой бесконечности полета. Ты уже вполне осознал этот принцип в технике рукопашного боя, но еще далеко не всегда можешь применять его в повседневной жизни.

Животные следуют универсальному принципу, интуитивно выбирая правильный способ действия, но преимущество человека – знания, расширяющие его возможности выполнить желаемое. К сожалению, по мере совершенствования знаний, человек сделал свое поведение настолько сложным, что потерял способность интуитивного принятия правильных решений. Его действия утратили естественную целесообразность и начали работать против человека вместо саморазвития, способствуя его самоуничтожению.

Действия животных гораздо более примитивны и менее разнообразны, чем действия человека, потому что они основываются как на врожденных инстинктах, так и на подражании действиям родителей и наиболее приспособленных к выживанию особей своего вида.

Для нормального существования человека недостаточно действий, основанных на инстинктах и простом подражании. Он должен уметь принимать сознательные решения. К сожалению, действия, приносящие желаемый результат, далеко не всегда оказываются целесообразными с биологической точки зрения, и наоборот. Поэтому для человека одним из самых важных этапов обучения становится способность принимать «правильные» решения, а для этого необходимо определить, что такое «правильное» и «неправильное».

Представление о «правильном» и «неправильном» с точки зрения каждого человека является субъективной истиной. При таком огромном количестве субъективных истин вопрос об объективной истине становится весьма сомнительным, поскольку каждый носитель субъективной истины уверен, что именно его истина если и не является объективной, то по крайней мере находится к ней ближе, чем другие. Воины жизни сделали своим критерием объективности действий их соответствие естественным потребностям выживания как каждого отдельного члена клана, так и всего клана в целом.

В человеческом обществе «правильный» способ действия определяется сложной системой построений, основанных на фантазиях наиболее активных и авторитетных членов общества, которые меняются, дополняются и совершенствуются, передаваясь из поколения в поколение. К наборам «правильных» действий относятся этика – кодекс хороших манер и правильного поведения в социальных контактах, мировоззрение, как способ ориентации в жизненных ситуациях, и прочие традиционные взгляды и установки.

Авторитарные системы навязывают членам своего общества одну-единственную, считающуюся правильной, систему взглядов, носители другого мировоззрения считаются врагами и подлежат уничтожению или заключению в тюрьму. Демократические системы допускают большую широту взглядов, но неформально доминирующие установки социального поведения и положения в обществе так или иначе оказывают давление на людей, не придерживающихся общепринятой формы поведения. Естественно, что слова «авторитарный» и «демократический» я применяю в более широком смысле, чем привычные определения политических систем.

Система взглядов «Спокойных» с моей точки зрения является наиболее демократичной. Возможно, мне могли бы возразить, что, например, анархисты или хиппи вообще объявляют полную свободу от каких-либо ограничений, но на самом деле неформальный кодекс поведения анархистов или хиппи гораздо более жесткий, чем у последователей Шоу-Дао. При выполнении главного принципа выживания – "Всадник на спине ветра наблюдает за серединой" все остальное – религиозные

взгляды, социальная принадлежность, уровень знаний, внешний вид и стереотипы поведения перестают играть важную роль. Я мог бы пояснить тебе это на множестве примеров, но для начала возьмем самую близкую для тебя тему – рукопашный бой.

Первые несколько лет подготовки бойца посвящаются его физическому и психическому развитию, совершенствованию естественных двигательных навыков и отработке интуитивно-инстинктивных реакций на агрессивные или атакующие действия.

За этот период ученик освобождается от внутренних запретов на любые виды действий, осознает природу своих естественных инстинктивных реакций, и, накладывая на естественную природу движений и реакций знания о специфических техниках управления телом, создает базу правильных подсознательных ответов на возникающие в бою ситуации.

Только потом воины Шоу-Дао переходят непосредственно к технике поединка и начинают изучать комплексы приемов и технических действий, тактику и стратегию ведения боя. Но даже при конкретном изучении приемов принцип "Всадник на спине ветра наблюдает за серединой" определяет специфический подход «Спокойных» к этой задаче, в корне отличный от системы подготовки в других школах рукопашного боя.

Арсенал воина жизни насчитывает бесконечное количество приемов, и основанная на этом непредсказуемость его действий обеспечивает неоспоримое преимущество перед бойцами школ, стиль действий и набор приемов которых заранее известен и предсказуем.

Поскольку изучить в совершенстве даже несколько тысяч приемов, по очереди отрабатывая каждый из них, практически невозможно, «Спокойные» пошли другим путем. Они создали координационную сетку кругов. Осваивая движения по кругам, ученик, в частности с помощью медитаций, осознает сотни возможных технических элементов, которые можно выполнить в каждом круге, используя конечности или части их, голову или туловище.

Затем боец начинает изучать десятки комплексов движений, предназначенных для тех или иных целей. Каждый комплекс содержит сотни, а иногда тысячи технических действий, некоторые из которых ученик повторяет всего по пять-шесть раз, а если их выполнение на данном этапе превышает его физические возможности, то изучает их в медитациях "воспоминания о том, чего не было". За счет использования психофизических методов обучения, движения каждого комплекса закладываются в подсознание ученика таким образом, что иногда даже не помня какой-то конкретный прием, боец автоматически выполняет его в наиболее подходящей для его применения ситуации.

Таким образом в рукопашном бою «Спокойные» реализуют универсальный принцип Шоу-Дао, и воин осуществляет контроль над устойчивостью неустойчивой ситуации, автоматически отвечая на каждое ее изменение спонтанным интуитивным действием.

Можно сказать, что внутренняя сила, ведущая и направляющая последователя «Спокойных» до некоторой степени представляет собой интегрированный в его подсознание принцип "Всадник на спине ветра наблюдает за серединой".

– Здорово, – сказал я. – Когда ты объясняешь, все кажется таким простым и понятным. Но это просто и понятно лишь на интеллектуальном уровне. По правде говоря, мне кажется, что перевести все это на уровень подсознания-почти непосильная задача.

– У тебя впереди еще целая жизнь, – ободряюще подмигнув, сказал Учитель.

Глава 7

Когда я во второй или в третий раз приехал в совхоз «Жемчужный», чтобы посвятить местных любителей спорта в тонкости бокса, настольного тенниса и художественной гимнастики, физорг Анатолий с таинственным видом отвел меня в сторону и сказал, что пришло время обеспечить мне алиби, то есть показаться на глаза начальству и побывать на работе. В этот день по неизвестной мне причине все высокопоставленные лица совхоза и какое-то районное начальство собрались, чтобы понаблюдать за ходом сельскохозяйственных работ.

Мне предстояло явиться в бригаду, к которой я был приписан и изобразить бурную деятельность в качестве помощника бригадира. Утреннюю тренировку пришлось отменить, я отдал ключи от спортзала ребятам, которые хотели позаниматься самостоятельно. Один из учеников предложил меня подбросить на поле на стареньком мотороллере.

Мотороллер, подпрыгивая на ухабах, промчался по извилистым тропинкам, и, наконец, затормозил на асфальтированной дороге, разделяющей два поля. Картина, представшая передо мной, потрясла меня до глубины души. По силе эмоционального воздействия ее эффект можно было сравнить только с экстремальными ситуациями, намеренно создаваемыми Учителем для ломки стереотипов

моих представлений о мире.

Дорогу перегораживал трактор с бочкой жидких удобрений, содержимое которой только что было вылито на поле, скорее напоминавшее болото. Несколько женщин, кажется их было шесть, работали в поле. До середины бедер погрузившись в слой холодной весенней грязи, они высаживали рассаду капусты. Чтобы достать до земли, они сгибались так, что их лица почти касались темной взбаламученной жижи. Отворачивая голову в сторону, женщины погружали руку до плеча, втыкая в землю рассаду.

Стоя на сухой асфальтовой поверхности за этим каторжным трудом с одобрением наблюдала пара десятков добротного одетых мужчин. Я подошел к комсorghу совхоза, с которым меня успел познакомиться Анатолий, и потихоньку спросил, кто эти люди. Помимо шоферов и трактористов, брезгливо перепрыгивающих по настеленным доскам с прицепа на прицеп, чтобы, не дай Бог, не испачкаться, там находились бригадир, парторг, агроном отделения, агроном по химзащите, а также представители обкома и горкома со своими шоферами, директор совхоза и уже не упомяну кто еще. Мужчины ходили взад-вперед, придирчиво изучали рассаду и что-то обсуждали.

Я смотрел на шесть изможденных, выпачканных по шею в грязи существ, убивающих себя этой нечеловеческой работой, и меня поразил до абсурда нелепый контраст их согнутых фигур с мирно беседующими мужчинами, которые созерцали их труд с доброжелательным безразличием римских патрициев, посылающих рабов на съедение львам.

В тот момент рухнуло привитое с детства и до сих пор не подвергавшееся сомнению мое представление о справедливом устройстве социалистического общества и о радостях общественно-полезного труда.

Я успел вернуться к вечерней тренировке, а утром отправился в леса Партизанского водохранилища на встречу с Учителем.

Повседневные дела не смогли погасить тягостного впечатления от увиденного. Я уже не был наивным юношей и успел повидать много тяжелых, неприятных и достаточно грязных сторон жизни, но они казались мне лишь частными случаями. Я разочаровывался в людях, но не в системе. Теперь мои идеалы рухнули. Я осознал, что система может безжалостно и равнодушно уничтожать личности множества людей, а слова о благородстве, гуманности и справедливости – всего лишь красивая сказка для дураков. Боль разочарования не проходила. Я чувствовал себя подавленным и несчастным, как после смерти близкого человека.

Несмотря на мои отчаянные попытки казаться веселым и невозмутимым, Учитель с первого взгляда распознал во мне черную вселенскую грусть.

– Ты похож на ребенка, который, развернув конфеты, обнаружил тамдохлуюмышь, – прокомментировал он. – Что же ввергло тебя в столь мрачное состояние человека, познавшего горький вкус изнанки жизни?

Я попытался улыбнуться и пошутить в ответ, но улыбка вышла натянутой. Втайне стыдясь неспособности контролировать собственные чувства, я рассказал Ли об увиденном.

Некоторое время Учитель молчал, бросая на меня короткие взгляды, и я понимал, как его забавляет наблюдение за моей безнадежной борьбой с собственной печалью.

– Не нужно бороться, нужно осознавать, – наконец произнес он. – Бороться с собой – самое бессмысленное занятие, которое только можно придумать.

– Я просто пытаюсь контролировать свои эмоции, – стал оправдываться я.

– Борясь с собой ты не улучшишь своего настроения. Эмоции нужно использовать, истощать и перенаправлять. Когда ты чувствуешь, ты не осознаешь. Когда ты осознаешь, ты не чувствуешь. Просто перейди к осознанию. Тогда ты сможешь выбрать ту эмоцию, которая тебе нужна, без всякой внутренней борьбы.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Я расскажу тебе древнюю притчу "Спокойных", – сказал Ли. – Это притча о пяти лекарствах.

В давние времена в одном торговом городе жил чиновник. Однажды, когда он проходил по рыночной площади, к нему подошел какой-то оборванец, и, выкрикнув бранные слова, плюнул в лицо чиновнику и убежал.

Не вынес чиновник позора и заболел. Так бы и умер бедняга, но его друзья послали за лекарем, который славился своим умением исцелять душевные раны.

Лекарь дал больному пять лекарств и велел каждую ночь, просыпаясь в назначенный час, принимать одно из них.

Настала ночь. Принял чиновник первое лекарство, и приснилась ему рыночная

площадь и то, как оборванец плюнул ему в лицо. От нестерпимого унижения и позора страшно закричал больно и проснулся.

На следующую ночь принял он второе лекарство и снова увидел тот же самый сон, но вместо позора он ощутил леденящий душу страх.

Тот же сон приснился чиновнику и на третью ночь, но ни страха ни позора уже не было, а охватила его глубокая печаль.

Удивился чиновник, но решил следовать указаниям лекаря до конца, и на следующую ночь выпил четвертое лекарство. Конечно же, он снова увидел тот же самый сон, но этот сон уже не был таким мучительным, как в предыдущие ночи, и ощутил чиновник только чувство легкого удивления.

На пятую ночь, неожиданно для себя самого, чиновник испытал радость.

Не зная, что и думать, он поднялся с кровати и незамедлительно отправился к лекарю за советом и новыми лекарствами.

– Что ты почувствовал после приема моих снадобий? – спросил целитель.

– Все ночи мне снился один и тот же сон о том, как оборванец плюнул в меня, – ответил чиновник, – но каждую ночь этот сон вызывал у меня новое чувство: я испытывал то позор, то страх, то печаль, то удивление. А в последнюю ночь я ощутил радость и испытываю ее до сих пор. Теперь я растерян и не понимаю, что же я должен чувствовать на самом деле?

Услышав слова чиновника, засмеялся лекарь и сказал:

– Неважно, что с тобой произошло, если ты можешь относиться к случившемуся так, как считаешь нужным. Ведь только от твоего выбора зависит, будешь ли ты радоваться или огорчаться по любому поводу. Что же касается плевок в лицо, то мудрый человек просто не обратил бы на него внимания, тем более, что обидчик твой – сумасшедший, и его плевков не более оскорбителен для тебя, чем порыв ветра, запорошивший пылью твои глаза...

Небо было хмурым и пасмурным. Резкий пронизывающий ветер шелестел в кронах деревьев. Весенний день казался таким же унылым и печальным, как и мое настроение. И вдруг все вокруг преобразилось, заиграв новыми красками. Свинцовая рябь на поверхности водохранилища превратилась в восхитительную игру волн, света и тени. Наполняющая душу грусть исчезла, и на смену ей пришло переполнившее меня до краев ощущение счастья. Впервые я осознал возможность выбора своей судьбы. Мне стало ясно, что даже когда обстоятельства складываются не так, как бы мне хотелось, у меня все равно остается выбор. Я мог выбирать свою собственную реакцию на ситуацию, и становиться грустным или радостным, спокойным или злым, испуганным или агрессивным, и этот выбор мог быть осознанным, а не автоматическим.

Сами по себе события были нейтральны. Их делала плохими или хорошими, ужасающими или прекрасными лишь моя интерпретация этих событий. Но эту интерпретацию я мог выбирать из бесконечного числа возможных и даже иногда противоречащих друг другу вариантов.

Глядя на страдания других людей я мог чувствовать себя несчастным из-за жестокого и несправедливого устройства мира, но, с другой стороны, я мог радоваться тому, что чаша сия меня миновала, и что, благодаря своей силе и уму, я в подавляющем большинстве случаев могу избежать участи сделаться жертвой обстоятельств или чьей-то злой воли.

Я понял, что, следуя учению «Спокойных», мне будет гораздо легче выживать в обществе, избегая тяжелых и безжалостных жерновов социалистической системы, перемалывающих людские судьбы. Как бы ни сложилась в дальнейшем моя судьба, я не стану безропотным рабом государства, как те женщины на поле.

– Вот теперь ты в порядке, – усмехнулся Ли. – Осознание помогло тебе перейти от естественных для тебя чувств к мироощущению воинов жизни. От природы у тебя доброе сердце. Ты относишься к людям с любовью и уважением. Ты умеешь сочувствовать им. Это прекрасные качества, но они имеют и обратную сторону, таящую в себе опасность в первую очередь для тебя самого.

Жалость, боль или ярость, которые ты испытываешь при виде жестокости и несправедливости подтачивают твой организм, ослабляют и разрушают тебя. Люди реагируют по-разному на несправедливое, с их точки зрения, устройство общества. Одни из них пытаются изменить мир и становятся революционерами, принося с собой новую жестокость и несправедливость. Другие становятся монахами или отшельниками, уходя от мира с его жестокостью и несправедливостью и поощряя жестокость и несправедливость своей пассивностью. Между этими двумя полюсами есть много других ва-

риантов.

"Спокойные" выбирают срединный путь. Они живут в этом мире таким образом, чтобы зло и жестокость по мере возможности не затрагивали их, и, сохраняя в своей душе счастье и спокойствие, стараются не причинять вреда другим. В то же время они не стремятся изменить мир и искоренить жестокость и несправедливость, поскольку борьба с ними означала бы всего лишь бессмысленную войну, никогда не приходящую к концу. Жизнь срединного пути – нелегкое искусство, но оно стоит того, чтобы его изучить.

– Ты уже много раз говорил мне об этом, – сказал я. – Мне кажется, что я не забываю о твоих словах и стараюсь им следовать, но, к сожалению, это не всегда получается. Иногда у меня возникает странное состояние раздвоенности, когда мой ум подсказывает мне одно решение, близкое к тому, которое, по моему мнению, мог бы принять ты, сердце мне говорит совсем о другом, и, в то же время я понимаю, что правильный выбор может оказаться совсем иным, но каким – я не представляю.

– Так и должно быть, – ответил Ли. – Если бы ты мог следовать всем моим рекомендациям, ты был бы таким же, как я. Следуя моим советам ты пока только вполне искренне пытаешься подчиниться моему авторитету, но мой жизненный опыт или опыт «Спокойных» пока еще не стал твоим жизненным опытом, поэтому даже если ты стараешься действовать в соответствии с мировоззрением воинов жизни, твоя душа пока еще не принимает этот способ действия и осознания, отторгая его, как организм отторгает имплантированную ему чужеродную ткань.

Только со временем, когда на уровне своих самых глубоких эмоциональных откликов ты осознаешь, что выбранный тобой способ поведения и реагирования на ситуацию действительно приносит наибольшую пользу тебе и даже окружающим тебя людям, раздвоенность, сомнения и грусть оставят тебя.

Сейчас ты находишься в замешательстве, двойственным образом реагируя на возникающие ситуации. Иногда ты умеешь интерпретировать события так, как это делают воины жизни, но на эмоциональном уровне ты пока не избавился от своих прежних автоматических и стереотипных интерпретаций. Эта раздвоенность и есть состояние замешательства, характерное для переходного периода от одного состояния к другому, от европейского восприятия мира к мировоззрению «Спокойных». Тебя можно сравнить, хотя в природе такое и невозможно, с гусеницей, наполовину превратившейся в бабочку, а наполовину оставшейся гусеницей. Обычные гусеницы не знают, что они превратятся в бабочек, а бабочки не помнят, что когда-то они были гусеницами.

Представь себе, что гусеница и бабочка встретились, подружились и стали беседовать о жизни. Гусеница рассказывала бы, как прекрасно медленно и спокойно переползает с ветки на ветку, питаясь сочными зелеными листьями, а бабочка возражала бы ей, что все это глупости, и что единственное стоящее занятие в жизни – порхать с цветка на цветок, погружая свой хоботок в ароматный нектар и купаясь в цветочной пыльце. Конечно, так могли бы разговаривать лишь гусеница и бабочка с низким интеллектуальным уровнем. Если бы они обе закончили университет, то бабочка признала бы, что для гусеницы действительно больше подходит ползание по листьям, а гусеница понимала бы, что бабочкам больше пристало легкомысленно порхать среди цветов, но обе в глубине души жалели бы собеседницу за слишком примитивное и ограниченное восприятие мира.

Тебе, как гибриду гусеницы и бабочки, были бы чужды проявления как одной, так и другой стороны, и ты постоянно находился бы в замешательстве, не зная, какой образ мыслей и действий можно считать более верным.

Когда ты окончательно превратишься в бабочку с высшим образованием, то есть в воина жизни, ты перестанешь испытывать замешательство, и, находя множество интерпретаций для каждой ситуации, ты научишься мгновенно и безошибочно выбирать из них ту, которая наилучшим образом подходит к ней. В свете открывающихся перед тобой бесконечных возможностей интерпретирования, самые обычные вещи начнут доставлять тебе гораздо большее наслаждение, чем прежде, потому что ты будешь получать от них гораздо больший потенциал и заряд энергии, чем прежде, когда твой набор реакций был ограниченным и стереотипным.

– Скорее бы мне превратиться в бабочку с университетским образованием, – заметил я. – Я как-то не определял свое состояние словом «замешательство», но теперь я понимаю, что ты совершенно прав в оценке моего, ставшего почти хроническим состояния. Я недавно прочитал одну притчу, которая также привела меня в состояние полного замешательства.

Эта притча так красива, что мне жаль, что ее придумали не «Спокойные». Можно, я расскажу тебе ее?

– Конечно, – ответил Ли.

– Это даже не притча, а легенда о завещании царя Давида царю Соломону, – начал я.

– Когда пришло время умирать царю Давиду, призвал он к себе своего сына, будущего царя Соломона.

– Ты уже успел объездить много стран, встречался с разными людьми, – сказал Давид. – Какое у тебя сложилось мнение о мире?

– О мире у меня мнение скверное, – отвечал Соломон. – Везде, где бы я ни был, царят несправедливость, глупость, зло и несчастье. Я не знаю, почему так устроен мир, но хочу всю свою жизнь посвятить борьбе за справедливость, мудрость, добро и счастье.

– Но чтобы бороться за все это, нужно знать, что оно из себя представляет. Есть ли у тебя это знание?

– Такого знания у меня нет.

– Тогда слушай внимательно то, что я тебе расскажу. Давным-давно, когда мир был еще молодой, населял землю один-единственный народ, и управлял этим народом единый Правитель, и было у Правителя четверо сыновей – Наследников.

Когда Правитель понял, что умирает, он призвал к себе Наследников и завещал им нести людям справедливость, мудрость, добро и счастье. Так же, как и у тебя, у Наследников не было знания о том, что такое справедливость, что такое мудрость, что такое добро и что такое счастье.

– И тогда Правитель дал им это знание? – спросил Соломон.

– Да. Он велел Наследникам хорошо запомнить следующее:

Несправедливость возникает из-за того, что человек относится к миру со своими симпатиями и антипатиями, которые мешают смотреть на мир объективно и беспристрастно.

Чтобы стать справедливым, человек должен избавиться от их власти. А для этого он должен всегда поступать так, как если бы мир существовал, а человек не существовал. Человек справедлив только тогда, когда он смотрит на бытие мира из своего небытия. "Мир существует, а я не существую" – только этот принцип может быть основанием справедливых мыслей и действий.

Глупость возникает из-за того, что человек, зная лишь ничтожную часть сложного и многообразного мира, переносит это свое знание на то, что ему неизвестно.

Невозможно вычерпать безбрежное море неизвестного, поэтому мудрости не достичь, стремясь к расширению своих знаний. Расширяя знания, можно перейти лишь от большей глупости к меньшей. Мудр тот человек, который ищет истины не в мире, а в самом себе. "Существую я, а мир не существует" – это принцип, которому следует всякий мудрец.

Зло возникает из-за того, что человек противопоставляет себя миру, стремится достичь своих целей, вмешиваясь в естественный ход событий и подчиняя их своей воле. Чем больше человек стремится господствовать над миром, тем больше мир сопротивляется этому, и зло порождает зло,

Добр тот человек, который стремится не к господству, а к тому, чтобы действовать сообразно существующему в мире порядку. "Мир существует и я существую, но я стремлюсь не противопоставить себя миру, а раствориться в нем" – этот принцип является основой любых добрых поступков.

Несчастье возникает из-за того, что человеку чего-то не хватает, и, чем большего ему не хватает, тем более он несчастен. А так как человеку всегда чего-то не хватает, то, двигаясь по пути обладания, человек может лишь перейти от большего несчастья к меньшему. Счастлив тот человек, внутри которого весь мир, и поэтому ему не может чего-либо не хватать. "Мир существует и я существую, причем весь мир растворен во мне" – вот формула счастья.

Когда Правитель умер, Наследники, обнаружив, что формулы справедливости, мудрости, добра и счастья противоречат друг другу, решили поступить следующим образом. Они разделили народ на четыре равные части, и каждый наследник стал управлять своей частью и нести людям либо справедливость, либо мудрость, либо добро, либо счастье.

В результате возник Справедливый Народ, Мудрый Народ, Добрый Народ и Счастливый Народ.

Прошло время, Наследники умерли, и Народы перемешались. Справедливые люди знали только то, что такое справедливость, но не знали того, что такое мудрость, добро и

счастье. Поэтому справедливые люди несли в мир глупость, зло и несчастье, мудрые люди несли в мир несправедливость, зло и несчастье, добрые люди несли в мир несправедливость, глупость и несчастье, счастливые люди несли в мир несправедливость, глупость и зло.

Поэтому ты, Соломон, и обнаружил в мире царство несправедливости, глупости, зла и несчастья.

– Я все понял, – сказал Соломон. – Наследники Правителя сделали ошибку: надо было бы всех людей научить всему сразу – и справедливости, и мудрости, и добру и счастью. Я не повторю их ошибку и буду нести в мир все эти добродетели не по отдельности, а вместе.

– Но ты забываешь, Соломон, что мир необратимо изменился: нет уже ни единого народа, ни единого Правителя. Кроме того, несправедливость, глупость, зло и несчастье породили страх, и поэтому, даже победив эти пороки, ты не сможешь искоренить страх.

– Чтобы искоренить страх, я должен быть бесстрашен? Но что такое бесстрашие?

– Разные люди боятся разного, но все страхи сводятся к двум типам: в радости люди боятся смерти, а в печали боятся бессмертия. Поэтому бесстрашен тот, кто знает цену и радостям и печалям, а поэтому не боится ни смерти, ни бессмертия.

Давно жил царь Соломон, но люди помнят его. Его называли и справедливым, и мудрым, и добрым, и счастливым. Но он был таким потому, что поднялся над этими добродетелями, обретя более высокую: он был бесстрашен...

– Не удивительно, что эта притча очаровала тебя, – усмехнулся Учитель. – Как всякий европеец, склонный к заумным рассуждениям, ты, как от наркотиков, ловишь кайф от нетривиальных интеллектуальных построений, даже если они по сути ничего в себе не несут, а твое интеллектуальное и эмоциональное замешательство похоже на ощущения пьяницы после третьей рюмки – голова еще не болит, но уже приятно кружится.

– Тебе не понравилась притча? – слегка обиженно спросил я.

– Дело не в том, понравилась она мне или нет, а в том, что каждый из нас находит в ней. Это интересная притча, но для меня она представляет интерес совсем не в том плане, в каком она привлекает тебя.

– А что, по твоему мнению, меня в ней привлекает? – поинтересовался я.

– Это очевидно, – пожал плечами Ли. – С детства ты впитал в себя идеалы доброты и справедливости. Ты всегда мечтал быть мудрым, добрым, справедливым и счастливым, но на самом деле ты никогда не задумывался о том, что же такое доброта, справедливость, мудрость и счастье. Интуитивно ты имел о них представление, но четкой интеллектуальной концепции у тебя пока не было, и, более того, тебе никогда не приходило в голову, что доброта, справедливость, мудрость и счастье по своим определениям могут противоречить друг другу и даже производить впечатление несовместимых понятий.

Поскольку в глубине души ты продолжаешь считать себя умнее других, ты втайне надеешься, что на основе этой притчи тебе удастся изобрести рецепт того, как интегрировать в единое целое эти четыре абстрактных понятия, и с помощью этого гениального озарения облагодетельствовать человечество. Но поскольку адекватной интеллектуальной формулировки гармоничного слияния добра, справедливости, мудрости и счастья пока тебе придумать не удастся, ты пребываешь в состоянии приятного замешательства и эйфорического ощущения того, что на тебя вот-вот снизойдет великое озарение. Кроме того, очевидно, что ты мысленно отождествляешь себя с царем Соломоном и тебя неотвратимо притягивает слово «бесстрашие». Любой мальчишка, начинающий изучать боевые искусства мечтает быть бесстрашным и непобедимым. Но слово «бесстрашие» только звучит красиво. Я уже говорил тебе о том, что каждая медаль имеет две стороны. К сожалению, другая сторона бесстрашия – это невежество и глупость.

Я покраснел. Слова Учителя попали в самую точку. Хотя мне стыдно было в этом признаться, но в оценке моих скрытых мотивов он оказался совершенно прав.

Ли откровенно веселился, наблюдая за спектром эмоций, отражающихся на моем лице.

– Уверен, что ты обожаешь парадоксы, – безапелляционно заявил он. – Парадоксы имеют свойство вызывать у людей, чей ум находится на стадии развития чуть более высокой, чем у одноклеточных существ, состояние приятного эйфорического замешательства, когда им кажется, что они вот-вот проникнут в суть тайны, которая на самом деле окажется очень простой. Но время идет, этого не происходит, и в зависимости от характера человека, эйфория сменяется или ощущением того, что те-

бя обманули, или подсознательной потерей уверенности в собственных силах, или мудрым осознание того, что парадокс есть парадокс и он так и останется парадоксом на вечные времена.

– А как ты воспринимаешь эту притчу? – спросил я.

– Эта притча полезна тем, что она допускает множество толкований, и осознание каждого нового ее толкования может дать ученику расширение его мироосознания. Многие восприняли бы ее так же, как и ты, зачарованные расплывчатыми, но красивыми определениями мудрости, справедливости, добра и счастья. Возможно через некоторое время им удалось бы понять, что эти определения, такие привлекательные для ума, на самом деле неверны, то есть относятся к ложному знанию. С такой точки зрения притча теряет свое очарование и становится просто приятной, но бесполезной игрушкой.

Еще один вариант понимания притчи – считать, что определения, представленные в притче, более или менее отражают истину, но рекомендация, данная в конце Давидом Соломону, – быть бесстрашным, – нечто из уже совсем другой оперы. Вывод же притчи о том, что бесстрашие более высокая добродетель, чем мудрость, справедливость, доброта и счастье кажется просто абсурдным, но при первоначальном прочтении притчи этого обычно не замечают, теряя суть за фасадом красивых слов. Тот же эффект производят фокусники, когда серией заранее продуманных жестов и слов они отвлекают внимание зрителей от своих главных манипуляций. Если ты хорошенько подумаешь, то сам сможешь обнаружить в этой легенде огромное количество всевозможных смысловых пластов и интерпретаций.

Меня снова охватила легкая грусть. Мне захотелось видеть мир так же, как Ли, охватывая наибольшее количество граней и оттенков событий и явлений, а потом я понял бессмысленность этой грусти и рассмеялся.

– Знаешь, кажется я уже понемногу перестаю расстраиваться от собственной глупости, – весело сказал я.

Ли высоко поднял брови в жесте притворного изумления.

– Неужели? А я вот от нее просто-таки получаю удовольствие, – с широкой улыбкой произнес он.

Глава 8

Ночью прошел дождь. Влажный воздух был пропитан запахами земли и сырой травы. Я расстелил на земле старое одеяло и сел в полушпагат, движениями туловища напрягая и растягивая разные группы мышц. Одновременно я разминал и массировал болезненные зоны на туловище и на ногах. Трехчасовой сон не снял усталость после мучительной скоростной тренировки. Мысль о том, что следующие три часа мне предстояло провести на одеяле в статических позах не прибавляла мне бодрости.

Ли, свежий, как весенний ветерок, прохаживался под деревьями, заложив руки за спину и напевая какой-то монотонный восточный мотив. Иногда плавное течение песни прерывалось резким, близким к завыванию повышением тона, которое Учитель сопровождал выразительной мимикой, демонстрируя силу эмоционального накала и драматизм бездарного, но крайне честолобивого провинциального актера.

Я понимал, что он намеренно провоцирует меня спросить, о чем эта песня, и решил проявить непоколебимое спокойствие и безучастность даосского воина, погруженного в выполнение упражнения и не уделяющего внимания окружающему миру.

Учитель оценил мое упорство и удвоил усилия. Бесшумным шагом подкрадывающегося к врагу воина ночи он стал описывать круги вокруг моего одеяла. Его тело двигалось с фантастической плавностью и четкостью, в то время, как пение усиливалось и становилось еще более надрывным, а мимика лица с легкостью принесла бы ему победу на всемирном конкурсе гримас.

Контраст между движениями и лицом Учителя был так забавен, что я не выдержал и рассмеялся. Ли остановился и посмотрел на меня. В его взгляде я прочел приглашение задать вопрос.

– Учитель, что ты делаешь? – спросил я. Ли недоуменно поднял брови и пожевал губами прежде, чем ответить. Я смотрел на него, гадая, чего мне ждать – нагоняя за то, что заговорил без разрешения или ответа на вопрос.

– Я развиваю внутреннюю силу через волевые эманации, – наконец с загадочным видом произнес он.

– Как это?

– Все дело в песне. Это особая песня, – с нажимом сказал он.

– О чем она? – поинтересовался я. Последние десять минут я изо всех сил пытался догадаться, какому тексту могут соответствовать сцены, разыгрываемые Ли, и нестерпимо мучился от любопытства.

– А как ты думаешь? – спросил Учитель.

– Наверно, это что-то боевое, – предположил я. – Что-нибудь о смертельной схватке воина с отрядом врагов.

– Ты почти угадал, – усмехнулся Ли. – Эту песню поет дряхлая старушка, стоящая на пороге смерти. – Она рассказывает о том, как будучи прекрасной юной девственницей она посадила на своем крошечном огороде ароматные дыни, но когда они созрели и пришла пора собирать их, дыни исчезли. Незнакомец с душой черной, как ночь, похитил их. На следующий год девушка снова посадила дыни и их снова украли... Каждый год происходило то же самое. Так продолжалось десять лет.

Ли замолчал, приняв торжественный и скорбный вид.

– И это все? – спросил я, слегка разочарованный.

– Нет, это не все, – сказал Ли. – Однажды девушка увидела около своего дома прекрасного юношу. Она вышла за него замуж и больше не сажала дыни... Они прожили счастливо десять лет, а потом женщина снова посадила дыни на своем огороде, и их снова украли. Каждый год она упрямо сажала дыни, охраняя их день и ночь, но дыни продолжали пропадать...

– И чем это кончилось? – спросил я, искренне заинтересованный.

– Через десять лет женщина встала среди ночи и увидела, как муж срезает дыни на огороде. Она убила его.

– И это все?

– Нет, не все. Едва начинающие поспевать дыни исчезали каждый год. И теперь, когда смерть явилась к женщине, чтобы забрать ее, женщина просит смерть повременить, чтобы отыскать похитителя дынь и пронзить мечом его сердце. Волевые эманации ненависти так сильны, что смерть отступает. Она не может победить женщину, которая продолжает каждый год сажать дыни и ждать ненавистного вора...

– Ничего себе...

Я чувствовал себя несколько ошеломленным.

– Ты хочешь сказать, что эта женщина стала бессмертной? – скептически уточнил я.

– Выходит, так, – бесстрастно подтвердил Учитель.

– Тебе не кажется, что это уже перебор? – спросил я. – Я представлял себе путь к бессмертию несколько иным.

– Похоже, ты стал специалистом по бессмертию, – скривился Ли. – Женщина из песни не была воином жизни и не следовала по пути «Спокойных», но ее бессмертие базировалось на другой основе – на внутренней силе, силе, которая развилась через устойчивые волевые эманации.

– Ты говоришь так, как будто женщина на самом деле стала бессмертной. Такого просто не может быть. Это всего лишь песня.

– Если ты хочешь развить внутреннюю силу, то для тебя эта песня должна стать не вымыслом, а реальностью, – жестко сказал Ли. – Бессмертие – это реальность и волевые эманации – это тоже реальность. Я уже упоминал о них, но ты их воспринял только на уровне интеллектуальной идеи. Теперь я хочу, чтобы ты почувствовал их силу внутри себя.

Мне было трудно сразу настроиться на серьезный лад, потому что тема регулярного хищения дынь не находила эмоционального отклика в моей душе. Я пытался поставить себя на место обретшей бессмертие дамы, но был вынужден признать, что скорее перестал бы выращивать дыни или срывал бы их зелеными, чем стал убивать собственного мужа или бороться со смертью только ради того, чтобы покарать похитителя.

Видимо, подметив у меня отсутствие надлежащего настроения, Ли переменял тему.

– Ты любишь революционные песни? – спросил он. Я очень любил революционные песни. Моя мама, чья юность пришлась как раз на период прихода к власти большевиков, вступила в партию в 15 лет. Если говорить о волевых эманациях, то мама от природы была наделена ими с избытком, а ее преданность делу коммунизма вряд ли намного уступала одержимости бессмертной выращивательницы дынь. Отец был на 10 лет моложе мамы, но тоже был преданным членом партии, хотя и не таким фанатичным. Так что революционные песни звучали над моей колыбелью, я распевал их в лесу у костра вместе с отцом, а по праздникам мать проигрывала их на стареньком патефоне.

– Давай, споем хором какую-нибудь революционную песню, – предложил Ли.

Я хихикнул, представив, как будут звучать ее суровые и мрачные строки в восточном произношении Учителя.

– Давай, – согласился я. – А какую?

– Выбирай сам.

– Ты знаешь "Смело, товарищи, в ногу"?

– Конечно, знаю, – сказал Ли с таким видом, как будто он провел большую часть своей жизни в царских застенках среди соратников по партии.

– Смело, товарищи, в ногу, Духом окрепнем в борьбе... – запели мы. Учитель пел торжественно и серьезно. Удивительно, но его акцент не коверкал песню и не делал ее смешной.

– А теперь споем "Вихри враждебные веют над нами", – сказал он.

Я вошел во вкус и пел с чувством и с удовольствием.

– На бой кровавый, святой и правый, Марш, марш вперед, рабочий народ! – закончили мы. Я ощутил мягкую обволакивающую тишину леса и удивительное будничное спокойствие ненастного летнего дня, так контрастирующее с эмоциями, пробуждавшимися от пения.

– Что тебе нравится в этих песнях? – спросил Ли.

– Мне все нравится, – я пожал плечами. – И музыка, и слова.

– А теперь представь, что ты – белогвардеец и смертельно ненавидишь коммунистов, – сказал Учитель. – В таком случае тебе нравились бы эти песни?

– Наверно, нет.

– А почему?

– Потому что в этом случае они были бы чуждыми моему духу.

– Но ведь музыка и слова остались бы теми же самыми. Что же для тебя главное в революционных песнях?

– Наверно, их эмоциональный настрой. В них говорится о братстве, свободе и справедливости, об общечеловеческих ценностях, близких и понятных каждому нормальному человеку.

– Эти песни пробуждают волевые эманации, родственные твоему духу, – сказал Ли. – У каждого человека есть свои песни. Ты идеалист и ты склонен к абстрактному мышлению, поэтому идеи свободы, справедливости и братства так тебя привлекают. Но другому человеку, замкнутому в своем внутреннем мире, с конкретным мышлением, живущему по своим собственным законам справедливости, песня о женщине с дынями была бы гораздо ближе, чем революционные песни, и пробудила бы в нем соответствующие волевые эманации.

– Это понятно, – сказал я. – Естественно, что каждая песня определенным образом воздействует на человека, но ведь ты хочешь сказать мне о чем-то другом. Ты утверждаешь, что волевые эманации развивают внутреннюю силу, а песни пробуждают волевые эманации. Я согласен с этим, но я с детства очень много пел, и не заметил, чтобы это заметно повлияло на меня или на состояние моего духа.

– Это так, потому что ты не умеешь петь, – сказал Учитель.

– Конечно, я не умею петь... – начал я.

– Я не имею в виду голос, слух или профессионализм, – прервал меня Ли. – Уметь петь означает задействовать с максимальной силой волевые эманации, пробуждаемые песней.

Я смотрел на него, ожидая продолжения.

– Сейчас ты споешь те же самые песни один, без меня. не обращая внимания ни на мелодию, ни на текст, и сосредоточишься на тех ощущениях, которые вызовут у тебя песни, так, чтобы они заполнили и поглотили тебя целиком.

Я запел, но состояние усталости не позволяло мне полностью погрузиться в пение, хотя эмоциональный порыв, пробудившийся во мне был достаточно сильным. "Смело, товарищи, в ногу" создавало во мне состояние душевного подъема, чувство локтя и единения с друзьями-единомышленниками, дающее ощущение безопасности, силы и причастности в великому делу.

Совершенно иная, глухая, мощная, яростная эмоция поднималась изнутри от песни "Вихри враждебные веют над нами".

Ли заставил меня пропеть эти песни несколько раз и в конце концов укоризненно покачал головой.

– Посмотри на меня, – сказал он. – Сейчас я спою их по-настоящему, так, как должен петь воин, пробуждающий волевые эманации.

Ли запел "Вихри враждебные". На этот раз его голос звучал совершенно по-иному. Он стал гораздо более глубоким и сильным. Учитель смотрел мне прямо в глаза, и я поразился перемене, происшедшей с его лицом, а потом мое тело оцепенело. Не знаю, с чем сравнить мое состояние, наверно, оно было похоже на ощущения кролика под взглядом удава. Ли был воплощением яростной, бескомпромиссной, звериной ненависти, готовой смести и уничтожить все на своем пути. Эта ярость неуло-

вимым изменением ритма вибрировала в его голосе и бушевала в напряженном оскале его рта и ди-ком прищуре глаз.

На мгновение черты Учителя смазались, как будто глаза мои вышли из фокуса, а потом я увидел энергетические потоки, идущие из рук, глаз, груди и солнечного сплетения Ли, потоки, порожденные мыслеобразами, основанными на волевых эманациях песни.

Сначала эти потоки направились вниз, закружившись вокруг ног Учителя, а потом стали подниматься вверх, окутывая тело Ли серебристо-дымчатым смерчем. Смерч поднялся на несколько метров над землей и стал раскручиваться по расширяющейся спирали. А потом он нагнулся ко мне и окутал мое тело.

На смену оцепенению пришло ощущение безграничной ненависти и силы, заставившее вибрировать каждую клеточку моего организма. Перед моим взором промелькнули картины одетых в потертые телогрейки, кепки и кирзовые сапоги людей с красными флагами в руках, мчащихся неизвестно куда и захваченных единым порывом бить, крушить и уничтожать все, чуждое их мировоззрению. Эти люди пели. Я ощутил себя одним из них. Мне показалось, что мои руки сжимают древко красного флага, и я запел вместе со всеми.

Я не заметил перехода к нормальному состоянию. Я лежал на одеяле, и спокойная тишина леса по-прежнему окружала меня.

– Сколько раз тебе говорить, что ты не должен отвлекаться на разговоры. Почему ты прекратил выполнять основное упражнение?

Я механически принял позу для растяжки и начал массировать ногу.

– Ли, ты что, загипнотизировал меня? – спросил я.

– Я показал тебе, как нужно петь, чтобы пробудить волевые эманации. Ты просто ощутил на себе воздействие моих волевых импульсов. Внутренняя сила базируется на сексуальной энергии. Сексуальная энергия управляется с помощью устойчивых, направленных и сконцентрированных на нужной основе эмоций. Умение правильно петь служит катализатором для пробуждения необходимых эмоций, которые на энергетическом плане воплощаются в волевые импульсы.

Для управления эмоциями и создания волевых эманации совсем не обязательно петь. Ты уже освоил многие упражнения по эмоциональному управлению энергией, хотя лишь некоторые из этих упражнений направлены на создание волевых импульсов.

– Давай, еще раз споем, – попросил я. – Я хочу попробовать сам войти в такое состояние.

– На сегодня хватит, – сказал Ли. – Сильные эмоции истощают организм сильнее, чем физические нагрузки. Лучше походи и собери веток для костра.

Я начал разводить огонь, радуясь недолгой передышке. Хотя каждая минута, проведенная в обществе Учителя была для меня драгоценным даром судьбы, напряжение предельно насыщенных тренировок начало сказываться, и я, как жаждущий в пустыне, глотнувший, наконец, чистой, прохладной воды, наслаждался моментами, когда я мог расслабиться, занимаясь обычными хлопотами по хозяйству – разведением костра, приготовлением пищи, постройкой шалаша для ночлега.

– Волевые эманации имеют нечто общее с жаждой, – сказал Ли. – Можно определить волевою эманацию, как недолговременный всплеск сверхжажды, а жажду определить, как слегка ослабленную, но сверхустойчивую волевою эманацию. Волевая эманация – это жажда, выплескивающаяся под давлением в тысячи атмосфер.

Представь себе ветер, дующий равномерно и устойчиво над этой поляной в течение часа. А теперь предположи, что весь этот гигантский объем воздуха, прошедший за час над поляной, с помощью достижений современной техники или просто волшебства удалось сжать так, что он весь поместился в баллончике для газированной воды. Если затем в горлышке баллончика проделать крошечное отверстие, струя воздуха со страшной силой вырвется наружу, и ее разрушительная мощь будет гораздо большей, чем возможности ветра, которым раньше был заключенный в баллончике воздух.

Как и жажды, волевые эманации используются в подготовке воинов «Спокойных», хотя и не так широко, потому что мощные волевые эманации разрушительны для организма, и их можно использовать очень ограничено, хотя эффект, производимый ими, очень впечатляющ. С помощью волевых эманаций человек может совершать сверхусилия.

– Сверхусилия? – переспросил я. – Звучит очень красиво. Это значит, что используя волевые эманации, я смог бы поднять штангу в пятьсот килограммов?

– Вполне возможно, – отозвался Ли. – Все зависит от ситуации, в которой ты окажешься. Если твоя жизнь будет зависеть от того, поднимешь ли ты штангу в пятьсот килограммов или нет, то есть вероятность, что ты сделаешь это, используя волевые эманации отчаяния или страха.

Даже самые обычные люди время от времени в чрезвычайных обстоятельствах способны со-

вершать сверхусилия. Так, человек, убегая от волка, способен перепрыгнуть препятствие, которое не смог бы преодолеть чемпион мира по прыжкам в высоту. Известен случай, когда мать, пытаясь вытащить сына из-под придавившего его дерева, подняла вес, непосильный даже для профессионального штангиста. Состояния, в которых человек способен совершать сверхусилия, встречаются не так уж и редко.

Они возникают под действием сильных чувств – страха, ненависти, любви, ярости или страстного желания чего-либо. Порожденные эмоциями волевые эманации снимают психологический барьер представлений о пределах своих возможностей и погружают человека в специфическое состояние сознания, когда все резервы его психики активизируются, и, действуя спонтанно, человек совершает невозможное. Многие имеют опыт подобных состояний, пережитых ими в детстве или во взрослой жизни. Обычно люди забывают об этом, не задумываясь о том, что они пережили, и рассказывают о событиях, заставивших их совершить сверхусилие, как о ужасных, забавных или интересных случаях из своей жизни.

Для воина жизни воспоминания о подобных случайных событиях исключительно важны, потому что обращаясь к ним в медитациях воспоминаний, можно понять механизм входа в состояние сверхусилий и научиться сознательно использовать его при необходимости. Постарайся вспомнить какие-либо события из твоего детства, когда тебе приходилось выходить за пределы своих возможностей.

Я задумался. Мое детство было заполнено множеством впечатлений, связанных с сильными эмоциями, но никогда раньше я не задумывался о том, что мне действительно иногда удавалось под действием сильного стресса совершать такие вещи, которые в нормальном состоянии я вряд ли смог бы совершить.

Мне было восемь лет, когда мы с отцом отправились на охоту в крымские горы. Отец отвлекся, занявшись какими-то своими делами, а я, очарованный красивым пейзажем, открывающимся за крутым скалистым обрывом, подошел к его краю, поросшему густой травой. Я не боялся высоты, и мне нравилось стоять на краю отвесных скал, вглядываясь вниз. На этот раз любовь к созерцанию горных склонов оказала мне плохую услугу. Навес из дерна и травы изогнулся под моей тяжестью, и я с ужасом почувствовал, как ноги соскользнули в пропасть. Попытка удержаться за траву не принесла успеха, но каким-то чудом я ухитрился мертвой хваткой вцепиться в выпиравший из земли корень чахлого кустарника, и повис примерно в метре от края пропасти. Бросив взгляд вниз, где под отвесно уходившей вниз скалой гостеприимно поблескивали острые камни, я ощутил ни с чем не сравнимый ужас и заорал во всю мощь своих легких, призывая на помощь отца.

Отцу хватило беглого взгляда, чтобы оценить ситуацию, и он, крикнув «держишься», вытащил из рюкзака моток веревки и свой знаменитый крюк для ловли акул. Как каждого заядлого рыбака, отца терзала мечта поймать Главную Рыбу Своей Жизни размером с небольшого кита, и хотя Черное море не очень подходило для этой цели, отец не удержался и, уже не помню где, приобрел рыболовный крючок небывалых размеров. Крючок ему так понравился, что он носил его с собой на охоту, поскольку на рыбалке он вряд ли бы пригодился.

Отец привязал к веревке акулий крюк и зацепил меня им за куртку, повторяя, как заклинание, "держишься, сынок, держись". Отрезав излишек веревки, он закрепил ее конец вокруг того самого чахлого куста, за корень которого я держался. Теперь я понимаю, что это он сделал не столько для моей безопасности, сколько для душевного спокойствия. Хотя было ясно, что отпусти я руки, долго на крючке бы я не продержался, веревка, соединяющая меня с кустом, придавала мне уверенности. Я не мог ни говорить, ни смотреть вокруг, ни думать. Все мое внимание сосредоточилось на корне и вцепившихся в него руках, которые я уже не чувствовал. Под моей тяжестью корень постепенно вылезал из земли, вытягивая за собой несколько более тонких отростков. Затаив дыхание, я наблюдал, как они постепенно натягиваются, а потом они лопались с оглушительным звуком, от которого у меня внутри все судорожно сжималось.

Оценив мою решимость держаться до конца, отец схватил топор и убежал. Он вернулся с несколькими крепкими длинными колышками и вбил их обухом топора глубоко в землю на некотором расстоянии от края обрыва. Сняв ремень с ружья, он соединил его с веревкой, сделав большую петлю, которую ухитрился надеть мне на ноги, а потом протя-

нуть вверх до подмышек. Конец веревки он привязал к одному из колышков, а затем накинул еще две веревочные петли мне на ноги и тоже закрепил их наверху.

– Отпускай корень, – скомандовал он. Я попытался разжать руки, но не смог. Они онемели и ничего не чувствовали.

– Не бойся, отпускай, я тебя вытащу, – уговаривал меня отец, но это было бесполезно. Корень и я стали одним целым, и никакая сила не могла заставить меня расстаться с ним.

Отец, используя весь оставшийся запас веревки, опутал меня ею, осторожно подтягивая вверх и подвязывая к колышкам так, что я принял положение вниз головой, продолжая отчаянно цепляться руками за свою спасительную соломинку. Убедившись, что я надежно закреплен, отец взял топор, и, добравшись до основания корня, перерубил его, а потом за веревки вытянул меня наверх.

Домой я возвращался, держа перед собой обрубок корня. Только дома с помощью массажа, намыливания рук и отмачивания их в воде, корень удалось вынуть. Сама операция по спасению заняла около получаса, а провисеть полчаса на вытянутых руках в нормальном состоянии оказалось бы непосильной для меня задачей. Только сейчас я понял, что то, что я сделал тогда, действительно было сверхусилием.

Учитель из кучки заготовленных впрок дров вынул обломок толстой ветки и протянул его мне.

– Сожми его в руках, – сказал он. – Возьмись за него так, как ты держался за корень. Я сделал то, что он просил.

– А теперь снова вспомни, как ты висел над пропастью, особенно то ощущение в руках, которое не позволяло тебе разжать их.

Выполнить это было нетрудно. Рассказывая эту историю Ли, я снова пережил события далекого детства так ярко, что мое тело еще было наполнено расслабленным ощущением тревожного покоя после пережитой смертельной опасности, когда страх уже прошел, но его послевкусие осталось, примешиваясь к опустошающей усталости, пришедшей на смену мучительному физическому напряжению.

Я вновь ощутил ужас от открывшейся внизу пропасти, над которой я покачивался, уцепившись за корень. Все мое внимание сосредоточилось на руках. Они сжимались все крепче и крепче. Кисти рук начинали неметь, затвердевая, как камень, и постепенно теряя чувствительность. Наконец я вообще перестал их чувствовать. Теперь меня мучила боль в плечах, растягивающихся и выворачивающихся под моим весом. Голос отца, что-то мне говоривший, отвлек меня и от этой боли, и вскоре я забыл о ней, уже ничего не ощущая, а лишь наблюдая, как корень медленно вылезает из земли, и как с шумом лопаются соединяющие его с обрывом отростки.

Вдруг корень рванулся из моих рук, и я, следуя за его движением, описал дугу и с размаху шлепнулся на землю. Ли, вцепившись в конец ветки, которую я сжимал в руках, размашисто водил ею из стороны в сторону, а я мотался вместе с ней, как консервная банка, привязанная к собачьему хвосту. Я изо всех сил пытался разжать руки, но не мог. Я не чувствовал их!

Глядя на мои отчаянные усилия, Ли расхохотался и отпустил ветку. По инерции я проехался на животе еще немного, а потом сел, удивляясь самому себе и снова попытался разжать пальцы. Мне это не удалось.

– Ты все делаешь неправильно, – продолжая веселиться на мой счет, заявил Учитель. – Чтобы разжать руки, ты должен вспомнить то ощущение, которое появилось в них, когда тебе в детстве удалось это сделать. Сверхусилия создаются на основе мыслеобразов, порожденных волевыми эманациями, поэтому управлять ими можно именно с помощью мыслеобразов. Как ты можешь разжать руки, если ты не чувствуешь их? Чтобы удержаться над пропастью, ты подсознательно создал образ каменных, неподвижных и не чувствующих ни боли, ни усталости, пальцев. Этот мыслеобраз, подкрепленный волевыми эманациями, порожденными страхом смерти, реализовался, и твои руки превратились в бесчувственный камень. Чтобы разжать руки, ты должен с помощью другого мыслеобраза вернуть им чувствительность. Вспомни, как к ним возвращалась жизнь.

Я вспомнил пальцы отца, массирующие мои кисти в тазике с горячей водой. По рукам начали пробегать мурашки, как бывает, когда они затекут. Чувствительность вернулась сначала на кожу тыльной поверхности ладони. Постепенно она распространялась вглубь вместе с теплом, передающимся от воды. Так же, как в детстве, по моим кистям пробежали мурашки. Медленно и неуклюже пальцы разжались, выпустив ветку. – Помассируй руки, – сказал Ли, – Сейчас в них, как и после аутодвижений, из-за воздействия мыслеобразов нарушена циркуляция энергии. Восстанови ее растира-

нием и мыслеобразом воспоминания о твоём привычном ощущении рук. Закончив массаж, я снова уселся у костра.

– Видишь, как важны подобные воспоминания, – прокомментировал Учитель. – Не так просто научиться выполнять подобный трюк. Если ты проделаешь то же самое еще несколько раз, то мыслеобраз окаменевших рук будет реализоваться у тебя мгновенно, и так же мгновенно с помощью другого мыслеобраза ты сможешь возвращать рукам чувствительность. А теперь постарайся припомнить еще какую-нибудь подобную историю.

– Я расскажу тебе, как прыгал с поезда, – улыбнулся я.

В тот жаркий летний день мне было всего четыре года. Поскольку моя сестра жила в Москве, и у нее не было возможности приобщиться к щедрым дарам Крымской земли, мать регулярно со знакомыми проводницами передавала для нее посылки, наполненные ароматными ягодами и фруктами. Я повсюду сопровождал маму, и, конечно, с восторгом отправился с ней на вокзал, ведь большие поезда нравились мне даже больше, чем игрушечные машинки.

Поезд только что прибыл из Москвы, и должен был отправиться в депо, прежде чем поехать обратно. Мы зашли в вагон, проводница отдала нам посылку от Лены и взяла ту, что приготовила ей мама. Мама и проводница мирно беседовали, и в этот момент поезд тронулся. Видимо, в маме погибал талант прирожденного каскадера, и она отреагировала, не задумавшись ни на секунду. Выбросив в дверной проем полученную из Москвы посылку, она выскочила вслед за ней и, кувыркнувшись по перрону, встала на ноги. Только тут она сообразила, что в стремительно набирающем ход поезде остался ее любимый сын. Мама рванулась вдогонку за вагоном, отчаянно крича:

– Шурик, уезжай, я тебя найду!

Я тоже действовал автоматически. Перспектива остаться одному в отправляющемся в неизвестность вагоне меня совсем не прельщала, и я понял, что надо прыгать. Расстояние до проносящегося мимо перрона показалось мне огромным, но я знал, что если мама прыгнула и перекувырнулась, я смогу сделать то же самое. Уверенность в правильности принятого решения уничтожило страх. Я ничего не чувствовал, целиком настроившись на прыжок. Тело показалось мне легким и невесомым, когда, оттолкнувшись изо всех сил от подножки, я прыгнул вперед. Инстинктивно я сгруппировался, и несколько раз перекувырнувшись, сел, с удивлением оглядываясь по сторонам. Мама налетела на меня, как взбурдаженная наседка, с оханьем и стоном пытаясь отыскать у меня опасные для жизни повреждения, но, к счастью, мы оба отделались легкими царапинами.

– Воспоминание мыслеобраза, заставившего тебя без страха и сомнений спрыгнуть с поезда, и умение мгновенно воссоздавать его поможет тебе в совершенствовании прыжков с высоты и с движущихся объектов, – сказал Ли. – Тело любого человека инстинктивно умеет прыгать, но страх, неуверенность или сомнения, таящиеся в сознании, мешают телу действовать. Опыт, подобный твоему, может значительно облегчить обучение воина некоторым психофизическим навыкам. Похоже, твоё детство не было скучным. Раз уж мы начали эту тему, вспомни еще что-нибудь, связанное с мыслеобразами, порожденными волевыми эманациями.

Следующие две истории тоже произошли со мной в возрасте четырех-пяти лет, и обе они демонстрировали мой нарождающийся интерес к боевым искусствам.

Кипучая натура мамы не позволяла ей понапрасну тратить время, гуляя в парке с ребенком, и она, совмещая приятное с полезным, по собственной инициативе вносила свой вклад в общественную жизнь города, поливая из шланга газоны. Не знаю, как ей удалось уговорить обслуживающий персонал парка, но как только она появлялась, ей вручали шланг, включали воду, и мама включалась в трудовой процесс, не забывая время от времени поглядывать в мою сторону, проверяя, все ли в порядке.

В этот день я явился в парк с большим игрушечным грузовиком и увлеченно принялся возить его взад-вперед у фонтана, в центре которого выкрашенный в зеленую краску мальчик сжимал в руках столь же зеленую рыбу. Мой грузовик привлек внимание двух празднично шатающихся мальчишек лет тринадцати-пятнадцати. Они попросились поиграть со мной, и мама, убедившись, что сын при деле, отправилась поливать газон.

Некоторое время мы мирно играли, но мальчишкам это быстро надоело, и они при-

нялись толкать друг друга, выясняя, кто сильнее. Разморенные жарким солнцем, они поленились перейти от словесного выяснения отношений к бодрящей драке и, лениво присев на край фонтана, заключили перемирие и обратили свое внимание на меня.

– Ну ты, сопля, карлик, чего крутишься здесь? – презрительно процедил сквозь зубы тот, что постарше.

– Вали отсюда, недомерок. Мы не играем со слабаками, – поддержал его другой.

Я обиделся. Только что они забавлялись с моим грузовиком, а теперь незаслуженно оскорбляют меня, утверждая, что я слабак. С этим я никак не мог согласиться. Меня окатила волна холодной ярости, и я приготовился к бою. Как и перед прыжком с поезда, меня оставили страх и сомнения, и, благоразумно выбрав парня поменьше ростом, но все равно казавшегося гигантом по сравнению со мной, я ринулся в атаку. Пулей подлетев к обидчику, я изо всех сил толкнул его руками в грудь. Результат превзошел все мои ожидания. Взлетев над бортиком фонтана, мальчишка упал в воду. Видимо, измененное состояние сознания, в которое я вошел, чем-то слегка напоминало состояние "серебрянного тумана". Мое восприятие времени замедлилось. Я наблюдал, как он медленно и плавно переворачивался в воздухе, как медленно вошел в воду, раздвигая ее своим телом, как фонтаны брызг завораживающе медленно поднимались с двух сторон.

Яростный вопль парня отвлек меня от созерцания столь отрадного зрелища. Я понял, что пора смываться. Отбросив в сторону шланг, ко мне уже летела привлеченная криком мама. Загородив меня своим телом, она обрушила на мальчишек такой шквал праведного возмущения по поводу хулиганов, издевающихся над маленьким невинным ангелом, что те, позабыв о жаре, помчались прочь со скоростью курьерского поезда.

Моя следующая победа оказалось еще более значительной, хотя могла доставить мне неприятности гораздо большие, чем драка со старшими мальчишками.

Мама и приехавшая в гости сестра пошли за мясом к дяде Жоре, знакомому мяснику, и я, как всегда, отправился вместе с ними. Магазин, где работал дядя Жора, стоял у въезда во двор, перегороженного деревянным шлагбаумом. Водители грузовиков, которым было гораздо удобнее заезжать во двор, чем разгружаться снаружи, регулярно сбивали шлагбаум. Жители двора его восстанавливали, и этот процесс циклически повторялся в полном соответствии с учением инь-ян. В тот день, когда мама, сестра и я явились навестить дядю Жору, шлагбаум пребывал в состоянии "переходной противоположности", то есть был сломан, и его торчащий обломанный край сыграл решающую роль во всей истории.

По случаю обеденного перерыва мясник и грузчики магазина удобно расположились на улице недалеко от останков шлагбаума. Оставив меня под присмотром дяди Жоры, мать и сестра решили заскочить на минутку к знакомой, которая жила над магазином.

Дядя Жора был большим и сильным, и пользовался значительным авторитетом в среде магазинных грузчиков и, тем более, продавщиц. Поэтому игра, которую мы затеяли с ним, мне очень нравилась. Мы мерились силой. Я изо всех сил толкал дядю Жору, а он, сопротивляясь для вида, слегка отступал назад. Я был уже достаточно умен, чтобы понять, что он мне поддается, а победа, добытая таким путем, не могла доставить мне морального удовлетворения. Поэтому, снова ощутив в себе пробуждающиеся инстинкты не знающего поражений бойца, я выработал хитрую стратегию, которая должна была принести мне чистую победу. Деловито посапывая, я продолжал толкать мясника, искусно направляя его на то, что осталось от шлагбаума. Когда ноги дяди Жоры уже почти коснулись его, я, собрав все свои силы, толкнул его, что было мочи.

Споткнувшись о шлагбаум, дядя Жора перелетел через него и приземлился с жутким грохотом, сопровождаемым его собственным воплем и диким хохотом грузчиков. Оглушенный падением, мясник, видимо, не сразу смог сообразить, что я всего лишь ребенок, и в нем пробудились инстинкты далеких воинственных предков. Не соображая, что он делает, дядя Жора вскочил и с яростным воплем бросился на меня.

На мое счастье, в этот момент во дворе появились мать и сестра. Лена успела закрыть меня своим телом, и удары мясника пришлись на нее. Тут подросли мать и грузчики, мясника оттащили, но у Лены еще долгое время оставались синяки. Хотя реакция мясника меня здорово напугала, в глубине души я почему-то гордился собой.

– Ты был рожден с душой воина, – сказал Ли. – Твоя удача в том, что тебе удалось не только сохранить, но и укрепить свою душу. Детская интуиция с годами притупилась, но зато она нашла опору в сознательном использовании твоих возможностей. Вспоминая детское спонтанное интуитивное проявление волевых эманации с сопровождающими их мыслеобразами, ты приблизишься к осознанию своей внутренней силы и научишься взаимодействовать с ней. В нужные моменты ты сумеешь отказаться от управления сознания и полагаться только на интуитивное начало.

К теме волевых эманаций Учитель возвращался еще много раз, используя для их пробуждения самые разные упражнения, в том числе с использованием криков, боли, внутренних переживаний и всевозможных эмоциональных привязок.

Одним из излюбленных способов создания эманаций для Учителя оказалось чтение стихов. Однажды он заставил меня прочесть несколько моих любимых стихотворений, давая им яркую эмоциональную окраску, так, чтобы каждое слово и каждая фраза отражали характерную именно для них смысловую нагрузку.

– Ты должен читать так, чтобы человек, не знающий русского языка, почувствовал, о чем идет речь, – объяснил Учитель. – Настоящий актер не только умеет читать красиво и с выражением, но ему удастся создать соответствующие мыслеобразы произносимого текста. Великие актеры способны передать эти мыслеобразы залу, так, что каждый зритель помимо своей воли начинает ощущать то же самое, что и актер, захваченный порожденными им мыслеобразами.

Одним из моих любимых стихотворений для создания волевых эманаций было стихотворение «Ермак» неизвестного мне автора. Оно представляло весьма торжественную версию похорон Ермака в сочетании с историей терзаний его так и не нашедшей успокоения души. В своих мыслеобразах я старался передать мрачную атмосферу утеса, где находилась могила героя, и яростную тоску его загробного голоса.

Другим стихотворением, чтение которого пробуждало у меня еще более мощные волевые эманации, было стихотворение Гумилева «Камень», мистический настрой которого увлекал меня романтикой ужаса и бессилия человеческого существа перед лицом неведомых, безжалостных и губительных сверхъестественных сил.

*Гляди, как злобно смотрит камень.
В нем щели странно глубоки.
Сквозь них мерцает хищный пламень.
Не думай, то не светляки.*

*Давно угрюмые друиды,
Сибиллы древних королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призывали из морей.*

*Он вышел черный, вышел страшный,
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.*

*Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова ринется вперед.*

*Не каждому дано увидеть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.*

*Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз,
Он промолчит и будет с виду
Недвижим, как простой утес.*

*Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть.
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.*

*И ты застонешь в изумленье,
Завидя блеск его огней,
Заслышав шум его паденья
И жалкий треск своих костей.*

*Твоею кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он покинет дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.*

*Через поля, леса и нивы
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли дружные приливы
С него запекущую кровь.*

Я читал стихотворение, представляя себя то камнем, то человеком, которого этот камень убивает, то сторонним наблюдателем.

В состоянии камня волевые эманации, пробуждаемые у меня чтением стихотворения со временем стали формировать четкий и живой образ камня. Я действительно превращался в него. Мое тело становилось черным и мрачным обломком скалы, испещренным глубокими щелями, сквозь которые в темноте сияли зловещие огни, красные и дикие, как глаза хищного зверя. Холодный и кровавый внутренний пламень, который пылал внутри меня, был порождением темных дьявольских сил, неполнивших его сознанием беспощадного и неотвратимого, как сама судьба, убийцы. Я уничтожал любого, кто когда-либо прикасался ко мне или кого мне велел уничтожить звучащий откуда-то из моих глубин голос. Я мог летать, подчиняясь силе собственной мысли и, обрушиваясь на врага, чувствовать, как его тело прогибается под моим весом, как хрустят его сминаемые кости и как ручейки теплой крови ласкают меня, стекая по трещинам.

Однажды я настолько погрузился в созданный мной мыслеобраз, что в ответ на прикосновение Учителя к моему плечу, вскочил, словно подброшенный пружиной, влекомый неистовым импульсивным желанием обрушиться на него и уничтожить.

– Молодец, – похвалил меня Ли, плотно прижав к земле фиксирующим руку захватом. – Если ты используешь подобный мыслеобраз в реальном бою, ты сможешь сделать то, что станет для твоих противников худшим воспоминанием их жизни.

– Что например? – спросил я.

– Есть один классический трюк, – усмехнулся Учитель. – В критической ситуации он отлично срабатывает.

– Какой трюк? – заинтересовался я.

– Если на тебя нападает целая банда и возникает реальная угроза твоей жизни, отбеги так, чтобы около тебя оказался лишь один, а затем резким движением пробей проход в его грудную клетку, засунь туда руку и вырви сердце. Я покажу тебе технику вырывания сердца, и ты убедишься, что это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Если ты со смехом, гримасами и криками неконтролируемого психопата сожрешь, причмокивая, это сердце на глазах у остальных, можешь быть уверен, больше тебя никто не тронет. Безумие внушает людям инстинктивный страх, особенно безумие силы и смерти. Но чтобы его разыграть, ты действительно на какой-то момент должен стать безумным. Существует много подобных методов воздействия на толпу.

– То, что я сейчас почувствовал, когда бросился на тебя, было действительно почти за гранью безумия, – сказал я. – По правде говоря, то, что происходит со мной в медитациях, иногда пугает меня. Мне кажется, что я становлюсь сумасшедшим.

– Конечно, ты становишься сумасшедшим, – спокойно сказал Ли. – Все, что выходит за рамки обычного человеческого сознания и поведения, уже может считаться сумасшествием. Но именно сумасшествие дает силу и возможности, выходящие за пределы обычного человека. Преимущество

«Спокойных» в том, что они давно поняли это и научились становиться на короткое время сумасшедшими с тем, чтобы потом вернуться к своему нормальному состоянию спокойствия, радости и душевной гармонии.

Это умение вызвано необходимостью, и случается, что оно обеспечивает выживание члена клана. Но управляемое сумасшествие не приносит вреда. Считай это просто частью воинского искусства. В трактовке стихотворения, когда ты становишься камнем, ты приобретаешь способность создавать волевые эманации и мыслеобразы убийцы-психопата. Возможно, это умение тебе никогда не пригодится, а может быть, когда-нибудь оно спасет тебе жизнь. В любом случае создаваемый тобой мыслеобраз – это не ты. Ты всегда можешь отделить его от себя, в то время как сумасшедший не способен отделить себя от своих навязчивых представлений.

Вообразая себя жертвой камня, я переживал собственную смерть, проходя через волевые эманации, порождаемые страхом неотвратимой гибели и ужасом перед мистическим воплощением зла и разрушения, носителем которого являлся летающий камень.

Ли говорил, что страх является одним из лучших способов высвобождения и перераспределения сексуальной энергии, и мыслеобраз собственной смерти вводил меня в очень глубокое измененное состояние сознания, в котором я достигал необычайного уровня расширения сознания, осознавая и переживая всю свою прожитую жизнь и одновременно погружаясь в интенсивное экстатическое ощущение последнего момента своего существования.

Ли заставлял меня применять отработанные специальными упражнениями волевые эманации не только в боевых ситуациях, но и в обыденной жизни. Один из таких случаев использования волевых эманации мне почему-то особенно запомнился, возможно, в силу произведенного эффекта.

К нам в Симферополь приехала погостить моя сестра, и, как всегда в курортный сезон, возникла проблема обратного билета до Москвы. Поскольку идея самой стоять в очереди не могла бы прийти в голову сестре даже в припадке безумия, а меня подобная перспектива тоже не прельщала, я позвонил своим друзьям из КГБ, и они мне предложили подойти без очереди в конкретную билетную кассу, и, назвав свою фамилию, попросить билет.

Пространство перед кассами было заполнено потным, озлобленным народом. Слабый, но непрерывный ручеек ветеранов войны с красными удостоверениями, покупающих билеты вне очереди, довел людей, не имеющих подобных льгот, до белого каления. Добровольцы с чересчур обостренным чувством справедливости блокировали окошечки и грудью стояли на пути ветеранов, объясняя, что в этой кассе только что покупали билеты другие льготники, так что народное терпение истощилось, и пусть они отправляются куда подальше, а точнее к соседней кассе. Естественно, что защитники другой кассы настаивали на том, что их очередь еще больше пострадала от ветеранов, и некоторое время они никого сюда не пустят.

В самый разгар кипения страстей появился я, и без всякой красной книжечки отправился к названному мне окошку. На миг растерявшаяся от такой несказанной наглости очередь закричала в один голос, демонстрируя изобилием и разнообразием эпитетов всю мощь, красоту и богатство русского языка. Со всех сторон ко мне потянулись руки. Меня толкали, хватали за одежду.

Думаю, что зрелище бурлящей толпы возмущенного народа ассоциативно вызвало из моего подсознания волевые эманации ненависти и злобы, которые Ли пробуждал во мне песней "Вихри враждебные веют над нами". Волна обжигающей энергии прокатилась по моему телу и ударила в голову, исказив черты лица.

Продолжая стоять лицом к окошку, я слегка приподнял голову и очень громко, низким, наполненным скрытым бешенством голосом сказал только одно слово:

– Ну...

Зал затих, и, даже, как мне показалось, затаил дыхание. Ко мне больше никто не прикасался. В гробовом молчании я купил билет, а когда я отвернулся от окошечка, люди расступились, образовав широкий коридор. Тишину зала нарушал лишь звук моих шагов, пока я медленно шел к выходу.

Я ехал домой, обуреваемый самыми разными чувствами. С одной стороны, мне было немного неловко от того, что я напугал людей, к которым испытывал самую искреннюю симпатию, с пониманием относясь к их проблемам, но, с другой стороны, я впервые получил столь яркое практическое подтверждение воздействия волевых эманации на людей.

Ли уже объяснял мне теорию управления толпой, и я выполнял ряд упражнений по этой теме, но впервые я взаимодействовал с таким большим количеством народа и сумел добиться своего с помощью одного только слова. Это было фантастично. Я снова возблагодарил судьбу за то, что она свела меня с Учителем и подарила мне такое невероятное количество неожиданных открытий и приключений.

Глава 9

Я проснулся от тревожащего ощущения вибрирующих толчков в левой руке. От кучи дубленок, на которой я спал, исходил приятный сладковатый запах овчины. Из маленького грязноватого окошка мне на лицо падал слабый рассеянный свет предрассветных сумерек.

Мое тело еще не проснулось, а сознание находилось в полудремотном состоянии, на грани между бодрствованием и сном. Сквозь слегка приоткрытые веки я видел полусогнутую левую руку, находящуюся прямо перед лицом. Мощные вибрации пульса отдавались в кисти, заставляя подрагивать пальцы. Как замороженный, я некоторое время созерцал их монотонное подергивание в такт с ударами сердца.

Сосредоточившись на пульсе пальцев, я мысленным усилием провел его вдоль руки к голове и пробудил пульсы в остальных конечностях, распространяя вибрацию по всему телу. Удары множества крошечных молоточков начали прорабатывать кожу, активизировав ее ощущением приятного покалывания.

Я совместил пульсацию с поверхностным дыханием ци. Казалось, у меня нет легких, и воздух, наполненный тонкой ласкающей меня изнутри энергией медленно входит и выходит через кожу, заменившую легкие, вызывая эйфорическое состояние парения и невесомости.

Я направил волну пульса в более глубокие слои, прорабатывая мышцы и кости. Тело ожило, наполнившись силой и жаждой действия. От нижней части живота я направил вверх мощный поток оргазмических ощущений. Волна энергии разбилась о шестой и седьмой шейные позвонки, и разделилась на несколько потоков, образовавших замкнутые восьмерки, проходящие через руки и ноги, через середину груди и голову и через область дань-тяня.

Ноги начали вибрировать. Щекочущее ощущение холода сменялось ласковыми волнами тепла. Коктейль необычайно приятных и неожиданных ощущений заполнял мое тело бурлящими изменчивыми потоками. Легкие будоражающие вибрации прокатились от ступней до макушки. Я не стал усиливать их, а вместо этого пустил вглубь, оживляя внутренние органы, нервы, кости и мышцы.

Наконец, тело полностью пробудилось. Насытив его энергией, вибрации потихоньку начали затухать, и я понял, что пора приступить к медитации, выполнить задание, которое перед сном мне дал Учитель.

Я осторожно поднялся, стараясь не разбудить мирно спящих Ли и Славика, и, взяв в охапку три дубленки, вышел на улицу.

Поддержки для туловища я приготовил заранее. Каждая из них состояла из двух длинных крепких слегка изогнутых палок, вверху и внизу связанных веревками. Верхние концы находились ближе друг к другу, чем нижние, и были дополнительно скреплены вафельными полотенцами и лейкопластырем, которые Славик достал в медсанчасти.

Я поставил нижние концы поддержек в загодя выкопанные ямки, а к верхним концам подвязал веревки, пропущенные через рукава двух полушубков. Теперь моей задачей было устроиться в подвешенном состоянии на этих веревках. В рукава одной из дубленок я набил тряпки и старые газеты. Она поддерживала мою голову и туловище. Под спину, чтобы веревки не натирали, я тоже подложил охапку газет. Повисшие полы я обернул вокруг груди и подвязал веревкой.

В рукава второй дубленки я вставил ноги, а полы ее закрепил вокруг нижней части туловища. Третья укрыла меня сверху с головой, оставив только маленькое отверстие для носа и глаз в изогнутой окружности воротника.

Лес замер в предрассветной тишине. Воздух был сыр и прохладен. Дубленки согрели меня, и тело расслабилось, удобно обвиснув на веревках. Несмотря на непривычное положение, я чувствовал себя уютно и спокойно. Сквозь темный тоннель шерстинок воротника на меня смотрел белесый неровный круг полной луны. Влага от дыхания сконденсировалась на шерстинках, и преломляющиеся в ее каплях лучи света, создали яркий сверкающий ореол вокруг ночного светила. Бледный свет луны становился все ярче, начиная меня слепить. Я слегка прищурил глаза, и сквозь частокोल влажных ресниц увидел, как она разделилась на множество крошечных лун, сливающихся между собой и вновь разъединяющихся.

Целью медитации, которую я должен был выполнить, было познать луну как женщину, слиться с ней и прочувствовать ее суть через оргазмические ощущения прекрасного. Мысленно повторив для себя задание Учителя, я на мгновение перенесся в прошлое, вспоминая тот день, когда я впервые услышал выражение "оргазмические ощущения".

Несколько месяцев назад Ли сказал мне:

– Завтра у тебя особенный день. Ты встретишься с одним из моих учеников, который со временем станет твоим напарником. Он откроет тебе многие из тайн управления энергией. Он будет передавать тебе знания, которые может передать только он один.

Во время нашей первой встречи я не видел своего нового партнера и даже не слышал его голос. Следуя указаниям Учителя, я стоял совершенно голый с закрытыми глазами посреди лесной поляны. Я ощущал всем своим существом волнующие и несказанно приятные энергетические токи незнакомого мне существа и знал с абсолютной уверенностью, что рядом со мной находится прекрасная обнаженная женщина.

Лин, юная кореянка, стала моей наставницей в искусстве управления сексуальной энергией, а со временем и возлюбленной. Следуя традициям «Спокойных», Лин почти не разговаривала со мной во время тренировок, давая только самые необходимые указания.

Мы лежали на матрасе, постеленном на полу небольшой комнаты, в которой мы обычно встречались, отдыхая после упражнения "змеи на дереве" – специфическом обмене энергией между мужчиной и женщиной, при котором отыскиваются зоны тела с нарушенным энергетическим балансом, и при прикосновении к ним энергия, исходящая от партнера воспринимается как огненные змейки, пробегающие по коже и проникающие внутрь тканей.

– Лин, ты, конечно, будешь смеяться надо мной, но мне бы хотелось спросить тебя кое о чем, – сказал я. Кореянка засмеялась.

– Я давно ждала этого, – сказала она. – Меня удивляет, что ты так долго терпел, прежде чем задать этот вопрос.

– Так ты знаешь, о чем я хочу спросить? – удивился я.

– Если бы ты мог видеть выражение своего лица, то понял бы, как легко угадать твои намерения.

– Я хотел спросить тебя, не выйдешь ли ты за меня замуж, – изобразив на лице суровую решимость, заявил я.

– Замуж я за тебя не выйду, – потягиваясь с ленивой грацией сытой пантеры, ответила кореянка. – И спросить ты хотел совсем о другом. Чтобы безупречно врать, нужно контролировать реакцию зрачков. Ты этого пока не умеешь.

– Так о чем же я, по-твоему, хотел спросить?

– Ты хотел задать свой коронный вопрос, от которого Учитель просто встает на уши. Ты хотел узнать теоретическое обоснование того, чем мы с тобой занимаемся, чтобы с маниакальным упорством изложить это в своем очередном дневнике.

Я обнял Лин и с нежностью поцеловал ее оливковое ушко.

– Это чтобы ты не вставала на уши, – объяснил я. – Учитель говорит, что я по гроб жизни останусь европейцем. Ничего не могу с собой поделать, теоретическое обоснование – это моя слабость. Подумай сама, я готовлюсь стать Хранителем Знания. А вдруг меня парализует, и я не смогу легкими прикосновениями руки приводить в экстаз прелестных учениц. Единственное, что мне останется – это сидеть в кресле, уподобясь патриарху, и излагать почтительно окружившим меня ученикам теорию управления сексуальной энергией. Или ты, дитя загадочного Востока, способна только действовать, но не объяснять свои действия?

– Всего несколько фраз, а сколько подтекста! – воздала мне должное Лин. – Ты попробовал разжалобить меня, ты мне польстил, а вдобавок попытался спровоцировать на «слабо». Ладно, если тебе так хочется, поговорим о теории, хотя на самом деле тут не о чем говорить. Учитель рассказал тебе обо всем. Осталось только систематизировать свой опыт.

Ты знаешь, что все эзотерические учения в той или иной форме имеют дело с сексуальной энергией. Работа с сексуальной энергией – одна из самых эффективных психотехник, так как она основывается на осознании и использовании основных и самых мощных инстинктов человека, заложенных в него самой природой. Смысл этих инстинктов – получать наслаждение от всего, что связано с удовлетворением естественных потребностей организма и способствует выживанию отдельных особей и всего вида в целом.

Это и сексуальные отношения, способствующие воспроизведению рода, и агрессивность самцов, борющихся за лидерство, и стадный инстинкт, потребность в ласке, общении и социальной защищенности, и процесс поглощения пищи и дефекации.

Просто взглянув на проявления мощи сексуальной энергии в природе, можно понять, насколько важным для воина является способность контролировать ее и управлять ею. Когда самцы бьются за самку, они входят в состояние, в котором почти не чувствуют боли от ран, не замечают льющейся крови, не испытывают страха. Всплеск сексуальной энергии производит обезболивающий эффект.

Это связано с выделением в такие моменты эндорфинов – гормонов, обезболивающая сила которых во много раз превосходит воздействие морфина. В природе это обусловлено тем, что в момент полового акта самка не должна чувствовать боли от дефлорации, что могло бы препятствовать совершению полового акта. Сексуальная энергия оказывает влияние на все процессы, происходящие в организме, в том числе и на интеллектуальную деятельность.

Известно, что у женщин умственная деятельность обостряется под действием гормона окситоцина, освобождающегося во время занятий сексом. Воздействие этого гормона, вырабатываемого в мозге, может увеличиваться не только при телесной любви, но и при сексуальной фантазии. Подобный эффект проявляется и во время созревания яйцеклетки, родов и кормления грудью. Под действием окситоцина обостряется восприятие жизни, женщина чувствует, что она парит в воздухе, ее переполняет эйфория и ощущение силы.

Творческое озарение художника, религиозный экстаз, героизм и самопожертвование является результатом стихийного движения сексуальной энергии. Тот, кто умеет этой энергией управлять, получает ключ к тому, что обычно люди считают чудом или проявлением гения или божественной воли.

Все эмоции и чувства – от наслаждения, радости и счастья до отвращения, страха и ненависти имеют сексуальную природу и питаются сексуальной энергией. Половые извращения и многие психические нарушения основаны на смещении процесса получения наслаждения естественными потребностями нормальным путем к чрезмерной фиксации на отрицательно окрашенных эмоциях и чувствах, тем не менее доставляющих наслаждение: боли, страхе, насилии, агрессии или отвращении.

Современный человек в силу специфических условий развития цивилизации почти потерял нормальную и естественную для животных способность наслаждаться сексом, и из потребности столь же естественной, как потребность в пище, воде и дыхании, сделал из секса некую обособленную вещь, обросшую легендами, запретами и предрассудками. С одной стороны, религии объявили естественное сексуальное влечение лиц противоположного пола грязным и греховным, а, с другой стороны, сексуальная революция и средства массовой информации создают стереотипы "потрясающего секса" с традиционными чертами героев-любовников, испытывающих множество оргазмов и обладающих неисчерпаемыми сексуальными возможностями.

И первое и второе ведет к очень неблагоприятным последствиям, так как человек зачастую попадает сразу в две ловушки: с одной стороны, это угрызения совести, моральные и эмоциональные конфликты, а с другой стороны – комплекс неполноценности, возникающий в случае, если твой секс не похож на то, что ты видел в фильмах как образец "настоящего секса".

На востоке секс был одним из наиболее эффективных способов продления жизни и лечения многих заболеваний, особенно нервного и психического происхождения.

На западе секс превратился в источник комплексов и неврозов.

Лин перевернулась на живот и, заложив руки за голову, изогнулась дугой, так, что ступни ее ног коснулись макушки. Я с удивлением смотрел на нее.

– Что с тобой? – усмехнулась корейка. – Ты привык к тому, что Учитель, потакая твоим интеллектуальным пристрастиям, рассуждает на всевозможные темы, но ты не ожидал того же от меня. Похоже, что в глубине души ты считаешь, что дело женщины, особенно восточной женщины – это постель и кухня.

– Нет, что ты, – попытался оправдаться я. – Я совсем так не думаю. Просто раньше ты разговаривала со мной совсем иначе.

– Пока глухой не умеет читать по губам, с ним говорят на языке жестов, – отрезала Лин. – Когда ты научишься читать по губам, мне не нужно будет тратить столько усилий, чтобы привести в соответствие твое осознание и восприятие. К тому же не забывай, что работа с сексуальной энергией обостряет интеллект женщины, – улыбнулась она.

– В таком случае все проститутки были бы нобелевскими лауреатами, – заметил я.

– Не путай управление сексуальной энергией с беспорядочным неконтролируемым сексом. У даосов есть пословица: "женщина лишает силы самца и дарует силу мужчине". То же самое верно и в отношении женщин. В даосском понимании проститутка – это самка, потому что ее секс, да и вообще, секс в традиционном европейском понимании – это, согласно даосским взглядам, "удовольствие с потерей энергии", в то время, как упражнения с сексуальной энергией, которым я обучаю тебя – это "удовольствие с приобретением энергии". При этом даосские способы любви дают наслаждение и оргазм гораздо большей длительности и интенсивности с одновременным эффектом восстановления мышц и внутренних органов, с омоложением и оздоровлением организма.

– Это понятно, – сказал я. – Учитель уже рассказывал мне об этом. Я хотел спросить тебя о другом. Теория работы с сексуальной энергией настолько сложна и громоздка, что действительно нет смысла сейчас говорить об этом, нужно просто тренироваться. Мне бы хотелось, чтобы ты объяснила самым простым языком, что ты делаешь со мной, как тебе удастся вызывать у меня такие мощные энергетические потоки, такие невообразимо приятные экстатические ощущения?

Лин засмеялась.

– В этом-то и заключается секрет "Спокойных", – сказала она. – На самом деле я ничего не делаю, то есть почти ничего. Кое-что, конечно, я делаю. Я просто расслабляюсь и позволяю своей энергии взаимодействовать с твоей.

– И это все? – не поверил я.

– Почти все. Можно попробовать перебраться через неприступную стену. Это потребует напряжения всех твоих сил, и не каждому такое удастся. А можно просто отыскать дверь в стене и спокойно в нее войти. Для многих работа с сексуальной энергией – это преодоление неприступной стены. Большинство восточных учений предписывают полное половое воздержание для того, чтобы укротить, накопить и привести в движение свою сексуальную энергию. Бодхидхарме понадобилось для этого девять лет медитации, которые он провел, неподвижно созерцая каменную стену. Последователи подобных направлений затрачивают годы на изнурительные медитации и упражнения по подъему сексуальной энергии. Воины Шоу-Дао пошли по другому пути. Они нашли дверь в неприступной стене и входят в нее почти без усилий.

Самый трудный этап работы с сексуальной энергией для человека, придерживающегося полового воздержания и избегающего контактов с противоположным полом – достичь необходимой глубины измененного состояния сознания и контроля над ним, накопить сексуальную энергию и с помощью медитативных техник начать этой энергией управлять.

В то же время, когда сексуально привлекательные мужчина и женщина, находящиеся в спокойном расслабленном состоянии, приходят в физический или визуальный контакт, их сексуальная энергия пробуждается и приходит в движение сама по себе, и по мере ее пробуждения они погружаются в измененное состояние сознания. Все, что остается сделать, – это управлять потоками сексуальной энергии с помощью относительно несложных и не требующих больших усилий для своего выполнения медитаций, физических контактов и мыслеобразов.

Помнишь, как во время нашей первой встречи на поляне, когда ты не видел, не слышал меня и даже не знал, кто я, ты ощутил меня через круг ворот, и наши энергии начали взаимодействовать, вызывая у тебя мощную физическую и энергетическую реакцию? Без контакта со мной или без предыдущего опыта подобного контакта тебе потребовалось бы затратить несколько месяцев, чтобы добиться столь сильного подъема энергии.

Теперь поговорим о действиях, вызывающих перемещение и перераспределение сексуальной энергии по телу, но сначала надо научиться распознавать проявления сексуальной энергии.

Рука Лин с нежностью прикоснулась к моей щеке, скользнула вдоль шеи, груди и живота к половым органам, затем переместилась на ягодицы, и ее палец мягко скользнул в анальное отверстие. По моему копчику и пояснице пробежал сладостный холодок. Мышцы ягодиц судорожно сжались. Меня слегка передернуло. Несмотря на то, что прикосновения возлюбленной доставляли мне наслаждение, я все еще чувствовал смущение при некоторых не совсем привычных для меня сексуальных жестах. Кореянка тихонько засмеялась и провела языком по моему животу, игриво пощекотав губами пупок. Смущение исчезло. Целая гамма восхитительных ощущений пробудилось во мне от этих интимных прикосновений.

Лин резко отстранилась, отбросив назад густую копну иссиня-черных волос.

– Видишь, какими разными могут быть проявления сексуальной энергии, – сказала она. – Ее первые проявления связаны у ребенка с процессом дефекации. Ощущения, идущие от анального отверстия, могут быть даже сильнее ощущений от возбуждения половых органов. Любые естественные отправления организма сопровождаются своеобразным ощущением наслаждения – так природа побуждает живые существа к продолжению жизнедеятельности. При мочеиспускании проявления сексуальной энергии менее выражены.

Цивилизованные люди так заняты своими проблемами, что они разучились замечать глубинные инстинктивные реакции своего тела. Они настолько потеряли чувствительность, что около 80 % европейских женщин никогда в жизни не испытывали оргазма, а большинство мужчин, хотя и способны совершать половой акт, так и умирают, не узнав, что такое истинная мужская чувственность.

Сексуальная энергия проявляется в оргазмических ощущениях. Оргазмические ощущения – это любые ощущения холода, тепла, покалывания, щекотки, потока, вибрации, мышечных сокращений и

т. д., связанные с прохождением сексуальной энергии по тем или иным поверхностям или объемам тела.оргазмические ощущения могут возникать в самых разных обстоятельствах, не обязательно связанных с контактами с представителями противоположного пола.

Вызванное внезапным испугом ощущение холода, пробегающего по спине – оргазмическое ощущение. Оргазмическими ощущениями является головокружение от радости победы, специфическое чувство, возникающее во рту, когда ты пробуешь очень вкусное блюдо или наслаждаешься букетом дорогого вина, замирание сердца от восторга при виде прекрасного пейзажа или произведения искусства и множество других ощущений, которые переживает каждый человек.

Оргазм – это измененное состояние сознания, связанное с бурным перераспределением сексуальной энергией вследствие накопления оргазмических ощущений.

При традиционном сексе оргазм бывает кратковременным и сопровождается выбросом спермы у мужчины и сокращениями интимных мышц у женщины. Сексуальная энергия концентрируется в основном в половых органах и расходуется впустую, что при слишком частых половых контактах приводит к физическому и нервному истощению.

"Спокойные" не могут позволить себе быть столь расточительными. Сексуальную энергию, возбужденную от физического контакта, они распределяют по всему телу, так, чтобы в первую очередь она направлялась в ослабленные или болезненные зоны организма, излечивая и укрепляя их.

Любое место, через которое проходит достаточно мощный поток сексуальной энергии испытывает целую гамму мощных оргазмических ощущений подобных тому, которые ощущаются в половых органах при возбуждении и оргазме. Концентрация на оргазмических ощущениях, распределенных по всему телу, погружает исполнителя в затяжной оргазм – глубокое измененное состояние сознания, называемое в даосизме "долинным оргазмом". Вместо того, чтобы растратиться в одном мощном выбросе, как при традиционном половом контакте, сексуальная энергия расходуется на восстановление и укрепление организма. Человек постепенно выходит из "долинного оргазма". Выброса спермы не происходит, и все гормоны и ценные питательные вещества, находящиеся в сперме, остаются в организме мужчины.

По мере развития чувствительности и навыка концентрации на оргазмических ощущениях, чувственность человека развивается до ее крайних пределов. Развитие чувственности имеет и свою обратную сторону. При отсутствии жесткого контроля над ней она может стать оружием, обратившимся против занимающегося. Неконтролируемая переразвитая чувственность действует подобно наркотикам. Вначале она дает ощущение блаженства и силы, а затем начинает разрушать нервную систему и превращает человека в безвольного неуправляемого психопата. Поэтому «Спокойные» развивают чувственность постепенно, следя за тем, чтобы нервная система ученика укреплялась до такой степени, чтобы без ущерба для организма выдерживать напор неконтролируемых потоков сексуальной энергии.

– Почему ты никогда раньше не говорила мне об этом? – спросил я.

– Я говорила об этом много раз, просто другими словами. Учитель сказал бы, что за деревьями ты не видел леса. Каждое упражнение, которое мы выполняли с тобой – это дерево. Все предостережения и указания, которые Ли или я давали тебе – это описания деревьев. Ты был слишком ленив, чтобы превратить все в систему и увидеть лес.

– Скажи, а обучение работе с сексуальной энергией всегда проводят так, как ты делаешь это со мной? – спросил я.

Кореянка посмотрела на меня с выражением недоумения и с очаровательной брезгливостью сморщила нос.

– Ты что, решил сегодня поставить рекорд по глупым вопросам? – поинтересовалась она.

– Нет, просто меня всегда сводили с ума женщины-интеллектуалки, если они по редкому стечению обстоятельств бывали еще и красивы. Впервые я имею возможность не только наслаждаться созерцанием твоего прекрасного тела и восприятием твоего божественного искусства любви, но и оценить глубину твоего интеллекта и талант даосского оратора.

– Насчет даосского оратора – это ты хорошо сказал, – оценила Лин. – Никогда в жизни не слышала такого забавного словосочетания.

– Конечно, я понимаю, что обучение Шоу-Дао всегда индивидуально, и что меня готовят не так, как обычных учеников клана, – сказал я, – Я не совсем верно сформулировал вопрос. Меня интересует, с чего надо начинать обучение новичка работе с сексуальной энергией, и каковы общие для всех ключевые моменты подготовки?

– Похоже, тебе не терпится опробовать себя в качестве наставника даосского секса? – съязвила моя подруга.

– Прямо в точку, – засмеялся я. – Мне не терпится набрать гарем из юных волооких красоток и постепенно пробуждать в них чувственность, одновременно укрепляя нервную систему.

– Ладно, я расскажу тебе, как это делать, – неожиданно легко согласилась кореянка. – Действительно, первые этапы обучения мы с тобой не проходили, потому что после занятий с Учителем ты уже в достаточной степени умел управлять энергией и освоил многие техники очень близкие к технике работы с сексуальной энергией. Твое тело и восприятие были вполне подготовлены, и единственное, что оставалось мне – это на практике показывать тебе возможности энергетического взаимодействия мужчины и женщины.

Работа с сексуальной энергией включает в себя несколько комплексов упражнений. Первый комплекс – это развитие естественной чувственности и увеличение способности восприятия и продуцирования оргазмических ощущений. Самые простые упражнения для этого относятся к начальному комплексу "спящей собаки" – шоу-даосского символа сексуальной энергии. Эти упражнения во многом перекликаются с упражнениями "вкуса жизни" – получением удовольствия от касания.

На первом этапе упражнения выполняются парами, лучше всего – мужчина с женщиной, или женщина с женщиной, но ни в коем случае не мужчина с мужчиной. Женщина олицетворяет энергию инь, которую символизирует вода, а мужчина – энергию ян, символ которой – огонь. Мужчина и женщина, как противоположные начала, гармонизируют и уравнивают друг друга.

Контакт двух женщин можно сравнить со слиянием двух стаканов воды – в результате их энергия увеличивается.

Напротив, контакт двух мужчин подобен поджиганию листа бумаги с двух сторон. Лист обратится в пепел, и огонь умрет.

– Значит, лесбиянство не приносит никакого вреда, а гомосексуализм – опасен? – удивился я. – Я всегда считал, что это контакты примерно одного плана.

– Секс между мужчиной и женщиной, лесбиянство и гомосексуализм в их традиционном понимании всегда одного плана, – сказала Лин, – потому, что они относятся к удовольствию с потерей энергии. Для даосского секса половая принадлежность партнеров играет большую роль.

Первые парные упражнения – это расслабление в сочетании с легким физическим контактом и концентрацией на оргазмических ощущениях, возникающих в процессе этого контакта. К ним относятся "плавание рыб" – поглаживание руками рук или частей тела партнера, "игра крабов" – схватывание или обминание рук или частей тела партнера, "смыкание вершин" – взаимное потирание и смыкание голов партнеров, "срастание корней" – взаимное касание, потирание, обжимание и переплетение ног, и так далее.

Косвенным образом в работе с сексуальной энергией используются все комплексы упражнений по управлению энергией – упражнения с пульсами, аутодвижения, упражнения по накоплению энергии, управление эмоциями, поскольку эмоции – это один из наиболее простых и быстрых способов возбуждения и управления сексуальной энергией.

Укрепление нервной системы и внутренних органов осуществляется за счет постепенного наращивания остроты оргазмических ощущений и резкой смены эмоций и чувств от крайнего эмоционального накала до абсолютного спокойствия.

При одиночной работе с сексуальной энергией для ее высвобождения и для создания мощного потока оргазмических ощущений используется упражнение трех нижних источников. Ты уже не раз выполнял его. Три источника – это анальное отверстие, половой член у мужчин или клитор у женщин и предстательная железа у мужчин или вход в матку у женщин. Последовательно напрягая на выдохе и расслабляя на вдохе мышцы в области каждого нижнего источника, «Спокойные» вызывают поток оргазмических ощущений и направляют его вверх, омывая тело и мозг. сочетая это упражнение с другими даосскими техниками, в частности с медитацией воспоминания о парных сексуальных тренировках.

Резкий пронзительный крик неизвестной птицы оторвал меня от воспоминаний. Мне показалось, что небо чуть-чуть посветлело. Немного изменив позу, я снова сосредоточился на созерцании луны в ореоле влажных ресниц и шерстинок, одновременно выполняя упражнение трех нижних источников. Лунный диск завораживал, увеличиваясь в размере и надвигаясь на меня. Плавные нарастающие волны оргазмических ощущений, поднимающиеся от поясицы и нижней части живота, распространились по всему телу. Я выполнил другое упражнение, дополняющее оргазмические ощущения трех нижних источников потоками энергии, стекающими от головы вниз и омывающими внутренние органы и мышцы. Луна раздвоилась. Ее круглый диск по-прежнему оставался на небе, а его прозрачный двойник стремительно надвигался на меня, увеличиваясь в размерах, пока не накрыл мое тело. Луна прошла сквозь меня, и мощный долинный оргазм, начинающийся от головы, охватил

меня целиком.

Зоны головы вибрировали в разном ритме, раскрываясь и пропуская через себя энергию, как разноцветные светящиеся цветки лотоса. Казалось, что голову сдавливает шлем, что пальцы неизвестных существ стискивают и мнут мое тело, растаскивая его на куски. Эти прикосновения были исключительно приятными, на грани боли и наслаждения. Теплые волны душем омывали и массажили тело изнутри, проникая до кончиков пальцев. Пальцы вцепились в шерсть бараньих тулупов, переминая ее. Тепло опускалось в руки по боковым сторонам тела, оно излучалось от тазобедренных суставов, распространяясь вверх и вниз, смешиваясь со встречными потоками, идущими от головы. Эти встречные волны открыли вторую и третью линии дань-тяней, расположенных симметрично относительно центральной линии.

Вступили в работу каналы, уходящие вниз от сосков. Я чувствовал вибрации всех энергетических центров и то, как эти центры, стремительно разрастаясь, плотно смыкаются друг с другом. Я разделился на два независимых существа – левое и правое.

Левое существо было более нервным, оно требовало к себе повышенного внимания, прислушивалось к движениям сердца, отдавалось болью в натруженных мышцах плеч, и в то же время синхронизировало свои энергетические потоки с вибрациями правого существа, более мощного, спокойного и сильного.

Хотя мудрость считалась принадлежностью левого существа, или, как называют его «Спокойные», левой госпожи, она не могла существовать без поддержки силы и воли, свойственных правой госпоже.

Разделение тела на правое и левое существа производится обычно на первых этапах обучения. Впоследствии, по мере развития чувствительности и укрепления организма, я научился выделять в себе восемь независимых существ или направлений.

Я обвис на веревках, потеряв счет времени, полностью погрузившись в медитацию. Через три часа, точно следуя распорядку, я автоматически погрузился в сон.

Когда я проснулся, рядом со мной, распространяя соблазнительные запахи, уже кипела похлебка. На раскаленных камнях второго костра заваривался травяной чай. Тело было бодрым и отдохнувшим. Я улыбнулся в предвкушении новых событий и волшебных ощущений, которые подарит мне наступающий день.

Глава 10

По моему мнению, Ли испытывал определенную слабость к кострам. Он уже успел продемонстрировать мне несколько десятков различных типов костров, предназначенных для всевозможных целей. Я научился разводить костры на снегу и на болоте, я знал, какой костер требует много дров, а какой горит экономно, какой годится для приготовления пищи, а какой будет обогревать нас всю ночь.

Для нашей отшельнической жизни в лесу Учитель предпочитал использовать костры в лунках. На стоянках мы выкапывали несколько неглубоких ям и выкладывали их дно камнями. Для лучшей вентиляции рядом мы выкапывали другую узкую ямку, которую соединяли с основной каналом для доступа воздуха. Лунки мы располагали под нависшей скалой или под густой кроной дерева. Такие костры не требовали большого количества дров, и на них было очень удобно готовить пищу и кипятить воду.

В холодную погоду после прогорания дров лунку можно было прикрыть кольями, засыпать сверху тонким слоем земли и застелить ветками для сохранения тепла. Так получалась удобная теплая постель, сохраняющая тепло всю ночь. Кроме того, положенные на раскаленные камни мясо, корни или клубни съедобных растений, завернутые в листья и кору, за ночь приобретали восхитительный вкус.

Обычно для скорости мы готовили одновременно на двух лунках, ставя сковородки на решетки или подвешивая котелки на соединения трех или четырех металлических штырей.

Сжимая в руках кружку душистого чая, я любовался багровыми переливами угасающих огоньков догорающих в лунке веток.

– Как прошло твоё свидание с луной? – поинтересовался Учитель.

– Неплохо, – наслаждаясь нахлынувшими воспоминаниями, ответил я.

– Это заметно по твоему лицу, – усмехнулся Ли. – А ты сможешь прямо сейчас воспроизвести то же самое ощущение?

Я уткнулся носом в кружку, и, вдыхая дурманящий аромат отвара трав, попытался увидеть лу-

ну такой же бледной, яркой и загадочной, какой она предстала передо мной в медитации. И вдруг она снова появилась у меня перед глазами, ее диск сиял так же ярко и отчетливо, как и в предрассветные часы.

Теплые потоки воздуха, поднимающиеся из кружки с травяным чаем, омывали мою переносицу, глаза и часть лба, и неожиданно для себя я снова ощутил падение плода ян – поток оргазмических ощущений, идущих от головы вниз и распространяющихся по всему телу.

Оргазмические ощущения от падения плода ян проходили через круги ворот, через центральные круги воина, направлялись от точки бай-хуэй на макушке головы к точке хуэй-инь в промежности и оттуда к ступням ног.

При расширении и усилении ощущений круги ворот как бы задерживали, фильтровали и рассеивали этот поток стремительно падающей сексуальной энергии, активизированной и накопленной в голове, и по мере распределения по телу омывающей и оживляющей каждый нерв, каждую его клеточку.

Мне показалось, что в макушку мощными ударами парового молота забивают кол, распирающий и обжигающий мозг по мере его продвижения к области шестого и седьмого шейных позвонков. Позвоночник скручивался, как выжимаемое белье в руках опытной прачки, создавая этим вращением бесконечно приятное сладостное ощущение головокружения и погружения в бездонную манящую бездну. Вторая волна падения плода ян омыла поверхность лица, ушей, затылка, шеи, плеч, рук и всей поверхности тела теплым возбуждающим бурлящим дождем, в котором ощущение тепла сопровождалась приятным щекотанием мурашек, пробегающих по коже. Все это происходило на фоне экстатического счастья, единственного чувства, оставшегося на краю растворившегося в бесконечности сознания.

Долинный оргазм сотрясал мое тело, казалось, превратившееся в единый сверхчувствительный орган, вибрирующий от потоков, протекающих по возбужденным нервам. Сознание ускользало, и лишь воспитанный предыдущими тренировками "сторонний наблюдатель", отрешенно фиксировал происходящее. Я погружался в воспоминания все глубже и глубже.

Беспокоящий, назойливо повторяющийся шум нарушил мою концентрацию. Я понял, что Учитель мне что-то говорит, и постарался сосредоточиться на его словах.

– Вспомни "королевское седло"¹, - повторял Учитель. – Вызови волну снизу. Вспомни "королевское седло", женское "королевское седло".

Технику женского "королевского седла" показывала мне Лин. Помимо специфического управления энергией и оргазмическими ощущениями оно включает в себя воздействие на точку хуэй-инь в промежности и раздражение при помощи различных манипуляций всей зоны влаги у женщин. "Королевское седло" сочетается с укоренением и выращиванием ростка инь – подъемом потока оргазмических ощущений вверх, от половых органов к голове. Эманации, исходящие от женщины, порождают оргазмические потоки в теле мужчины, а те, в свою очередь, усиливают ее переживания.

При подъеме энергии вверх тело, хотя объективный показатель его веса не меняется, ощущается удивительно легким, и партнеру, который попытается поднять человека, выполняющего "выращивание ростка инь" это будет сделать гораздо легче, чем поднять его в обычном расслабленном состоянии. Ли утверждал, что с помощью подобной техники некоторые мастера Шоу-Дао даже могут левитировать.

Во время выполнения "падения плода ян" субъективный вес тела, напротив, увеличивается. Тело как бы размякает в руках партнера, наливаясь тяжестью и неотвратимо устремляясь к полу.

Я с поразительной четкостью вспомнил тот вечер, когда Лин продемонстрировала мне инициацию мужчины через женские переживания при выращивании ростка инь и выполнении техник "королевского седла", то есть заставила меня как бы перевоплотиться в нее и вместе с ней пережить долинный оргазм и пройти через все ее ощущения в процессе выполнения упражнений. В тот вечер я впервые понял, насколько сильными могут быть ощущения мужчины в отсутствие привычного сексуального контакта, лишь за счет восприятия и сопереживания чувств партнерши, на половых органах которой я особым образом манипулировал.

Я вспомнил стройное, смуглое, сильное тело, выполняющее волнообразные покачивания в позиции с широко расставленными ногами. Я сидел перед ней, и ее экстаз пробуждал во мне чувства, ранее неизвестные, несмотря на то, что я уже имел достаточный сексуальный опыт. Как ни странно,

¹ Техника управления сексуальной энергией, в том числе падение плода ян и выращивание ростка инь представлены Александром Медведевым в учебных видеофильмах, выпущенных в 1996 г. центром "Здоровье народа" – "Сексуальные энергии спящей собаки" и "Укоренение ростка инь в технике Шоу-Дао".

но именно этот бесконтактный способ сопереживания ощущений доставлял мне гораздо большее наслаждение, чем обычный половой акт.

Эта интимная близость другого рода, которую европейцы могут назвать просто лаской, на самом деле была результатом долгой подготовки, отработки пальчиков – специальных соединений пальцев с пальцами или с зонами тела для необходимого перераспределения энергии, умения ощущать своим телом перемещение энергетических потоков в организме партнерши, а также много другого.

Женское тело само задавало мне ритм манипуляций пальчиками. Интуитивно я чувствовал моменты переходов на другие зоны и характер воздействия. Нарастающий поток оргазмических ощущений партнерши волна за волной пробуждал во мне отраженное блаженство, заканчивающееся продолжительным долинным оргазмом. На последней фазе перед его наступлением я переходил на обласкивание всего тела корейки, используя все более сильные воздействия – царапанье, покусывание, сжимание. Иногда я неистово гладил ее тело руками, многократно повторяя движения снизу вверх, а потом наступала очередь использовать тряпичный жгут, смоченный в смеси облепихового и оливкового масел.

Жгут укреплялся в горизонтальном положении, Лин садилась на него верхом и начинала совершать движения тазом таким образом, что жгут проникал между половых губ, между ягодич и обласкивал особо чувствительные зоны. Затем она требовала, чтобы я пальцами протолкнул жгут внутрь ее тела и манипулировал им внутри влагалища.

Мое тело сотряс долинный оргазм, такой же мощный, как я испытал тогда с Лин. Одновременно я вспомнил базовое ощущение выращивания ростка инь, и на секунду вернувшись к реальности, последовал указаниям Учителя и совместил падение плода ян с одновременным подъемом ростка инь.

Два ни с чем не сравнимых ощущения слились в одно, что-то во мне стремительно рванулось вверх, разрывая и корежа тело. Огненный дождь оргазмических ощущений, обрушившийся сверху, перемешался с поднимающейся снизу волной, и, разбившись, заполнил каждый уголок моего организма.

– Это техника Земли и Неба, – услышал я голос Ли. Учитель взял меня за плечи, поднял и несколько раз встряхнул особым образом, заставив раскручиваться по спирали.

– А это – Божественный Котел, – продолжал он. – Спиралевидное движение тела помогает перемешивать стихии инь и ян.

Мое тело, вибрирующее и сотрясаемое потоками ци, начало уже осознанно переходить к движению из стороны в сторону по раскручивающейся спирали, и сначала три, а потом четыре независимых энергетических волны заставили напрягаться и сокращаться в разных направлениях все его мышцы. Мышцы начали пульсировать самостоятельно, вибрируя от потоков оргазмических ощущений. Внутренним взором я мог следить за действиями каждого участка тела, разделившегося на сотни и тысячи локальных очагов страсти, напоминавших о себе при малейшем сосредоточении внимания на них. Ощущения, идущие от мышц, сливались в единую симфонию экстаза. Пальцы и кисти рук напряглись и затрепетали² с такой скоростью, что их движение сливалось в один непрерывный рисунок.

Отключившись от движений, производимых моим телом, я сконцентрировался на четком управляемом ощущении всеохватывающего счастья, эйфории от полного контроля над каждой мышцей, над каждой зоной тела. Вызывая в зонах пульсы, я перемещал их по телу, и они отзывались особыми импульсами оргазмических переживаний. Основная волна долинного оргазма, перенасыщенная предельно обостренными ощущениями, прошла, и импульсы, более мягкие, спокойные и потому более приятные, как послевкусие изысканного деликатеса, расслабляли и убаюкивали меня, измученного шквалом пережитого наслаждения. Казалось, эти импульсы можно было попробовать на вкус. Они были разнообразны и неповторимы.

Понемногу приходя в себя, я приоткрыл глаза, и сквозь ресницы увидел перевернутую кружку, упавшую в костер и сосредоточенные лица Учителя и Славика. По выражению лица моего напарника я понял, что он собирается что-то сделать со мной.

Мои глаза закрылись, и я снова погрузился в полудремотное медитативное состояние, отдаваясь остаточному движению энергии. Упругий удар по спине заставил меня вздрогнуть. Славик начал

² Подобный трепет рук можно увидеть в фильме "Сексуальные энергии спящей собаки", в эпизоде, когда Александр Медведев производит активизацию зон груди у своего ученика, Александра Фурунжиева.

равномерно бить меня веником из нарезанных веток.

– Совсем как в бане, – мелькнула мысль.

Удары не были чересчур сильными и даже доставляли мне удовольствие. На общем фоне перераспределения энергии они помогали более полному усвоению ци нервами, мышцами и костями, укрепляя и освежая организм.

Чтобы не вызвать перегрузку зоны, удары никогда не приходились два раза подряд на одно и то же место. Они сыпались и сыпались, попадая на голову, шею, руки, ноги, спину и ягодицы. Только сейчас я увидел, что тулуп, в котором я сидел, был снят с меня. Я подумал, что даже не заметил, как это произошло, хотя считал что более или менее контролирую происходящее. Мелькнула мысль, что я контролирую только то, что происходит внутри меня, потом я понял, что и это не так...

– Зачем я все это делаю? – задал я себе вопрос, и вдруг счастье сменилось тоской, невыносимой тоской по возлюбленной и острой жалостью к себе.

– Вырасти дерево, – жестко скомандовал Учитель, и я выполнил пальцовку, символизирующую момент оплодотворения мужской силой женского начала.

В этой пальцовке сложенные ладони, соприкасающиеся пальцами, расположенные в нижней части тела наружу от исполнителя, поднимаются на уровень солнечного сплетения, а мизинцы и безымянные пальцы устремляются к области лица таким образом, что при наклоне головы и поднесении к ней рук они касаются точки инь-тан, расположенной между бровей.

Существовало несколько вариантов этой пальцовки. Чисто технически я уже пытался освоить ее и добился определенных результатов, но сейчас, на фоне процессов, происходящих в моем организме, пальцовка произвела наиболее сильный эффект. Я отключился от всего происходящего и даже перестал чувствовать удары Славика, наблюдая, как между четырех пальцев прорастает белый светящийся росток, постепенно превращающийся в ствол молодого деревца, верхушка которого устремлялась к точке инь-тан.

Пальцы исчезли, растворившись в дереве, которое, разрастаясь, достигло, наконец, точки между бровей. В момент соприкосновения дерева с нею голова словно взорвалась снопом белого огня, и ее сотряс сильнейший оргазм.

Много лет спустя я показывал эту пальцовку своим ученикам, и они тоже видели самые разные картины. Одни воспринимали только свет, загорающийся между пальцами и приближающийся к лицу, у других в центре пальцовки прорастал пятый палец, расширяющийся, увеличивающийся и превращающийся в росток, у третьих это был поток белой энергии, с которым можно было манипулировать. Одного ученика я даже заставил выпить энергетический поток, чтобы сохранить в подсознании образ непотерянной и восполняющейся ци.

Некоторое время спустя я пришел в себя.

– Ну ты даешь, – недоверчиво покачал головой Ли. – Такое количество нирван в минуту слишком велико для обычного человека, но все же маловато для стремящегося к совершенству.

Я задумался над словами Учителя, пытаюсь понять, были ли они одобрением или наоборот.

Славик выполнял ту же самую пальцовку. Видимо, у него что-то не очень хорошо получалось, потому что Ли с издевательским выражением лица просунул указательный палец между четырьмя пальцами моего напарника и постучал его по лбу.

Славик опрокинулся на спину с таким забавным выражением лица, что я невольно расхохотался. Он вскочил и с шутиливой яростью толкнул меня в плечо.

– Хватит придиуриваться, подраться вы еще успеете, – сказал Учитель. – Сейчас вы займетесь более важными вещами. Попробуй рассказать мне какую-либо смешную историю.

Ли кивнул Славику и добавил:

– Ты знаешь, что делать.

Мой друг улыбнулся мне с невинной кровожадностью людоеда. Я знал, что в задачу Славика входило во время рассказа неожиданно наносить мне толчки, щипать, щекотать меня, доставляя мне неудобства и отвлекая меня любыми способами, доступными его воображению. После обрушившихся на меня переживаний это было уже чересчур. Меня вновь охватила острая жалость к самому себе, и я попытался восстановить душевное равновесие глубоким дыханием. Я знал, что на вдохе болевые ощущения рассеиваются, если, согласно технике, показанной мне Ли, их распространять с помощью мыслеобразов по всему телу, поднимать вверх и растворять. Другим способом бороться с болью было скрывать ее за каким-то восклицанием, которое можно было попытаться вплести в сюжетную линию рассказа.

Я перебрал несколько вариантов забавных происшествий, и вдруг понял, что самым веселым событием, приключившимся со мной за всю мою жизнь были юношеские соревнования по дзю-до в

совхозе "Красный".

По-видимому, история действительно была великолепной, потому что Славик, заслушавшись, стал выполнять свои обязанности палача с прохладцей и без особого усердия, так что я погрузился в воспоминания, почти на него не отвлекаясь.

Совхоз «Красный» был хорошо известен симферопольцам, особенно старшего поколения. В период Великой Отечественной войны фашисты превратили его в концентрационный лагерь, и казнили там много людей. Еще с довоенного периода в нем сохранился клуб, довольно ветхий и не ремонтировавшийся, наверно, еще со времен строительства. В нем и проводились соревнования. Места для зрителей располагались на полусгнившей, пружинящей под ногами сцене, предназначенной для художественной самодельности.

Чтобы сидящие сзади могли наблюдать с высоты сцены за тем, что происходит внизу в зале, на ней соорудили трибуны самым простым и незамысловатым способом. Лавочки первого ряда просто стояли на полу у края сцены. Второй ряд представлял собой конструкции из двух лавок, поставленных одна на другую. Естественно, что в третьем ряду под зрителями шатались и поскрипывали целых три лавки, возносящие их вверх. Все сооружение было довольно хлипким, и зрители третьего ряда вели себя очень чинно и старались не совершать лишних движений.

У противоположной сцене стены стоял стол, за которым восседал судья. По обе стороны от него пристроились его помощники.

Зал клуба был слишком маленьким, чтобы размеры борцовского ковра позволяли бороться в полную силу, и из предосторожности стены выложили матами. Массивную люстру сняли, поскольку потолок в клубе был низким, и люстра наверняка мешала бы броскам. На ее месте красовался огромный могучий крюк, навевавший ассоциации с застенками инквизиции. Из-за духоты окно в зале было распахнуто настежь, и легкий ветерок доносил острые ароматы напоминающей миниатюрный пруд навозной лужи, излюбленного места отдыха местных свинок.

Веселье началось с самого начала, как только зачитали списки участников. Команда, представленная плодоовощной станцией пестрела нежными фруктовыми фамилиями типа Вишенкин, Яблочкин, Грушин.

Команда же совхоза «Комуннар», куда входил я, тяжеловес Медведев, наоборот, достаточно полно представляла собой животный мир. В следующих весовых категориях по убывающей следовали Волков, Лосев, Бобров и мухач Комаров.

Поскольку в те далекие застойные времена купить в Крыму дзюдоистские кимоно было невозможно, мы тренировались в куртках для самбо. Организаторы соревнований неведомыми мне путями исхитрились достать два дзюдоистских кимоно огромного размера, напоминавших грязноватые белые пижамы. Предполагалось, что участники поединков поочередно будут надевать эти кимоно, а поверх пояса повязывать синюю или красную ленточки, из тех, что обычно школьницы вплетают в косички, чтобы судьи могли их различать.

Мухачи, спортсмены сверхлегкого веса с сомнением поглядывали на гигантские балахоны, прикидывая, сколько человек их размера смогли бы там поместиться.

Мы отправились в весовую. Взвешивание почему-то решили начать с «тяжей», и я первым встал на весы. Команда совхоза «Коммунар» сгрудилась вокруг меня. Ребята из моей команды столпились вокруг, и, под шумок, Волков незаметно для судьи поставил на весы двухпудовую гирию, скрыв ее за моими ногами. Не верящий своим глазам судья трижды перевешивал меня, но каждый раз приходил к тому же самому результату. Так я попал в категорию тяжеловесов. Поскольку в то время тяжеловесов в командах практически не было, стало ясно, что призовое место мне уже обеспечено.

Первые схватки спортсмены провели с большим энтузиазмом, под бурные аплодисменты зрителей, особую радость которым доставлял процесс переодевания. Наконец на ковре появился юноша из совхоза «Красный». Его соперником оказалось, как любят говорить сейчас, "лицо кавказской национальности". Юноша вцепился в отвороты куртки кавказца, и вдруг тот, даже не сделав попытки сопротивляться, заорал тонким и пронзительным голосом:

– Ой-ой-ой...

Недоумевающий судья на ковре остановил схватку и дал команду начать все сначала.

– Ой-ой-ой!!! - завизжало еще пуще прежнего "лицо кавказской национальности".

Спортсмен из совхоза «Красный» в испуге отпустил захват, а взбешенный главный судья вскочил из-за стола, опрокинув стул, и с угрожающим видом двинулся к кавказцу. Тот смущенно приоткрыл на груди кимоно, и глазам изумленной публики предстала густая поросль длинных выющихся волос, напоминающая роскошное черное руно барашка-рекордиста.

В дальнейшем поединок проходил следующим образом: лицо кавказской национальности аккуратно, двумя пальцами оттягивало отвороты кимоно и подавало их сопернику, который с той же осторожностью брался за куртку, и лишь после этого начиналась бурная и яростная схватка. Зал стонал от хохота. Скамейки угрожающе раскачивались и скрипели.

Следующая схватка была достаточно интересной, но после предыдущей она не смогла произвести на зрителей сильного впечатления. Однако моему коллеге по команде Волкову удалось вновь пробудить зрительский интерес.

Мощным броском он отправил своего противника прямо в центр судейского стола. Сидящий за столом судья продемонстрировал завидную скорость реакции. Он ухватился за края скатерти, покрывающей стол, и, завернув в узел призы, находящиеся на ней, отбросил стул и прижался к стене, зажмурил глаза и отвернув голову в сторону.

Левый судья прыгнул влево, правый сделал кувырок вправо, а соперник Волкова шлепнулся на середину стола, переломив его пополам. Не намеренный так просто упустить противника, Волков бросился на него сверху, не давая подняться, и среди деревянных обломков продолжал дожимать его до тех пор, пока опомнившийся судья не прекратил схватку. «Трибуны» были от восторга.

На некоторое время соревнования прекратили. Волкову засчитали чистую победу. Откуда-то принесли новый стол. Судья аккуратно расстелил скатерть и расставил на ней призы, потом на ковер вышел я, а следом, улыбаясь, появился и мой соперник, кандидат в мастера спорта по самбо, весивший гораздо больше меня.

Он ухмыльнулся с полным осознанием своего превосходства, а затем, видимо, решив покончить со мной одним мощным натиском, разогнался из своего угла и бросился на меня с неотвратимостью пушечного ядра. У меня похолодело в животе, и, закрыв от ужаса глаза, сам не знаю как, я умудрился в падении упереться стопой ему в живот, и, используя инерцию его движения, выбросил его в окно. Раздался чавкающий всплеск навозной лужи и разъяренный рев обезумевшего борца. Даже не подумав, что можно воспользоваться дверью, он медленно пролез обратно через окно, заливая подоконник и пол зловонной черной жижей, и ринулся ко мне. Я шархнул в сторону, не знаю, чем более испуганный – нестерпимой вонью, исходящей от противника, или злобой, горящей в его глазах.

Дикий вопль судьи, на миг заглушив истошный хохот зрителей, прервал его атаку. Снова в соревнованиях объявили перерыв, и около получаса кандидата в мастера поливали на улице водой из шланга, отмывали и отскребали от навозной жижи окно, маты и пол, приводили в порядок кимоно, в котором должен был выступать следующий спортсмен.

Отдохнувшие и успевшие перекусить зрители вновь взгромоздившись на шаткие сооружения из скамеек и с нескрываемым интересом ждали продолжения.

Видимо, трюк с разбиванием стола понравился Волкову, и следующего своего соперника он бросил на стул, с которого чудом ухитрился ретироваться боковой судья. Ножки стула, как тараканы, расползлись в стороны, сиденье так и осталось под ягодицами новой жертвы Волкова, а спинка стула, чудом не сломавшись, продолжала поддерживать его спину. Зал радостными воплями приветствовал продолжение спектакля. Я и сам не ожидал, что соревнования по дзю-до могут быть настолько увлекательными. Но то, что случилось потом, превзошло самые смелые ожидания.

На ковер, путаясь в подвернутых рукавах и штанинах непомерно большого кимоно, вышел мухач Комаров. Его противник был чуть меньше ростом, и кимоно болталось на нем, как платье для беременной на пятилетнем ребенке. Комаров слегка подергивался и весь бурлил от кипящего в его жилах адреналина. Огненный темперамент и неукротимая жажда самоутверждения, часто свойственная бойцам небольшого роста, заставляла его

преследовать своего противника так же неотвратимо, как бультерьер преследует свою добычу – не взирая ни на что, до победы или смерти.

Противник Комарова в самом начале поединка, сам того не понимая, совершил роковую ошибку, случайно разбив Комарову нос. Вкус и запах собственной крови привели мухача в состояние бешенства, свойственного героям нынешних латиноамериканских сериалов, для которых существует только одна достойная цель существования – месть, месть и еще раз месть.

Пока неопытный сельский врач, не зная самых простых приемов остановки носового кровотечения, запихивал длинные и толстые жгуты ваты в ноздри моего собрата по команде, жажда уничтожить обидчика, разорвав его на куски прямо на глазах публики, терзала темпераментную душу Комарова.

Когда мой друг вышел на ковер, его соперник, все еще слегка смущенный своим кровавым деянием, без тени сомнения прочел в безжалостном прищуре Комарова свою дальнейшую судьбу, и когда мститель решительным шагом, расставив руки, направился к нему, насмерть перепуганный парень вдруг вскрикнул:

– Нет, не надо! – и, развернувшись, попытался улизнуть.

Мощным прыжком Комаров настиг его и повалил, вцепившись в одежду. Извернувшийся ужом парень выскользнул из слишком больших для него куртки и брюк, и в одних трусах, с воплем ужаса вылетел из клуба.

Поглощенный азартом борьбы, Комаров этого даже не заметил. Некоторое время он продолжал терзать кимоно, и до его сознания медленно доходило, что что-то тут не так. Все еще не понимая, в чем дело, он отложил в сторону штаны, и, растянув руками куртку, внимательно осмотрел ее с одной и с другой стороны. Затем, бросив куртку, он взял штаны, и, с выражением нарастающего недоумения принялся заглядывать в штанины, в надежде обнаружить там своего противника.

Зал уже даже не смеялся. Он выл, орал и стонал от хохота. Сооружения из скамеек громко скрипели, раскачиваясь с опасной амплитудой.

Но слава героя дня досталась все-таки не Комарову, а Волкову, который, гордый предыдущими победами, вновь вышел на ковер и обнаружил, что ему предстоит бороться с одним своим давним соперником, которого он, по каким-то личным мотивам, сильно недолюбливал. И Волков решил показать класс. Сделав отвлекающую подсечку, он своим коронным броском подкинул противника высоко вверх и оглянулся, чтобы проследить за его падением. Думая, что он потерял ориентировку, Волков резко развернулся влево, затем вправо, повернулся вокруг своей оси... Но на ковре стоял он один. Противник словно растворился в воздухе. Под дикий хохот трибун он поднял глаза вверх и остолбенел при виде своего последнего подвига. Очередная жертва Волкова тихо покачивалась под толчком, зацепившись за крюк от люстры поясом кимоно. Его лицо покраснело от удушья. Он висел, растопырив руки и ноги, похожий на потрепанное чучело орла.

– Лестницу! Принесите лестницу! – захрипел судья, изо всех сил пытаясь подавить душивший его смех.

Несколько зрителей сорвались с места и приволокли лестницу, но это оказалась не стремянка, а обычная лестница, которую нельзя было использовать без опоры. В пылу спасательных работ какой-то умник догадался прислонить ее к телу висящего дзюдоиста, чем намертво стянул узел пояса и чуть окончательно не доконал бедного парня. Лестницу убрали. Спортсмены из команды пострадавшего образовали несколько пирамид. Мухачи забрались на плечи более тяжелых товарищей, и руками приподнимали вверх подвешенного друга, чтобы дать ему возможность дышать.

Наконец, отыскали стремянку. Ножа ни у кого не оказалось, но кто-то принес старую ножовку, и, чудом никого не поранив, пояс умудрились перепилить, завершив таким образом спасательную операцию.

Зрители, воплями, улюлюканьем и соответствующими телодвижениями оказывавшие моральную поддержку спасателям, раскачали-таки скамейки третьего ряда, и шаткая конструкция обрушилась вперед, столкнув второй ряд скамеек на первый. Подгнивший пол не выдержал перегрузки, и доски проломились. С грохотом и криками часть скамеек и зрителей исчезли под сценой.

Не веря своим глазам, я впитывал все подробности этих невероятных событий. Говорят, что молодые живут надеждами, а старики – воспоминаниями. Я подумал, что когда

я стану старым, мне найдется, что вспомнить. Кроме того, мою душу согревала радость победы. В своей весовой категории я получил первое место.

Воспоминания так увлекли меня, что я совершенно забыл о том, что Славик, хотя и вяло, но продолжает выполнять свои обязанности, отвлекая меня болезненными воздействиями. Недовольное лицо Учителя свидетельствовало о том, что я справился с заданием. Ли пребывал в том особом настроении, когда им настолько овладевало желание продвигать нас вперед к недостижимому совершенству, что он делал это с вдохновением старухи Шапокляк, изобретающей все более хитроумные подзадоривающие гнусности, не дающие нам расслабиться и уютно почивать на лаврах.

– Займитесь выведениями из равновесия, – сухо бросил Учитель.

Комплекс упражнений по выведению из равновесия начинался с отработки прилипания рукой к партнеру. Мы пускали усилие вдоль линии концентрации³, и при перемещениях партнера старались двигаться так, чтобы усилие не уходило с плоскостей фигуры восьми триграмм, и рука давила на тело партнера с одной и той же силой.

При изменении положения тела партнера усилие давления должно было перенаправляться на поверхность своей руки, локтя, плеча, иногда даже спины или груди, но ни в коем случае нельзя было терять с ним контакт или уводить от партнера линию концентрации. Если в какой-то момент непрерывного давления вы чувствовали, что партнер находится в недостаточно устойчивом состоянии, достаточно было небольшого усилия, чтобы его опрокинуть.

Некоторое время мы крутились по полянке, толкая и опрокидывая друг друга, после чего перешли к упражнениям по контакт-контролю над руками под названием "наблюдение за серединой".

Час спустя Славик достал из сумки кухонный нож. Мы по очереди наносили друг другу удары этим ножом, причем при каждом ударе партнер должен был провести обезоруживание, забирая нож при помощи специальных выворачиваний⁴, и в свою очередь наносил удар. Смысл заключался в том, чтобы непрерывно циркуляционно атаковать друг друга.

Так, например, Славик атакует режущим ударом снаружи, я встречаю его руку одноименной рукой, произвожу перенос по низу на другую сторону, и вот уже рука Славика оказывается в плотном болевом захвате. Мой большой палец соскакивает с тыльной стороны его кисти на головку рукоятки ножа, и, надавливая на нее, выжимает нож из кисти Славика.

В этот момент моя вторая рука, также участвующая в болевом приеме, захватывает рукоятку ножа, а первая, которая только что давила на головку оружия, перехватывает руку напарника и одним движением поворачивает его тело спиной ко мне, и я наношу удар в открывшуюся зону.

Невообразимым образом изогнувшись, Славик отводит удар, перехватывает мою руку и таким же красивым пластичным движением заставляет меня присесть. Завладев ножом, прямым ударом сверху, он направляет острие прямо мне в горло. Я успеваю отвести лезвие, освободиться от захвата и вывернуть руку партнера таким образом, что рукоятка сама запрыгивает мне в пальцы. Для этого я подхватываю предплечье вооруженной руки Славика снизу, а ладонью руки с далеко отведенным локтем надавливаю так, чтобы разгибаясь, кисть Славика пришла в неудобное положение. При этом больше всего страдает указательный палец, на который больно давит рукоятка ножа. Перемещения сопровождаются волнообразными движениями тела, помогающими сохранять направление усилий в соответствии с линиями концентрации.

Когда нож уже наверно в трехсотый раз перекочевал из рук в руки. Учитель привлек наше внимание двумя хлопками ладоней. Серией красивых жестов, Ли дал нам понять, что пора заканчивать тренировку и отправляться спать.

Глава 11

³ О линиях концентрации можно прочесть в книге Александра Медведева "Кунг-фу. Формы Шоу-Дао", СП "Вся Москва" 1991 г. или в книге того же автора "Кунг-фу. Школа бессмертия". Свердловск. Лига. 1990 г. Подобная техника выведений из равновесия продемонстрирована в учебном видеофильме Александра Медведева "Коготь каменной птицы", выпущенном в 1994 г. центром "Здоровье народа".

⁴ Подобная техника владения ножом описана в книгах Александра Медведева "Его величество нож", Москва, 1995 и "Противодействие угрозам и атакам ножом". Москва, Саттва. 1997, а также продемонстрирована в учебных видеофильмах Александра Медведева "Самооборона и нападение в УНИБОС" и "Секреты защиты в УНИБОС". выпущенных в 1995 г центром "Здоровье народа"

Даже не помню, почему у нас зашел разговор о лжи. намеренной и непреднамеренной. С детства я усвоил, что говорить правду – хорошо, а лгать – плохо. Не могу утверждать, что всегда и во всем был безупречно честным, но старался лгать лишь тогда, когда этого настоятельно требовали обстоятельства.

До встречи с Ли я всегда четко различал черное и белое, истину и ложь. Несколько месяцев общения с Учителем настолько разрушили мое привычное представление о мире, о добре и зле, о правде и лжи, что я просто перестал размышлять о моральности или аморальности, верности или ошибочности поступков Ли и о том, правильные или неправильные решения я принимал, действуя в соответствии с тем, что я считал целесообразным с точки зрения "Спокойных".

Однажды Учитель сказал мне:

– Человеку не дано познать объективную истину, можно лишь приблизиться к ней. Истина всегда субъективна. Для каждого человека существует своя правда, правда, которая ему приятна, которую он может понять и которая близка его мировоззрению. Говорить человеку другую правду – это преступление против него, преступление против правды, которую ты говоришь, и против людей, являющихся носителями другой правды. Поэтому последователь «Спокойных» никогда ни с кем не спорит. Он либо учит тех, кто достоин его учения, либо соглашается с теми, кто стоит на своем.

Сначала я воспринял эту идею только на интеллектуальном уровне, но с течением времени я прочувствовал, как глубоко она проникла в меня, в корне изменив мою жизнь. В первую очередь меня оставила присущая юности самоуверенность, когда я с полной убежденностью в своей правоте мог дать ответ на любые житейские вопросы. Я начал задумываться, прикидывая, какой ответ мог бы дать человек с другим жизненным опытом, с другим складом ума. И тогда, к моему ужасу, я до некоторой степени потерял способность с уверенностью утверждать, что есть черное, а что белое.

Кажется, я уже упоминал, что мечтой моего детства было стать разведчиком и, подобно Абелю, отдать жизнь служению родной стране. Но только сейчас я начал задумываться над тем, что наших шпионов мы называем благородным словом «разведчик», а западных разведчиков – более уничижительным словом «шпион». Светлые идеалы детства разрушились под напором реальной жизни. Слово «справедливость» потеряло свой смысл. На мои прежние понятия о справедливости я с той же степенью достоверности мог привести контраргументы, обращающие справедливое решение в его противоположность.

Вторым следствием трансформации моего мировоззрения оказалось изменение моих отношений с друзьями и знакомыми. Будучи по натуре человеком очень общительным и дружелюбным, я поддерживал обширные связи с самыми разными людьми. Я живо обсуждал их проблемы, старался чем мог помогать и по мере возможности давал советы. Разговаривая с ними, я чувствовал себя в своей среде, в своей стихии, среди людей, если и не разделяющих мои взгляды, то таких же, как я.

Теперь ситуация изменилась. Они остались прежними, но я стал другим. Я начал говорить на другом языке, мыслить другими категориями. Когда я говорил вещи, правильные с моей точки зрения, меня слушали с удивлением. Меня перестали понимать. Я больше не был своим среди своих. Я стал чужаком.

По совету Учителя я старался вести себя как прежде и говорить только то, что от меня хотели услышать, а не то, что я считал верным и полезным. Внешне мои отношения с окружающими снова стали прежними, но я продолжал чувствовать себя одиночкой, закинутым в чужую среду. Со временем я привык к этому и перестал обращать на это внимание, получая, следуя традициям Шоу-Дао, наслаждение от общения. К сожалению, лишь с Учителем я мог разговаривать как с человеком, который понимает меня и разделяет мое мироощущение.

Как-то я посетовал относительно своего одиночества, и Ли с усмешкой сказал:

– Именно поэтому «Спокойные» не могут полноценно жить вне клана. Среди обычных людей они обречены на вечное одиночество. Так что, со временем, тебе придется создать свой клан. Даже если эти люди не станут воинами жизни, они все равно будут твоими единомышленниками. Конечно, жить без клана можно, но это труднее и менее приятно.

Я рассмеялся, представив себя во главе клана.

– Вряд ли Советский Союз подходящее место для распространения учения, – сказал я. – Я больше думаю о том, как сохранить в тайне наши встречи и то, что ты мне говоришь, иначе, боюсь мне придется создавать клан, сидя на нарах и болтая о «Спокойных» по фене.

– Все может измениться, – философски сказал Ли. Я промолчал, подумав про себя, что вряд ли мне доведется стать свидетелем этих изменений. Как же я ошибался.

Я сидел у костра, вдохновенно накладывая на хлеб толстые ломтики сыра и колбасы, колечки лука и огурцов. Ли что-то мудрил с котелком. Я был голоден как волк и, поскольку команды присту-

пить к обеду я еще не получил, то в попытке удержаться от искушения преждевременно вонзить зуб в бутерброд, решил отвлечься интеллектуальной беседой.

– Знаешь, я часто думаю о субъективности истины, – сказал я. – Мне бы хотелось объяснить некоторые вещи моим друзьям так, чтобы они это поняли. Часто я вижу детали, на которые они не обращают внимания, и если бы мне удалось растолковать им то, чего они не замечают или не понимают, уверен, что я мог бы помочь им избежать некоторых серьезных ошибок.

– Каких например? – спросил Учитель.

– У одного моего знакомого сейчас серьезные проблемы. Он женат более десяти лет, у него двое детей, и раньше он своей жене не изменял. Но сейчас он завел любовницу, и она требует, чтобы он оставил семью и женился на ней. Я не против того, чтобы ради любви развестись с женой и жениться на той, кого любишь, но я знаю, что его любовница – порядочная стерва, и когда любовный угар пройдет, моего друга поджидают очень крупные неприятности, особенно если он на ней женится.

Я посоветовал ему держать любовную связь в тайне от жены и поддерживать хорошие отношения со всеми своими дамами, чтобы никому не портить жизнь, но он не послушался, и в припадке пионерской честности поведал законной супруге о своей великой любви к другой женщине.

В результате жена стоит на ушах и портит мужу карьеру, строча письма о его аморальном поведении начальству, в профком, местком и комитет партии. Дети пребывают в растрепанных чувствах, жена с любовницей периодически вступают в ближний бой, уродуя свою красоту следами укусов, царапинами и синяками, и, конечно, обе пилят моего несчастного друга с такой силой, что он уже почти готовый кандидат для психушки. Все это я предвидел заранее, но мой друг не желал меня слушать, когда я пытался его предостеречь. То же самое происходит и сейчас. Он собирается снова наделать кучу глупостей, а я не знаю, как уберечь его от ошибок.

– А ты уверен, что это были бы ошибки? – спросил Учитель.

Я растерялся. Такой вопрос не приходил мне в голову.

– Я расскажу тебе притчу, – сказал Ли. – Это притча о жене-лисице.

Влюбилась как-то лиса в крестьянина. Пришла к нему и давай объясняться в любви, а тот в ответ – не могу я тебя любить, у меня жена есть.

– Дурак ты, – говорит лисица. – Жена у тебя злая, да сварливая, неряшливая, да некрасивая, не любит тебя и давно извести хочет.

– Что ж, – отвечал крестьянин, – такая моя судьба.

На том разговор и кончился...

Украла лисица большой котел, наполнила водой и поставила на перекрестке дорог на огонь. Проходит мимо жена крестьянина и спрашивает:

– Что ты тут, лисица, варишь?

– Со всех сторон света собрала я счастье, удачу и богатство, – отвечает лисица, – положила их в котел и варю колдовское зелье. Кто искупается в нем, тот станет всех краше, богаче и счастливее.

– А если я в котле искупаюсь, – спрашивает коварная женщина, – стану ли я всех красивее, богаче и счастливее?

– Конечно, станешь, – отвечает лиса, – только готовлю я то варево для себя и никому другому не позволю в него окунуться.

– А готово ли варево? – спрашивает жена крестьянина.

– Давно готово, – говорит лисица. – Вот сейчас сниму с себя шкуру и влезу в котел.

Не успела лиса слова эти договорить, как женщина прыгнула в котел и сварилась.

А лисица, долго не мешкая, сняла с нее кожу и напялила на себя. Потом повернулась мордой на восток и стала читать заклинания, одно длиннее другого. Не успело солнце скрыться за верхушками деревьев, как превратилась лиса в прекрасную девушку, похожую на жену крестьянина, как бывает похожа красивая дочь на уродливую мать.

Приходит крестьянин домой, а его у порога с поклоном встречает молодая жена. Вошел в дом, а там все прибрано, пылинки не найти, повсюду шелка да наряды, а в сундуках золотые и серебряные монеты поблескивают. Удивился крестьянин, обрадовался, но виду не подал. Сытно поужинал и лег спать с молодой женой.

Так, в довольстве и неге прожили они год, но однажды дождливой осенней ночью постучался в их жилище странствующий даос и попросился на ночлег. Приютил крестьянин даоса, утром вышел проводить его до ворот, а гость говорит:

– Знаешь ли ты, с кем делишь пищу, кров и постель? Улыбнулся крестьянин и спрашивает:

– А станет ли мне от этого знания лучше жить?

Задумался даос, покачал головой и, ничего не сказав, пошел своей дорогой.

Недаром старики говорят: "В мире людей правда нужна не всем и не всегда, потому как не каждому от нее лучше жить становится".

Я протянул Учителю бутерброд и начал разливать по кружкам чай.

– Красивая притча, – заметил Ли, впиваясь в бутерброд зубами. – И, как всегда, она имеет несколько толкований, включая взаимоисключающие.

Я молча принял за свой бутерброд, понимая, что от толкования притчи мне все равно не отвертеться. Учитель с издевательской усмешкой наблюдал за мной.

– Действительно, красивая притча, – согласился я, мерно двигая челюстями. – Но она еще больше все запутывает. Вряд ли она поможет мне ответить на те вопросы, которые я себе задаю. На месте даоса я бы не знал, какое решение будет более правильным – объяснить крестьянину, что его жена на самом деле оборотень и убийца, и тем самым разрушить его счастье, но, возможно, спасти его от больших неприятностей в будущем, или оставить все как есть. Я не могу сказать, где в этой истории добро, а где зло. С одной стороны лиса – обманщица и убийца, а с другой стороны – любящая и хорошая жена. Я не знаю, кем считать крестьянина и его жену – жертвами, или людьми, заслужившими такую судьбу.

– Ты размышляешь о притче, но пока еще не понимаешь ее, – сказал Ли. – Как только ты внутренне прочувствуешь ее смысл, твои проблемы общения с друзьями решатся сами собой. Даос принял абсолютно верное решение, но это решение было верным для него, потому что он – даос. Ты, хотя уже сильно отличаешься от обычного европейца, пока еще не стал даосом. Поэтому решение, которое кажется верным для даоса, пока что остается сомнительным для тебя. А как ты думаешь, какое решение принял бы европеец, если бы он оказался на месте даоса?

– Ну, не знаю, – ответил я. – Европейцы тоже разные бывают.

– Ладно, я тебе помогу. Как по-твоему, какое решение приняла бы твоя мама?

Сцена, представившаяся моему воображению, заставила меня подавиться куском бутерброда, и я упал на спину, задыхаясь от кашля и хохота. Моя вера в маму была беспредельной. Я был уверен, что ни один оборотень не сумел бы противостоять напору Александры Авенировны, когда ею овладевала жажда справедливости. Я видел, как мама волочет за волосы стенающую и упирающуюся лису в ближайшее отделение милиции, во весь голос расписывая толпе зрителей всю тяжесть и гнусность ее преступлений.

Когда я, наконец, прокашлялся, немного пришел в себя и, сев на прежнее место, высказал свое мнение, Ли задал следующий вопрос:

– А какое решение приняло бы большинство твоих друзей?

– Они сказали бы крестьянину правду, – не задумываясь, ответил я.

– Почему?

– Многие сделали бы это, как и мама, из стремления к справедливости. Некоторые могли бы это сделать из зависти, потому что крестьянин стал жить слишком уж хорошо, другие сделали бы это из вредности или просто, чтобы заварить кашу и с интересом наблюдать, что из этого получится.

– А какие мотивы могли бы побудить европейцев скрыть правду от крестьянина?

– Ну, наверно, безразличие, нежелание ввязываться в неприятную историю, опять-таки вредность – пусть, мол, поживет с оборотнем, пока тот его не съест, – или, возможно желание не портить жизнь хорошему человеку.

– Как ты думаешь, крестьянин знал, что живет не со своей женой, а с лисой?

– Конечно, знал, ведь не полный же он идиот. Скорее всего, он сам себе в этом не признавался и просто не думал об этом, потому что такая жизнь его больше устраивала.

– Этот крестьянин был настоящим даосом, – сказал Учитель. – Он спокойно принимал свою судьбу, будучи женатым на сварливой неряшливой женщине, и так же спокойно он принял свою судьбу, когда та изменилась к лучшему, не задумываясь, что хорошо и что плохо, что правильно, а что неправильно. Крестьянин оказался даже большим даосом, чем сам даос, потому что на вопрос:

– Знаешь ли ты, с кем делишь пищу, кров и постель? Он ответил:

– А станет ли мне от этого знания лучше жить? Даосу пришлось подумать, чтобы признать правоту крестьянина.

– Ладно, это одно толкование, – сказал я. – А как же насчет противоположного?

– Вот ты мне его и Расскажи, – усмехнулся Ли. Я задумался.

– В этом толковании притчи ты говоришь, что надо спокойно принимать свою судьбу и следовать ее течению. Помнишь, ты как-то рассказывал мне притчу о даосе и судьбе. Тогда ты утверждал, что воины жизни не следуют слепо своей судьбе, а хватают ее за волосы. Поступил бы крестьянин правильно, если бы он отказался жить с лисой, предпочитая любым изменениям тяжелую и нудную жизнь с постылой женой?

– Ты понемногу нащупываешь другое толкование, – сказал Учитель. – Но эти притчи не противоречат друг другу. Смысл не в том, чтобы когда ни попадя хватать судьбу за волосы, а в том чтобы делать это только в нужный момент. В данном случае следование судьбе было предпочтительнее. Крестьянин сам не входил с женой в конфликт, который мог бы для него плохо кончиться. Лиса все сделала за него. Пассивное следование судьбе сберегло крестьянину энергию, нервы и силы. Точно так же поступил и даос. Если бы он открыл крестьянину правду, то ему бы пришлось войти в противоборство с лисой, а, может быть, еще и с самим крестьянином, так что промолчать для него было лучшим выходом.

С другой стороны, спросив "знаешь ли ты, с кем делишь пищу, кров и постель?", даос предоставил крестьянину свободу в выборе своей судьбы, ведь иначе он оказался бы неблагодарным человеком. Так даос проявил "деятельное недеяние", в котором и заключается мудрость срединного пути.

– Как же тогда различать, в какой момент предпочтительнее пассивно следовать своей судьбе, не затрачивая сил на сопротивление, и когда нужно хватать ее за волосы? – поинтересовался я.

– Для этого воин жизни развивает внутреннюю силу, – ответил Ли. – Внутренняя сила – это то, что помогает в нужный момент принять верное решение или заставляет обстоятельства складываться в твою пользу.

– Хорошо, а как же насчет проблемы моего друга? – спросил я. – Что я должен был сделать, чтобы уберечь его от свалившихся на него бед?

– Ничего, – лаконично бросил Учитель. Я растерялся.

– Как ничего? – переспросил я. – По-твоему, я должен смотреть, как он своими руками роет себе могилу, спокойно оставаясь в стороне?

– Но ты не остался в стороне. И что хорошего из этого получилось?

Я был вынужден признать, что все мои благие намерения действительно не привели ни к каким результатам.

Взглянув на мою кислую физиономию. Ли расхохотался.

– Держу пари, что в конце концов твоя миротворческая миссия привела к тому, что на тебя обиделись все трое – и жена, и любовница и твой друг, – весело сказал он.

– Как ты догадался? – недоуменно спросил я.

– Так это же было очевидно с самого начала. Как говорится в пословице: "благими намерениями вымощена дорога в ад", – сказал Ли.

Действительно, любовница моего знакомого решила, что я пытаюсь уговорить его во что бы то ни стало сохранить семью, жена была уверена, что я всячески покрывал козни ее благоверного и сам чуть ли не являюсь причиной трагедии, а друг был так измучен борьбой с парой взбесившихся фурий, что я стал для него живым напоминанием о его собственной глупости, ведь он, вопреки моему совету, все-таки признался жене в измене, так что наши отношения стали гораздо прохладнее.

– Ты понемногу начинаешь мыслить и чувствовать, как даос, но продолжаешь суетиться как европеец, пытаюсь навязать свое новое восприятие жизни людям, внутренняя сущность которых не изменилась, – сказал Ли. – Ты советуешь им поступать таким образом, как поступил бы ты сам, но они не могут вести себя, как ты, ибо это противоречит их природе. В итоге твое желание помочь оборачивается против тебя. Лучше позволить людям совершать ошибки, чем потом стать предметом их ненависти оттого, что в конце концов ты оказался прав. Обычно люди гораздо легче прощают тебе твои промахи, ошибки и неудачи, чем твои успехи и правоту.

Что ты предпочитаешь – продолжать давать советы и сталкиваться с неприятием, непониманием и злобой или оставаться сторонним наблюдателем, не споря и не вступая в конфликты с окружающими, но зато наслаждаясь их дружбой и извлекая опыт из их ошибок?

Я был вынужден признать, что Ли, как всегда, оказался прав. Чтобы прогнать грусть, охватившую меня от его слов, я попросил:

– Расскажи мне еще какую-нибудь притчу.

– Не смотри на меня так, словно я отравил стадо розовых слонов твоей мечтой, – перехватив мой печально-задумчивый взгляд, сказал Учитель. – Ладно, расскажу тебе притчу из другой области. Она называется "Игла, колотушка и жезл".

Однажды крестьянин спас даоса, когда тот тонул. Решил даос отблагодарить крестьянина за добрый поступок и отвел его в свою пещеру. Там достал из тайника огромную тыкву и вынул из нее три волшебные вещи: иглу, колотушку и жезл.

Положил их даос у ног крестьянина, и сказал:

– Хоть эти вещи и неказисты на вид, заключена в них волшебная сила: игла дарует жизнь и излечивает все болезни, колотушка при ударе высекает золотые и серебряные монеты, а жезл дает власть победить любое войско и уничтожить врагов. Ты спас мне жизнь, и в награду ты можешь выбрать одну из них.

Крестьянин, не долго думая, взял иглу и спрятал ее у себя в поясе.

– Ты слишком быстро принял решение, – удивился даос. – Неужели тебя не прельщают богатство и власть?

– Я выбрал жизнь, – ответил мудрый крестьянин, – так как ни власть, ни богатство без нее цены не имеют, а спасая жизни других, я, при желании, буду иметь и власть и богатство. Вот почему мне милее игла, а что касается жезла и колотушки, то с ними хлопот не оберешься.

А теперь посмотрим, как ты ее истолкуешь.

Я пожал плечами.

– По-моему, тут нечего истолковывать, – сказал я. – Истолкование притчи дал сам крестьянин.

– Похоже, твой неудачный дебют в роли советчика подорвал твою веру в собственные силы, – заметил Ли. – Эту притчу я рассказал, чтобы вернуть тебе самоуважение. В ней идет речь о тебе.

– Обо мне? – удивился я.

– Ну, не совсем о тебе. Один из скрытых смыслов этой притчи – поиск Хранителя Знания. Хранитель Знания всегда выделяется из окружающих, и когда Посвященный встречается его, он провоцирует Хранителя Знания таким образом, что у него просто не остается выбора, и он вынужден действовать так, что это приносит выгоду обеим сторонам.

Неожиданная трактовка так заинтересовала меня, что плохое настроение тут же улетучилось.

– Объясни мне подробнее, – с блеском в глазах попросил я.

– Меня восхищает легкость твоих переходов от вселенской грусти к жажде познания, – сказал Ли. – На самом деле даос не тонул, а только делал вид, что тонет, чтобы привлечь внимание избранного. А дальше у крестьянина уже не было выбора – он не мог отказаться от подарка даоса, и жизнь его стала иной. Имея сущность Хранителя Знания, крестьянин был обречен выбрать иглу.

В этой притче колотушка символизировала ремесло, жезл был олицетворением воинского искусства, а игла представляла искусство жизни, умение управлять жизнью, и как часть этого умения – медицинские знания.

– Ты хочешь сказать, что когда ты решил обучать меня, ты спровоцировал меня таким образом, что у меня не осталось выбора? – спросил я с некоторой долей возмущения, смешанного с восхищением.

– Конечно, – насмешливо ответил Ли. – Я тоже предложил тебе выбор, хотя и не в такой явной форме. – Сначала тебя увлекло изучение техники прыжков, которое в некотором смысле ближе к ремеслу, потом ты схватился за жезл – боевые искусства Шоу-Дао, но в конце концов, пришел к тому, к чему и должен был прийти – к искусству жизни. У Славика тоже был выбор, но он, как и ты, его даже не заметил. В его руках навсегда останется жезл, но искусство жизни пройдет мимо него, к сожалению, не оставив заметного следа в его душе.

Глава 12

Была восхитительная южная ночь, когда звезды кажутся особенно яркими и такими близкими, что хочется бездумно созерцать их, наслаждаясь ощущением необъятного пространства вселенной и манящих тайн далеких миров, которые, к сожалению, мне так никогда и не удастся постичь. Теплый воздух, наполненный дурманящими запахами земли, травы и леса, ласкал кожу, расслабляя и успокаивая меня после изнурительной тренировки.

Ли предложил разложить костер у водохранилища.

– Твоя энергия сейчас слишком агрессивна, – сказал он. – Позволь воде забрать твоё возбуждение и поглотить его. Слейся с поверхностью озера и стань таким же спокойным и безмятежным, как водная гладь.

Я так устал, что у меня почти не оставалось сил, чтобы выполнять упражнение, которое он имел в виду, но видимо это состояние усталости и умственного оцепенения, близкое к полусну на сей раз сыграло мне на руку. Упражнение, которое обычно требовало от меня значительных усилий, получилось само собой, словно слова Учителя включили во мне какой-то спусковой механизм. Безо всякой эмоциональной реакции, только на фоновом ощущении удовольствия, покоя и легкого удивления я почувствовал, как от ног к голове, заполняя все уголки моего тела, поднимается поток прохладной, сверкающей, кристально чистой воды, как будто из моих подошв забил мощный, ласкающий меня изнутри фонтан.

Вода заполнила меня целиком, и внутренним взором я увидел, как бы в разрезе, оболочку своего тела, растягивающуюся под напором заполняющей его воды. На какое-то мгновение в моем сознании всплыла картинка из учебника физики, иллюстрирующая силу поверхностного натяжения в верхнем слое молекул воды. Я ощутил свою кожу, как слой таких молекул, цепляющихся друг за друга и пытающихся удержать неизменной форму моего тела, но напор воды оказался сильнее, и тело, стремительно расширяясь в стороны, понеслось куда-то вниз, сливаясь с озерной гладью. Последним впечатлением было то, как я сливаюсь с озером, а поверхность моих рук и груди растекается по поверхности. Одновременно я чувствовал толщу воды внизу и давление воздуха сверху.

Я медленно приходил в себя, вновь ощущая свое лежащее на земле тело с тупо ноющими после тренировки мускулами. Ли высился надо мной как скала, демонстрируя своей преувеличенно выразительной мимикой всю степень своего недовольства мной.

– Ай-яй-яй, разве можно быть таким ленивым, – укоризненно цокая языком, говорил он. – Я сказал, что мы должны развести костер и поесть. Когда ты, наконец, будешь слушаться меня? Если я говорю, что мы будем есть, это означает, что мы будем есть, а не спать, понимаешь?

– Ли. – начал я, – ты представляешь, у меня получилось...

– Что у тебя действительно здорово получается, так это плюхаться на землю и засыпать в самый неподходящий момент. Ты собираешься разводить костер или нет? Я затрачиваю на тебя столько сил, что мне просто необходимо подкрепиться.

Я встал и начал собирать дрова. Учитель был прав, вода действительно успокоила меня. Возбуждение, дающее о себе знать неприятным ощущением в области головы, шеи и плеч исчезло, сменившись приятной прохладой. Утихла боль в утомленных мышцах.

– Учитель, а вода всегда успокаивает? – спросил я.

– Ты же сам знаешь, что нет. Помнишь, что я говорил об использовании стихий? Когда же ты, наконец, научишься не задавать вопросы, на которые сам знаешь ответ? Просто в данный момент тебе надо было избавиться от излишка агрессивной энергии, и использование спокойной воды было одним из способов.

Около полудня мы провели в молчании. Я занимался костром и приготовлением пищи. Учитель сооружал из трав и корешков какой-то мудреный салат.

Еда заметно улучшила настроение Ли. Он привалился спиной к стволу дерева, с удовольствием прихлебывая из кружки душистый травяной чай.

– Пора тебе становиться более самостоятельным, мой маленький брат, – сказал он. – Мы уже говорили с тобой о человеческой жажде преклонения перед авторитетами. Воин должен уважать авторитет, но не преклоняться перед ним. Когда ты задаешь мне вопрос, на который сам можешь ответить, ты удовлетворяешь свою жажду преклонения перед авторитетом, и следование этой жажде ослабляет тебя, делая тебя зависимым и неуверенным в себе. Если же ты научишься сам отвечать на свои вопросы, то достигнешь мудрости.

– А как же тогда отношения Учителя и ученика? – спросил я. – Без тебя я мог бы попытаться ответить на некоторые вопросы, но вряд ли это были бы правильные ответы. Ты изменил меня, и я считаю, что без Учителя невозможно измениться и встать на правильный путь.

– Вопрос не в том, есть ли у тебя Учитель, а в том, можешь ли ты учиться, – сказал Ли. – Посмотри на Славика. Он слышит те же слова, видит те же техники, что и ты, но извлекает из этого нечто совсем другое. Конечно, формально можно сказать, что он учится, но он в основном впитывает ложные знания и делает ложные выводы. Главная же часть учения проходит мимо него. Люди вообще не замечают главные вещи. Прежде чем я вошел в твою жизнь, у тебя был другой Учитель, не менее значимый для тебя, чем я, но ты не слушал его и почти ничему не научился. Мое преимущество как Учителя в том, что я заставляю тебя слушать, но это дается нелегко. Как европейец, ты в основном понимаешь язык палки.

– О чем ты говоришь? – не понял я. – Какой Учитель у меня был до тебя?

– Самый лучший из учителей. Этот Учитель есть у каждого из нас, и я до сих пор прислушива-

юсь к его советам. Имя этого Учителя – Жизнь.

– Это слишком просто, – сказал я. – Естественно, что жизнь нас учит, но если бы она учила нас правильным и нужным вещам, в мире не было бы войн, и все были бы мудрыми и счастливыми.

– Ты не прав, – возразил Ли. – Дело не в том, что жизнь – плохой учитель, а в том, что у этого учителя плохие ученики. Они не обращают внимания на то, что происходит с ними и вокруг них, или не делают правильных выводов из преподанных им уроков. В большинстве случаев они даже не замечают, как жизнь преподает им уроки. Основатели клана Бессмертных когда-то тоже были обычными людьми, но их отличало от остальных умение учиться. Сейчас ты попробуешь увидеть то, чего обычно не замечаешь. Погрузись в медитацию воспоминаний и расскажи мне что-нибудь самое простое и обыденное из твоей жизни и жизни окружающих тебя людей. Постарайся увидеть эту жизнь так, как ты обычно ее видишь, а потом ты посмотришь на нее глазами человека, который умеет учиться у главного и лучшего Учителя всех живых существ.

Я попытался представить, что может быть самым простым и обыденным в моей жизни, когда голос Учителя оторвал меня от размышлений.

– Расскажи мне о твоём доме, твоих соседях и твоём дворе, – сказал он.

Я закрыл глаза и погрузился в медитацию воспоминаний. Сначала ко мне пришло чувство, согревшее мое сердце теплым ощущением любви к месту, где я появился на свет, а потом перед глазами начали проплывать картины из такой будничной и в то же время наполненной событиями, приключениями и страстями жизни моего двора.

Я жил в старой части Симферополя, в самом его центре, рядом с Центральным универмагом. Мой дом представлял из себя серое двухэтажное строение чуть ли не дореволюционной постройки. Подобно крепости, он окружал небольшой прямоугольный дворик, проникнуть в который можно было только через облупленную и благоухающую мочой арку. Когда грузовой автомобиль, ежедневно подвозивший товары к черному ходу продовольственного магазина, блокировал проход, ни одна машина не могла ни выехать, ни въехать.

Дом был таким старым, что в нем не было никаких удобств. Невообразимо грязный и вонючий туалет располагался внизу, рядом с дровяными сараями. Моя мать, с детства имеющая болезненную тягу к чистоте, незаконным образом, поскольку официально это делать не позволялось, провела к нам в квартиру холодную воду, и мы, на зависть соседям, стали первыми в доме обладателями большой чугунной ванны с титаном, отапливаемым дровами, и даже туалета. Правда, за недостатком площади и ванна и туалет располагались в узком коридоре между комнатой и четырехметровой кухонькой, и отделялись всего лишь матерчатой занавеской, но мы были счастливы. Гости, правда, чувствовали себя не совсем уютно, когда необходимость вынуждала их уединиться за занавесочкой, колыхавшейся от шагов людей, снующих по коридору, но нас это не беспокоило. Мы привыкли.

Каждый двор обязательно имеет свою местную достопримечательность. В нашем дворе такой достопримечательностью была моя мама. В течение последних тридцати лет жизни она болела раком. В молодости она перенесла брюшной тиф, туберкулез, и, помимо того, обладала уникальным набором всевозможных заболеваний, одна мысль о которых могла бы свести в могилу более впечатлительного и нервного человека. Но только не мою мать. Инвалидность первой группы не могла сломить сверхэнергичный, властный, непреклонный и прямолинейный, как линия коммунистической партии, характер Александры Авенировны. Ее образ мыслей был так же прямолинеен и непреклонен.

Мама всегда знала, что есть черное и что есть белое. Она молниеносно принимала решения и ни на секунду не сомневалась в их правоте. Коммунизм – это хорошо. Все остальное – плохо. Добро – это хорошо. Зло отвратительно и должно быть наказано. Мама не принимала возражений и не шла на компромиссы. Сослагательное наклонение полностью отсутствовало в ее лексиконе. Если она что-то изрекала, то это был приказ, и тот, кто посмел ослушаться приказа, вызывал на свою голову шквал возмущения, под которым трудно было устоять. Даже когда мне было уже за тридцать, и я переехал жить в Москву, мама регулярно писала мне письма, заполненные лозунгами и наказами приблизительно следующего содержания:

"Дорогой Шурик! Зимой приказываю тебе надевать шапку. Одевайся тепло и хорошо застегивайся. Запомни, деньги в жизни не главное, главное – честь. Будь чистым и

ешь хорошо..." и так далее.

Поскольку мама пребывала на пенсии по инвалидности, а добровольные общественные нагрузки и активная деятельность в местной коммунистической ячейке не могли поглотить все ей свободное время, большую часть дня она проводила, стоя у кухонного окна и активно вмешиваясь в жизнь двора. Грозовым командирским голосом она отдавала приказы, к которым все уже привыкли и на которые никто не обращал внимания.

Грузчикам магазина мама объясняла, как правильно разгружать ящики. Водителя машины, подвозившего продукты, она каждый день крыла последними словами за то, что он перекрывал вход в арку, мешая выходить на улицу, детям она давала указания, как они должны играть, и призывала их вырасти честными и всегда следовать заветам дедушки Ленина. Она вмешивалась в личную жизнь соседок, наставляя их, как лучше управляться с мужьями, этими эгоистичными грязными скотами, у которых кроме пьянки и баб ничего нет на уме. Словом, мама была умом, честью и совестью двора.

В отличие от мамы, остальные жители пребывали в убеждении, что между черным и белым существует широкий спектр всевозможных оттенков серого цвета, и вместо готовности умереть, отстаивая абстрактные принципы коммунистической морали, демонстрировали понимание того, что если хочешь жить хорошо, нужно уметь приспосабливаться. Иногда у меня создавалось впечатление, что моя семья была единственной во дворе, действительно живущей на одну зарплату. Прочие обитатели, подобно обществам, существовавшим на ранней стадии развития феодализма, процветали за счет натурального обмена. Каждый приносил с места работы все, что был в силах вынести.

Живущий под лестницей мясник регулярно радовал друзей и знакомых свежими кусками мяса. Его он обменивал на пояса, кошельки и обрезки кожи, которыми снабжал двор дядя Вася с кожгалантерейной фабрики, или на консервы, которые дядя Коля доставал на консервном заводе имени Первого Мая.

Тетя Нюра из продуктового магазина приносила все, что поддавалось разбавлению. Если бы можно было разбавить колбасу, она разбавила бы и ее. Она выносила продукты много лет, ни разу не попавшись, и была, так сказать, несунном-ветераном, но, как известно, даже профессионалы иногда совершают промахи, и она прокололась на нелепой случайности: внезапно нагрянувшая ревизия наткнулась на записку: "Маня, творог не разбавляй, я уже разбавила."

Пару раз в неделю с соседнего двора заходила толстая веселая хохлушка тетя Зоя с кондитерской фабрики, обменивая шоколад на прочие материальные ценности. Народ подхалтуривал и промышлял левыми заработками и кустарным производством. Но, как ни странно, вся эта нелегальная деятельность ускользала от бдительного ока мамы. Или соседи, испытывающие священный трепет перед ее непримиримой ненавистью к паразитам, расхищающим социалистическую собственность, очень хорошо конспирировались, или же мама подсознательно не хотела замечать пороков столь боготворимого ею строя и столь любимого ею двора.

Когда я впервые принес с уборки урожая несколько килограммов яблок, мама, заподозрившая, что фрукты мне достались не совсем честным путем, учинила скандал, по накалу страстей не уступающий монологу Тараса Бульбы, обвинявшего сына в измене родине, и мне пришлось уверить ее, что яблоками меня поощрили за передовую работу.

– Я горжусь тобой, сынок, – сказала мама. – Я сделала все, чтобы ты вырос честным человеком, и я не переживу, если ты свернешь на кривую дорожку.

Я торжественно поклялся быть честным, и инцидент с яблоками был исчерпан.

Естественно, что меновая торговля, как и совместное пользование туалетами во дворе не могли не порождать конфликтов, переходящих в небольшие локальные войны, жаркие, но довольно быстро заканчивающиеся. Но как бы ни враждовали соседи и как бы они ни поливали друг друга грязью, обмениваясь последними сплетнями и новостями, инстинкт самосохранения, а может быть чувство солидарности мелких нарушителей закона не позволяло им в разговорах с мамой упоминать о сомнительной деятельности прочих обитателей двора.

Но если теневая экономика ускользала от бдительного маминого ока, то ее любознательность с лихвой вознаграждалась хитросплетениями любовных историй соседей. Мама могла часами осуждать неверных супругов, с наслаждением подсчитывая количество любовников и вдаваясь в детали семейных ссор. Грозовым голосом она изрекала ло-

зунги, объясняя, какой должна быть добродетельная женщина и мать семейства, и как мужчина не должен терять достоинства и чести. Соседские кумушки согласно кивали, наслаждаясь, за неимением в то время телесериалов о душевных терзаниях богатых латиноамериканцев, страстями и приключениями собратьев по дому.

Похождения соседей вдохновили меня, и, воодушевившись, я позабыл об усталости. Ли весело хохотал, одобрительно покачивая головой на самых интересных местах.

– Тебе повезло, – сказал он. – У тебя был прекрасный опыт. Ты видел то, с чем многие люди не сталкиваются или чего они просто не замечают. И какие же идеи ты извлек из всего этого?

Я улыбнулся и пожал плечами.

– Хочешь жить – умей вертеться, – сказал я первое, что пришло в голову. – Нет смысла держаться за ложные принципы и идеи, и если хочешь жить более или менее нормально, иногда придется идти на компромиссы и небольшие конфликты с законом, в случае, когда это относительно безопасно и не угрожает тюремным заключением.

– А как же насчет совести? – спросил Учитель. – Где провести границу? Если ты можешь стащить яблоки из сада, или кошельки на фабрике, не значит ли это, что с той же легкостью ты сможешь украсть кошелек соседа?

– На этом ты меня не поймаешь, – усмехнулся я. – Ты сам говоришь, что нужно выбирать средний путь и что мораль и честь – понятия субъективные, которые каждый сам определяет для себя. В основном они зависят от культуры, времени и эпохи. В прошлом веке офицеры пускали себе пулю в лоб, если не могли заплатить долг чести – проигрыш в карты, но те же самые офицеры могли со спокойной душой не оплачивать свои счета у портных, не платить денег слугам, и совесть их нисколько не терзала. В то же время многие сейчас считают, что дуэли из-за женщин или самоубийство как путь избежать позора свидетельствуют о благородстве, чести и высокой морали дворян той эпохи.

Я бы скорее предпочел не драться на дуэлях и не проигрывать в карты, но при этом расплачиваться с реальными долгами людям, которые затратили для меня свое время и труд.

В то же время я не считаю преступлением принести яблок из колхозного сада, ведь все равно половину яблок растащат или они сгниют на складах. Государство столько лет нещадно эксплуатировало свой народ, что взять у него какую-то мелочь я не считаю зазорным. Но я не стал бы таскать консервы или кошельки с фабрики не из соображений морали, а просто потому, что внутренне мне было бы неприятно делать это. Однако это не значит, что я осуждаю соседей. Для них было бы трудно прожить и прокормить детей на одну зарплату.

– В чем-то ты прав, – сказал Учитель. – Но ты извлек из урока, который преподала тебе жизнь, только маленькую крупицу того опыта, который ты мог бы приобрести, если бы имел навыки обучения жизнью. Тебя всегда интересовали механизмы поведения людей, воинские искусства, способы существования тайных кланов, но все эти вещи – лишь адаптация к жизни, подобная той адаптации, которую ты можешь наблюдать в своем дворе.

В капле воды можно увидеть океан, а в океане можно увидеть каплю воды. Посмотри, разве не напоминает твой двор тайный клан, живущий в государстве по своим законам? Эти люди нашли свой способ существования в системе, которая не позволяет нормальному человеку работать так, как он хочет и получать соответствующий доход. Твоих соседей объединяет общая тайна, и даже если они ссорятся и враждуют между собой, эту тайну они не выдают никому из-за инстинктивного опасения, что если проговорятся они, об их незаконной деятельности тоже расскажут. В тайных обществах, особенно мафиозного типа, соблюдение секретности необходимо, иногда даже под страхом смерти.

Из примитивных соседских методов хищения социалистической собственности можно вывести целый ряд правил, которыми руководствуются шпионы тайных кланов. Например, из ошибки тети Нюры можно заключить, что никогда нельзя оставлять письменных свидетельств своего преступления. На этом можно попасться случайно или кто-нибудь потом сможет использовать документ для шантажа. Если бы тетя Нюра была умнее, она бы писала Мане записки специальным кодом, чтобы Маня могла понять, что творог уже разбавлен, а никто другой об этом бы не догадался. Кроме того, будучи профессионалами в своем деле, они без всяких записок на глаз должны были бы определять, разбавлен продукт или нет.

В существовании воина жизни не существует мелочей, и подобные детали очень важны для выживания в опасной ситуации. Из ошибки тети Нюры можно было бы сделать притчу, и тысячи подобных притч, основанных на реальной жизни и рассказанных воину в качестве уроков по осознанию, позволяют ему не совершать подобных ошибок. Ты не представляешь, сколько интересных вы-

водов можно сделать, просто анализируя жизнь твоего двора, начиная от изобретения методов шпионажа до психологии взаимоотношений людей. Возьмем, например, твою маму. Скажи мне, как ты и твои соседи относятся к ней?

– Я очень люблю ее, – ответил я. – Для меня нет более близкого человека. Она посвятила мне всю свою жизнь и дала мне столько любви, сколько редкая мать могла бы дать своему ребенку. Я не разделяю ее идей и убеждений, но бессмысленно перевоспитывать старого человека, и я стараюсь разговаривать с матерью на ее языке, чтобы не обижать и не расстраивать ее. То же самое относится и к соседям. Они любят и уважают мою мать, но прекрасно понимают, что есть темы, которых в разговоре с ней лучше не касаться, и стараются избегать подводных камней.

– Обрати внимание на одну вещь, – заметил Ли. – Твоя мать ведь очень любопытная, деятельная и неглупая женщина. Однако хотя она принимает самое живое участие в жизни двора, она так и не догадывается о незаконных проделках соседей. Как ты думаешь, почему это происходит?

– Я считаю, что она просто не хочет ничего видеть, – сказал я. – Она слишком хорошо относится к соседям, и для нее было бы тяжелым ударом признать, что ее друзья живут за счет того, что она считает тяжким преступлением против общества, совести и морали.

– Верно, – подтвердил Учитель. – Ее сознание выбирает только то, что безопасно для него, что оно хочет видеть. Все зависит от того, как воспринимать окружающую действительность. То, как ты смотришь на вещи, определяет твою модель мира.

– Модель мира? – переспросил я. – Что это такое? Об этом ты еще не говорил.

– Модель мира, – медленно сказал Ли, – это то, как человек видит мир, то, как его сознание этот мир отражает. – Мир огромен и непостижим, и наше сознание не в силах вместить и осмыслить его. Оно строит удобную схему внешнего мира, которая позволяет человеку существовать и выживать. Эта схема или модель очень неполная и приблизительная. Ее можно сравнить со способностью видеть, зависящей от согласованной работы глаз и мозга человека. Глаза воспринимают волны определенного диапазона. Инфракрасное и ультрафиолетовое излучение они уже не различают. Но тех волн, которые глаз воспринимает, мозгу достаточно, чтобы создать картину, дающую возможность человеку ориентироваться в пространстве. Модель мира позволяет человеку ориентироваться в социуме и в окружающей среде.

Модель может быть более узкой или более широкой. Модель может быть более правильной или менее правильной, более или менее рациональной. Чем более широкой и правильной является модель, тем легче существовать и адаптироваться к жизни носителю этой модели.

"Спокойные" по мере продвижения по пути все более расширяют и совершенствуют свои модели жизни. Истинное проникновение в суть вещей – это и есть построение полной модели, но лишь единицы приходят к нему.

– Красивая идея, – сказал я. – Но это всего лишь схема. А как ее можно применить в реальной жизни? Ли укоризненно покачал головой.

– Ты совсем обленился, – заметил он. – Похоже, прогресс в физическом совершенствовании оборачивается регрессом твоих умственных способностей. Когда ты начнешь думать самостоятельноно?

– Я всего лишь следую твоим указаниям, Учитель, – возразил я. – Ты сам учил меня, что если можно чего-то добиться более легким и простым путем, то не стоит ломиться в открытую дверь, пробивать лбом стены и чесать левой ногой правое ухо. Конечно, я могу придумать какую-нибудь теорию, но сейчас такая чудесная ночь, а ты рассказываешь так увлекательно, что я бы предпочел насладиться крупинками твоей мудрости вместо того, чтобы терзать нас обоих моими неуклюжими построениями.

– Да ты заговорил прямо как старик Хоттабыч, – восхитился Ли. – Ты готов на любые ухищрения, лишь бы не работать. Но в одном ты прав. Ночь действительно слишком хороша, чтобы убивать ее очарование твоими интеллектуальными рассуждениями. Подбрось-ка дров в костер, а то он совсем погас, и давай выпьем еще по кружечке чая.

Я набрал сухих веток, и пламя вновь взметнулось вверх, весело потрескивая и разбрасывая фонтаны искр. Учитель залил кипятком несколько щепоток трав. Свежий запах мяты защекотал мне ноздри. Мы пили чай в молчании, наслаждаясь шорохом легкого ветра в ветвях деревьев и пением цикад.

– Понимание моделей мира окружающих людей, – начал он, – это ключ к управлению ими. Почему люди вечно ссорятся, враждуют и не могут прийти к взаимопониманию даже со своими близкими? Дело в том, что их модели мира различны, и каждый убежден, что он действует правильно. Действительно, в рамках своей модели мира он прав. Я уже говорил тебе, что истина субъективна, и

что «Спокойные» предпочитают ни с кем не спорить, потому что спорить с убежденным бессмысленно так же, как наливать в чашку новый чай не вылив старый. Здесь чай символизирует модель мира. Не вылив чай, то есть не разрушив прежнюю модель мира, невозможно объяснить человеку точку зрения носителя принципиально другой модели.

Представь себе диалог убежденного фашиста и убежденного коммуниста. Они могут спорить до хрипоты, но так и не поймут друг друга и каждый будет считать своего оппонента чудовищем и моральным уродом, в то время, как в рамках своих моделей оба могут быть честными и ответственными людьми.

Но модель мира не обязательно ломать для того, чтобы изменить человека. Ее можно просто расширить, и эта возможность расширения бесконечна. Так, например, в какой-то момент жизни и фашист и коммунист могут заинтересоваться идеями даосизма и расширить свои модели мира до того, чтобы понять, что истина субъективна и научиться если не принимать, то хотя бы уважать чужую точку зрения. Тогда они начнут замечать не только различия между собой, но и определенное сходство – как, например, в силе своей убежденности, в верности долгу и т. д. Им больше не захочется спорить, и, если они даже не придут к взаимопониманию, то, по крайней мере, перестанут вызывать друг у друга первобытную ненависть.

Для того, чтобы научиться общаться с людьми, понимать их и управлять их поступками, ты должен научиться примерять на себя их модели мира, видеть мир их глазами, и угадывать законы, которым подчиняются их модели. Есть и другие способы управления людьми, например отключение их сознания от стандартной модели поведения за счет шокирующих, не укладывающихся в их модель мира воздействий словом или действием, и навязывание нестандартного для них поведения. Но об этом мы сейчас не будем говорить.

Давай снова вспомним твою маму. Она обладает прекрасными душевными качествами, – добротой, развитым чувством справедливости, состраданием к людям, благородством души, но ее модель мира узка, как кругозор разъяренного носорога. Когда-то она выбрала для себя набор правил, которым бездумно подчинила свое поведение и существование. Это – моральный кодекс строителя коммунизма. Самое удобное для человека – иметь такой набор правил. Тогда нет необходимости думать, в муках искать правильное решение, задаваться вопросами о смысле бытия и философских проблемах. Жизнь очень проста. Все, что соответствует правилам-хорошо, все, что им не соответствует-плохо. Ты уже изучил мамину модель мира и научился общаться с ней в рамках ее модели. Если бы ты стал спорить с мамой о том, хорошо или плохо приносить домой колхозные яблоки, утверждая, что все так делают, ты бы ни за что не смог ее убедить, и, скорее всего, довел бы ее до сердечного приступа от невыносимой мысли, что сын, которого она пыталась вырастить честным человеком, стал гнусным и бессовестным расхитителем социалистической собственности. Однако ты сказал ей, что яблоками тебя премировали за передовую работу, и ее модель мира позволила ей насладиться криминально добытыми фруктами без страданий и угрызений совести.

Но если модель мира твоей матери очень жесткая и ограниченная, то представления о мире твоих соседей более широкие и допускают большую свободу действий. Их модели позволяют им жить более или менее комфортно, но никому из них не приходит в голову продолжать расширять свою модель. Возможно, что дополнительно расширив свои модели мира, они изменили бы жизнь к лучшему, не прибегая для этого к кражам и мошенничеству.

– А что нужно делать, чтобы расширить свою модель? – спросил я. – Учиться?

– Люди востока и запада по-разному понимают слово "учиться", – сказал Ли. – Для европейцев «учиться» означает накапливать знания, по большей части не нужные в реальной жизни. В восточном понимании это слово означает постигать мир, что сильно отличается от накопления знаний. Человек может прочесть тысячи книг и заполнить свой ум множеством сведений, но его модель мира останется такой же крошечной и жесткой, какой была в десяти-двадцатилетнем возрасте. Примеров этому можно привести множество. Вспомни Паганеля из "Детей капитана Гранта". Он уже пожилой человек, знаменитый ученый, обладатель множества титулов, но его способность ориентироваться в реальном мире осталась на уровне рассеянного несмышленного ребенка. Конечно, Паганель – образ несколько гротескный, но среди интеллигенции встречается множество людей, подобных ему. Люди со сходными моделями тянутся друг к другу, потому что им легче общаться между собой, чем понять и принять другой способ видения мира. Воин жизни старается понять любую модель и взять из нее то, что может ему пригодиться.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Воин жизни намеренно выбирает людей с чуждыми ему моделями и учится видеть мир их глазами. Тогда он начинает воспринимать вещи по-новому. На этой земле живут несколько миллиар-

дов человек, и каждый считает, что именно он правильно ориентируется в окружающем мире и понимает больше других. Недаром люди вечно критикуют правительство и политиков, уверенные в том, что если бы они были президентами, то ситуация в стране немедленно улучшилась бы. Они обожают высказывать свое мнение и давать советы, особенно в областях, о которых они не имеют представления.

То же самое относится и к нациям. Обычно каждая нация уверена, что во многом превосходит своих соседей, и чем более невежественен народ, тем сильнее у него развито чувство собственного превосходства. Люди всегда с абсолютной уверенностью могут объяснить, почему они духовнее, умнее, трудолюбивее, честнее и порядочнее других. Но каждая модель мира – это приспособление к условиям существования, и каждая модель совмещает в себе более или менее адекватные представления.

Почему эмигранту так трудно приспособиться к условиям жизни в другой стране? Дело в том, что его модель создана в совершенно других условиях, и если ум человека недостаточно гибок, то вместо того, чтобы осмыслить отношение к миру коренных жителей, эмигрант считает их ограниченными личностями, неспособными понять его и оценить. Окружающие, на подсознательном уровне чувствующие его оборонительную позицию, тоже относятся к чужаку с подозрением.

"Спокойные" намеренно периодически меняли страну проживания для того, чтобы расширять и вливать свежую струю в свое восприятие мира. Они изучали новый язык, новые традиции и обычаи и впитывали в себя все лучшее, что имеет чужая культура, не теряя своей индивидуальности.

– Я сталкивался с подобным непониманием другой культуры, – заметил я. – Некоторые мои знакомые эмигрировали в Америку и другие страны, и хотя они там неплохо зарабатывают и живут гораздо лучше, чем в Союзе, они находятся в социальной изоляции и тоскуют по прежней жизни. Даже если они заводят там друзей, то не находят общих тем для разговора, общих интересов и не испытывают удовлетворения от общения.

– Это естественно, – сказал Ли. – Я уже много раз говорил тебе о кругах или плоскостях, соответствующих лучам фигуры восьми триграмм. Ты научился использовать их в бою, в общении, но я еще не упоминал о том, что каждый круг символизирует одну из восьми основных черт, характеризующих модели мира разных людей. Две из таких основных черт, используя привычный для тебя язык, можно назвать интеллектуальностью и эмоциональностью. Основная черта, характеризующая русских интеллигентов – это их стремление к излишней интеллектуальности, доходящее до абсурда. Их любимое занятие – собираться на кухнях и за бутылочкой вина или за чашкой чая рассуждать обо всем, о чем только можно, а заодно и делиться свежеприобретенной информацией. Они говорят о недавно прочитанных книгах, о новых идеях и теориях, о политике, о чувствах, об НЛО и восточных учениях и изобретают теории на все случаи жизни. Их цель и их удовольствие – в обмене информацией.

Легко понять, как сложилась такая черта их модели мира. Советский Союз – трудная страна для жизни. С одной стороны – суровый холодный климат, не позволяющий проводить много времени и развлекаться вне дома, с другой стороны – ограничения, накладываемые режимом на информацию, развлечения и поведение народа. У людей нет денег, чтобы ходить в рестораны, мало возможностей проводить время на танцах и вечеринках. Естественно, что создается специфическая форма адаптации к недостаточности физической активности, чувственных и эмоциональных впечатлений – погружение в мир книг и абстрактных интеллектуальных идей и теорий.

У американцев нет этих проблем. У них гораздо более мягкий и теплый климат, высокий уровень жизни, огромный выбор мест вне дома, где можно проводить свой досуг, вместо недостаточности информации скорее ее избыток за счет переразвитых средств массовой информации, многоканального телевидения, компьютеров и прочих радостей цивилизации.

Американцам нет необходимости адаптироваться к недостатку информации и впечатлений за счет погружения в пучины интеллектуальных рассуждений. Наоборот, им нужно отдыхать от переизбытка информации и впечатлений, расслабляясь в общественных местах, проводя время на море под жарким солнцем, занимаясь спортом, улучшая состояние здоровья и приобретая новые вещи, чтобы еще больше повысить свой уровень жизни.

Естественно, что когда русский эмигрант вместо того, чтобы повеселиться с американцем на дискотеке, навязывает ему интеллектуальную дискуссию, как своим русским друзьям на шестиметровой кухне, он встречает полное непонимание. В результате русские интеллигенты считают американцев невежественными и бездуховными, неспособными понять их загадочную русскую душу, а американцы считают русских высокомерными холодными занудами, с которыми нельзя нормально пообщаться и повеселиться.

Еще тяжелее взаимопонимание северных народов с южными, как, например, с неграми и латиноамериканцами. У них мы сталкиваемся с новой формой адаптации к окружающему миру. Низкий уровень жизни в сочетании с благодатным климатом и изобилием природы, дающей пропитание и кров формируют эмоциональный тип.

Завтрашнего дня не существует. Но сегодня светит солнце, кроны пальм колышет освежающий ветерок, ласковые волны накатывают на белый песок – жизнь прекрасна, и надо радоваться ей, танцевать, петь, любить и наслаждаться еще одним спокойным прекрасным днем, который нам подарила судьба. Люди собираются вместе не для того, чтобы обменяться интеллектуальными идеями, – нет, они обмениваются впечатлениями и чувствами. Они разделяют чувства друг друга и наслаждаются ими. Может быть, что их чувства столкнутся и высекут искру гнева, не сдерживаемую контролем рассудка. В гневе они могут убить друг друга, бросаясь в драку и не думая о последствиях, а могут так же быстро остыть и вновь танцевать и веселиться, радуясь, что жизнь прекрасна.

– Знаешь, я вспомнил анекдот на эту тему, – улыбнулся я.

- В Африке лежит негр под пальмой. Подходит к нему белый и спрашивает:
- Ты что тут лежишь?
- Жду, пока кокос упадет.
- А почему бы тебе не залезть на пальму и не нарвать кокосов?
- А зачем?
- Ты мог бы сложить кокосы в мешок, отнести на базар, продать, на вырученные деньги купить тачку, снова наполнить ее кокосами, продать их, купить автомобиль и возить кокосы на рынок в автомобиле.
- А зачем?
- Как зачем? Чтобы потом хорошо жить и не работать!
- А я и так хорошо живу и не работаю!

Ли расхохотался.

– Великолепный анекдот, – сказал он. – Мы видим, как сталкиваются две совершенно чуждые друг другу модели мира. Белому кажется, что негр бессмысленно растрчивает свою жизнь, валяясь целыми днями под пальмой, а негр совершенно убежден, что только полному идиоту может прийти в голову идея в такую жару собирать кокосы и таскать их на базар, чтобы в конце концов прийти к тому, что он делает сейчас – лежать под пальмой и наслаждаться покоем.

А теперь посмотрим, как сформировалась модель твоих любимых японских самураев. Особенности жизни на японских островах создали совершенно иной тип адаптации. Разгул стихии создавал постоянную угрозу жизни людей. Из-за частых землетрясений было опасно строить дома с мощными стенами, которые могли, обрушившись, похоронить под собой хозяев. Недостаток места заставлял возводить жилища очень близко друг от друга, поэтому все, что происходило за тонкими стенами тут же становилось достоянием соседей. Осознание нависающей смерти, которая могла настигнуть тебя в любой момент в сочетании с необходимостью сдерживать и скрывать свои чувства выработало сильную волю и внутреннюю дисциплину, способность ухода из жестокого и непредсказуемого внешнего мира во внутренний мир в поисках тишины и спокойствия духа.

Посмотри, какие разные модели мира, но разве можно сказать, что одна из них лучше другой? В каждой из них есть прекрасные качества и есть свои недостатки. Эмоциональность и способность наслаждаться жизнью латиносов не уравновешена контролем рассудка, и неудача или жестокое разочарование могут сломать или даже уничтожить их.

Суровая внутренняя дисциплина и уход в свой внутренний мир японцев с одной стороны создают прекрасных работников и воинов, но, с другой стороны, не позволяют полноценно взаимодействовать с внешним миром и наслаждаться жизнью.

Склонность к интеллектуальным рассуждениям русских интеллигентов выхолащивает и обедняет их эмоциональную жизнь, потому что рассуждать о жизни и жить – это совершенно разные вещи, но до некоторой степени они это компенсируют, сохраняя, развивая и передавая следующим поколениям культурные традиции и ценности.

Воин жизни, общаясь с носителями моделей с ярко выраженными основными характерными чертами, расширяет свою модель мира и свою способность к адаптации. Он развивает в себе внутреннюю дисциплину японца, детскую непосредственность эмоционального восприятия латиноса, холодную рассудочность северных жителей и умеет на основе своей модели конструировать другую, ложную или частную модель, которая нужна ему в данный момент и в данной ситуации.

Помнишь, когда я говорил тебе о "Вкусе плода с дерева жизни", я упоминал о "поедании плода" и "аромате плода". "Плод с дерева жизни" – это твоя жизнь, и в то же время это ты сам. Ты поедает плод и в то же время растешь и формируешь его. Для воина жизни, идущего к бессмертию этот процесс уничтожения и созидания самого себя вечен и символически может быть выражен в картине змеи, кусающей свой собственный хвост.

"Аромат плода" имеет непосредственное отношение к общению с людьми и с воздействием на них. "Аромат плода" – это твое отражение во внешнем мире. Он складывается из твоего внешнего вида, запаха, твоих привычек и характерных черт, из того, что ты сам думаешь о себе и из того, что о тебе думают другие. Его создают слухи, которые ты сам распространяешь о себе и слухи, которые распускают о тебе окружающие.

"Аромат плода" можно назвать внешним отражением модели мира, и можно сказать, что модель мира – это внутренняя основа "аромата плода". Чем шире и полнее модель мира человека, тем тоньше и незаметнее «аромат» его плода. Чем уже и акцентированная модель – тем сильнее и специфичнее соответствующий ей "аромат".

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – сказал я. – Но слово «аромат» все-таки больше у меня ассоциируется с запахом, и мне трудно создать в своем воображении образ, связывающий модель мира с запахом. Почему чем более полна модель мира, тем менее заметен ее аромат? Я думал, что полнота модели делает человеческую личность более сильной, насыщенной и яркой. Почему же это не выражается во внешнем проявлении модели?

– Да, похоже ты переутомился, раз задаешь подобные вопросы, – сыронизировал Учитель – Но твое непонимание связано еще и со спецификой языка. В китайском языке слово «аромат» имеет более широкий спектр значений и ассоциаций, чем в русском, и тебе надо создать в своем сознании соответствующую ассоциацию между словом «аромат» и проявлениями личности человека. Постарайся почувствовать то, что я имею в виду. Вспомни какую-нибудь очень яркую и выраженную личность.

Встречаются люди, при одном взгляде на которых окружающие чувствуют исходящую из них силу и энергию, есть люди, сразу вызывающие отвращение или жалость. Это чувство, порой неуловимое и трудно определяемое, а иногда сильное и устойчивое, которое возникает при виде кого-либо, при мыслях или воспоминаниях о нем и есть восприятие аромата его плода. Чем ярче выпячена какая-то сторона личности, тем сильнее аромат. Но чем полнее становится модель мира человека, тем меньше у него остается доминирующих черт характера.

"Спокойный" следует по срединному пути, прокладывая его между крайностями и противоположностями, и таким же становится его характер. В нем нет ни добра ни зла, ни добродетелей, ни пороков, ни любви, ни ненависти, ни радости, ни горя. В нем присутствует все, и в то же время в нем нет ничего. Он становится просто отражением окружающего мира, независимым и от него, и от превратностей судьбы. Поэтому он становится незаметным, и обычный человек просто не обратит на него внимания, не сможет прочувствовать и оценить его аромат. Воин жизни умеет быть незаметным, но, в случаях, когда это ему необходимо, он изменяет свой «аромат», искусственно выделяя наиболее подходящую для каждой конкретной ситуации частную модель мира с соответствующим ей «ароматом». Я много раз проделывал подобные трюки для тебя.

– Да уж, – усмехнулся я. – Никогда в жизни не забуду нашу первую встречу. Такого сногшибательного «аромата» я никогда в жизни не нюхал. Особенно когда ты плевал в пельменной пенками от кофе, а потом блевнул прямо у двери, чтобы показать мне, как облегчается воин перед боем.

– А что, неплохо получилось, – с гордостью произнес Ли и встал, потянувшись всем телом так, что хрустнули кости. – Мне понравилось выражение твоего лица, когда я схватил тебя рукой, испачканной в рвоте. Могло показаться, что тебя заставляют проглотить салат из протухших лягушек с пауками и скорпионами, но в твоих глазах была написана решимость идти до конца. За это я тебя и полюбил...

Решив последовать примеру Учителя, я тоже встал и потянулся, растягивая затекшие мышцы. Время уже перевалило далеко за полночь. Небо на востоке начинало потихоньку светлеть, предвещая приближение восхода. Ветер стих. Воздух был напоен свежестью и влажной прохладой, идущей от воды.

– Давай прогуляемся вдоль берега, – предложил Ли.

Глава 13

Во время одного из посещений совхоза «Жемчужный» я позвонил матери и узнал, что меня

просил срочно связаться с ним Алексей, сотрудник Комитета Госбезопасности и один из моих учеников.

– Это не телефонный разговор, – сказал мне Алексей. – Мне хотелось бы увидеться с тобой как можно быстрее.

Я приехал в Симферополь, мы встретились в центре города и зашли в кафе.

– Нам необходим специалист твоего уровня, – сказал Алексей. – Есть группа людей, которых нужно срочно обучить приемам ведения боя в узком тоннельном и окопном пространстве.

– А что это за группа? – поинтересовался я.

– Там увидишь. Тренироваться будете на Перевале, – сказал он.

– Мне сейчас сложно выкроить время, – с сомнением произнес я. – Вряд ли я смогу проводить занятия чаще, чем раз в неделю.

– Для начала этого будет достаточно, – немного подумав, решил Алексей.

Я уже имел некоторое представление о бое в узком пространстве и окопном бое, но все же решил спросить совета у Учителя, хотя и сомневался, что в традиции «Спокойных» мог входить этот, гораздо более современный вид боя.

– Умеющий сражаться и знающий принципы боя сумеет применить их к любой ситуации, в том числе и современной, – сказал Ли. – Мне странно, что ты считаешь искусство воинов жизни устаревшим. Разве я похож на выходца из мрачного средневековья? Боевое искусство «Спокойных» развивалось вместе с кланом и шло в ногу со временем. Тоннели и окопы имеют столь же старинное происхождение, что и искусство войны, а огнестрельное оружие и взрывчатка изобретены уже очень давно, так что, если хочешь, я покажу тебе и эту грань боевого искусства.

– Учитель, ты не возражаешь, если я буду выделять еще один день в неделю, чтобы вести тренировки на Перевале?

– Обучая других, ты учишься сам, – сказал Ли. – Так что я ничего не имею против.

Учитель привел нас со Славиком на поляну, которую он облюбовал для занятий.

– Я совсем забыл, что нужно было взять лопаты, – спохватился я. – Как же мы выроем траншеи?

– Ты не в армии, мой большой брат, – подразумевая скорее мой рост, чем уровень знаний, сказал Ли. – Зачем тревожить сон земли и бессмысленно уродовать ее лицо? Вам предстоит более сложная задача. Вы будете передвигаться в воображаемых окопах и тоннелях.

Он вынул из сумки моток веревки и объяснил, как ее натянуть, используя в качестве опоры вбитые в землю колышки. Веревки очертили контур изгибающейся под прямым углом траншеи.

– Когда вы перемещаетесь в окопе, голова и плечи могут подниматься над границей веревок, в тоннеле вы не имеете права пересекать эту границу, – сказал Учитель. – В настоящем окопе работать гораздо удобнее, потому что там можно опираться о стены или прижимать к ним противника. В таком варианте вы лишены этой возможности, поэтому первым делом вы должны с помощью мысленных образов построить границы окопа и чувствовать их своим телом, ни на секунду не забывая о них. Совершая удары или перемещения с опорой о стены или потолок, вы должны действительно ощущать прикосновение и отталкивание от воображаемых стен.

Мы заняли место в обозначенном веревками воображаемом окопе и приняли боевые стойки на полусогнутых ногах.

– Бой в окопе отличается от боя на открытом пространстве тем, что в данном случае возможность перемещения вбок и связанных с этим маневров крайне ограничена или вообще невозможна, – сказал Учитель. – Поэтому вам придется отказаться от столь любимых вами уходов в сторону. Ваша задача – стоять на месте, как вкопанным, ни в коем случае не нарушая границ окопа, и нейтрализовать удары противника за счет перевода его усилия в другую плоскость и мгновенной контратаки.

Сделав короткий взмах руками, Ли перемахнул через веревки и оказался у меня за спиной.

– Атакуй меня! – скомандовал он.

Я развернулся, и, сделав обманное движение, попытался нанести двойной удар, ногой и рукой одновременно. Сблокировав движение моей ноги направленным внутрь и вверх подъемом колена. Учитель облачным движением перенаправил бьющую конечность, толчковым импульсом выводя меня из равновесия. Он слегка придержал меня, потому что, если бы дело происходило в настоящем окопе, я должен был бы удариться головой о стенку.

Затем Ли показал схемы приемов и связок, которые нам предстояло отрабатывать в ближайшие три часа, и вновь перепрыгнув через веревки, сел на землю, наблюдая за ходом боя и время от времени делая замечания.

В течение нескольких дней мы со Славиком совершенствовали техники боя в узком простран-

стве, затем я, как обычно, уехал в совхоз "Жемчужный".

Вернувшись, я застал Учителя одного.

– Пока ты отсутствовал, мы со Славиком приготовили тебе сюрприз, – сказал он.

Ли повернулся ко мне спиной и быстрым шагом направился в лес. Заинтригованный, я последовал за ним. Подойдя к густым зарослям кустарника на краю небольшой поляны, он нырнул в них и жестом фокусника откинул грудку веток, искусно маскировавших сложенные среди кустов плотно набитые мешки непривычно удлиненной формы. На первый взгляд мешков было не менее двух десятков. Я прикоснулся к одному из них.

– В них камни и гравий, – сказал Учитель. – Половину из них ты уложишь на землю на полянке так, чтобы образовалась площадка размером приблизительно три на пять метров, остальные мешки нужно сложить в кучу около нее.

Я принялся за работу. К моему удивлению Учитель начал мне помогать. Выражение его лица было сосредоточенным и серьезным. Поскольку обычно работу подобного рода Ли предоставлял нам со Славиком, меня охватили неприятные предчувствия.

Когда все мешки были уложены, Ли совершил несколько движений туловищем, растягивая и расслабляя мышцы спины.

– Эти мешки предназначены для обучения тоннельному бою. Тут самое сложное даже не в том, чтобы научиться драться, а в том, чтобы быть психологически подготовленным к столкновению под землей или в узком пространстве. У тебя большое тело, и поэтому тебе не будут нравиться узкие тоннели.

Упражнение, которое ты сейчас будешь выполнять, избавит тебя От страха нахождения под землей. Ложись лицом вверх в центр площадки, выложенной из мешков.

Я сделал то, что он просил, с нарастающим помимо моей воли чувством беспокойства.

– Не волнуйся, мы славно проведем время, – с вкрадчиво-ласковыми интонациями успокоил меня Учитель, и, подхватив один из мешков, уложил его поперек меня, накрыв живот и грудь. От придавившей меня тяжести стало трудно дышать, острые камешки щебня впились в тело.

Ли подхватил новый мешок и уложил его рядом с первым так, что мешки слегка перекрывали друг друга. Вскоре я весь оказался завален мешками, и когда очередной из них, опускаясь, больно ударил меня по лицу, я не обратил на это внимания, всецело сосредоточенный на усилиях, которые требовало от меня дыхание, и на раздражающей боли, причиняемой все сильнее впивающимися в тело камнями.

Полностью укрыв меня и площадку оставшимися мешками, Учитель принялся прочно связывать друг с другом их уголки, соединяя мешки верхнего слоя друг с другом, а также, по периметру, с нижним слоем мешков. Для придания всей конструкции особой прочности, одной длинной веревкой он, перевязывая мешки по центру, соединил их друг с другом, как бревна плота.

– Для начала ты должен приспособиться к жизни почти без дыхания, – сказал Ли. – Не шевелись, просто равномерно дыши и постарайся почувствовать себя удобно.

Мысль о том, что кто-либо в подобной ситуации способен чувствовать себя удобно, вызвала у меня нервную усмешку. Легкое движение, сопровождающее ее, отозвалось болью от трения о щебень. Дыхание сбилось, и на мгновение я ощутил панику.

– Теперь я могу представить себе, что испытывают люди, страдающие клаустрофобией, – мелькнула мысль.

– Тут есть один трюк, – донесся до меня голос Учителя. Постарайся раздвинуть локти и согнуть руки так, чтобы основная тяжесть мешков приходилась на них, а не на грудную клетку. Тогда тебе легче будет дышать.

– Это проще сказать, чем сделать, – подумал я, аккуратно высвобождая начинающие затекать руки.

Мне удалось их согнуть, и, сжав в кулаки, расположить на нижних ребрах и солнечном сплетении. Действительно, дышать стало гораздо легче. Этот маленький успех приободрил меня. Я расслабился, и постепенно назойливая, как комариные укусы, ноющая боль от впивающихся в тело камешков перестала меня беспокоить. Я даже начал испытывать удовольствие, одновременно радуясь и гордясь тем, что мне довелось испробовать на себе такую интересную методику подготовки.

– О, да у тебя тут целая библиотека, – снова донесся до меня голос Учителя. – Ну-ка, посмотрим, что тут у нас. Надо же, "Похитители бриллиантов" Буссенара. Всю жизнь мечтал прочитать ее.

Я понял, что Ли изучает содержимое моего рюкзака. Чтобы не скучать в дороге, я захватил с собой из дома несколько книг, которые читал, курсируя между совхозом и Партизанским водохранилищем.

Шаги Учителя проскрипели по щебню, и он, взбравшись на мешки, покрывающие мое тело, удобно улегся там и, раскрыв наугад "Похитителей бриллиантов", принялся читать вслух абзац, посвященный погоне уже не помню кого и за кем. Дополнительная тяжесть снова вызвала затруднения в дыхании, но я уже привык к своему мешочно-каменному плену с его специфическим запахом и убедился, что если захочу, смогу адаптироваться даже к гораздо большему весу.

Учитель периодически ворочался и менял положение тела, но боль от перемещения щебенки в мешках уже почти не беспокоила меня.

– Попробуй перевернуться на живот, – сказал Ли. Поворот занял у меня, наверно, минут пять, но зато я понял, как его делать.

– Теперь ползи, – услышал я новую команду. Я переместился примерно на метр вперед, когда Учитель велел мне двигаться назад. За три часа, делая небольшие перерывы для отдыха, я научился передвигаться взад-вперед, подтягивать конечности к туловищу, выпрямлять их, и в разных направлениях просовывать руки и ноги между мешками. Для того, чтобы легче перемещаться, я по совету Ли, выполнял небольшие волнообразные движения корпусом и конечностями, подобно тому, как это делает гусеница. Просовывая руку между мешками, я волнообразными движениями кисти вслепую отыскивал места соединения мешков и, нащупывая направления наименьшего сопротивления, мелкими толкательно-колебательными движениями протискивался между ними.

Наконец три часа прошли, и Учитель разрешил мне выбраться на свет божий. Радость, которую я испытал, увидев солнце, деревья и траву, наверно, была сравнима с той, которую мог бы ощутить человек, неделю проплывавший в пещерных лабиринтах и уже не чаявший выбраться наружу. Я был весь истерт, ободран и помят. Лишь недели через три подобных тренировок мое тело привыкло к давлению щебня, я научился достаточно ловко передвигаться среди мешков, и больше не испытывал серьезных неудобств.

– К сожалению, навык, который ты приобрел, без регулярного подкрепления тренировками быстро теряется, – сказал Учитель. – Поэтому если тебе предстоит бои в узких пространствах, ты должен начать тренироваться и укреплять свое тело не менее, чем за месяц перед выходом на задание. Эту методику ты вполне можешь порекомендовать своим ученикам.

Помимо подготовки тела, мы со Славиком продолжали регулярно отрабатывать техники окопного и тоннельного боя как с оружием, так и без, и, по совету Учителя, во время моих тренировок на Перевале, я дополнительно прорабатывал те элементы, которые требовали опоры о стенки-окопа или стенки и потолок тоннеля, поскольку с веревочной моделью окопов я мог изучать их больше в теории, чем на практике. Более подробно я собираюсь описать технику боя в узком пространстве в одной из книг серии "Бой на поражение. Спецтехники. Выживание", выпускаемой в настоящее время издательством "Саттва".

Каждый раз, возвращаясь с Партизанского водохранилища в Симферополь, я испытывал ни с чем не сравнимую радость свидания с родным городом. Я был очень к нему привязан. Не помню точно, кому из моих современников принадлежит высказывание "человек счастлив тогда, когда он испытывает радость, отправляясь на работу, и с той же радостью возвращается домой". Возможно, я процитировал его не совсем точно, но смысл был именно таков, и с этой точки зрения я мог считать себя абсолютно счастливым человеком. Я был счастлив, уезжая в леса тренироваться с Ли, меня развлекали занятия и события, которые происходили в совхозе «Жемчужный», и исключительно интересными и полезными для меня с профессиональной точки зрения оказались тренировки на Перевале.

"Жигули" с несколькими ребятами из Комитета поджидали меня на автовокзале. Менее чем за час мы доезжали до базы на Перевале, и уже пешком добивались до вырытых в земле моделей окопов и участков тоннелей с поворотами, разветвлениями, подходами сверху и снизу и всеми прочими необходимыми аксессуарами.

Я делился с ребятами техниками, которые заранее обдумывал и отрабатывал в тренировках со Славиком, дополняя их знаниями, полученными от Учителя и методиками тренировок, изученными мной по закрытым разработкам нашего и зарубежного происхождения.

Тренировка занимала несколько часов, а затем те же «жигули» отвозили меня обратно к автовокзалу. Следующим пунктом программы был обход друзей и знакомых, многие из которых жили недалеко от автовокзала и, успешно выживая в суровых условиях застойного времени, занимались всевозможной кустарной, околоскучарной и некустарной деятельностью. У меня было несколько знакомых ювелиров, перекупщиков книг, меховщиков и так далее. Если кого-то не оказывалось дома, я отправлялся по другому близлежащему адресу и там, попивая чаек и закусывая его бутербродами и печеньем, узнавал последние симферопольские новости.

За фасадом сонного спокойствия провинциального южного городка бурлила активная жизнь, скрытая от глаз курортников и приезжих, и набор свежих пикантных сплетен, которыми со мной взахлеб делились друзья, обычно оказывался впечатляющим и поучительным.

Компания друзей из университета собралась в Среднюю Азию отлавливать в пустыне скорпионов, чтобы подзаработать, продавая их яд.

Городские дурачки Тюбетейка и Вовочка развлеклись, с помощью дымовой шашки разыграв пожар в кинотеатре.

Местная достопримечательность по кличке Помидор, разъезжая по улице 8 марта на краденом милицейском мотоцикле безуспешно попытался спалить дома нескольких своих недругов, бросая в них бутылки с зажигательной смесью.

Но наиболее популярной была тема кладоискательства. Один из моих знакомых конструировал металлоискатель собственного изобретения, надеясь с его помощью отыскать легендарный клад, согласно легендам, оставленный в никем так и не обнаруженной пещере Эски-Кермена, другой мой приятель по ночам старательно раскапывал курганы, с наступлением рассвета забрасывая землей только что вырытую яму, чтобы конкуренты или представители власти не догадались о его намерениях, а поскольку ночь неизменно оказывалась слишком коротка, ему так и не удалось докопаться до сокровищ.

Эмпирически он выяснил, что в полнолуние его силы многократно возрастают, и перенес раскопки на этот период, но, несмотря на то, что он копал, как бульдозер, к рассвету до воображаемого клада оставались неизменные и непреодолимые полметра грунта, и мой друг, подавляя в душе горечь разочарования, вновь закапывал и маскировал яму. Сплетни не только развлекали меня, но и служили источником полезной информации. На всякий случай (а вдруг пригодится?), я разузнал в подробностях, как именно ловят скорпионов в пустыне, сколько стоит яд и кому его можно продать.

Опыт изучения народной медицины в сочетании со знаниями по методам лечения «Спокойных», полученными мной от Учителя, способствовал тому, что со временем я приобрел устойчивую славу целителя и чудотворца среди моих знакомых и их многочисленных родственников. Как правило, помощь, которую я им оказывал, была более действенна, чем та, которую они получали от врачей. Отчасти это объяснялось удивительной простотой и эффективностью народных и шоу-даосских методов лечения, а с другой стороны, не малую роль тут играл и психологический фактор. Мой авторитет был настолько велик, что больные неукоснительно следовали всем моим рекомендациям, четко соблюдая предписанный им режим жизни, время и дозировку приема лекарств или проведения массажных процедур.

В день, который я собираюсь описать, я отправился на Битак, в хитросплетение маленьких домиков, где жил Николай, зарабатывающий на жизнь разведением песцов. У ворот меня перехватила его бабушка, со вздохами и стонами жалуясь на ломоту в руке и плече. Я продал ей несколько точек. Боль прошла, и старушка, для памяти несколько раз повторив, где и как она должна массировать точки и какие травы принимать, отправилась в дом, чтобы подробно все записать, а я пошел к искусно замаскированным со стороны улицы клеткам с песцами, около которых возился Николай. Он как раз поправлял металлические щиты, скрывающие клетки от посторонних глаз, и, тихо ругаясь, прикрывал их дополнительным слоем ненужных вещей и мусора.

– Ты представляешь, мать его так, – поприветствовав меня, возмущенно сказал Николай. – По ночам повадились наезжать фининспектора и ходить по улице, прислушиваясь, не доносится ли откуда лай песцов. Потом под любым предлогом они пытаются пролезть в дом. Уже ни ночью ни днем покоя нет. Если бы не злющие собаки, меня с моим хозяйством уже давно бы замели. Приходится делать дополнительную загородку и так наваливать вещи, чтобы трудно было понять, где моя земля, а где соседская. Просто кошмар какой-то, приходится каждый день мыть клетки, чтобы избавиться от запаха, а то у этих инспекторов нюх, как у ищеек.

Клетки, стенки, пол и потолок которых были сделаны из мелкаячеистой звероводческой сетки, поднимались вверх несколькими ярусами. Полы клеток тоже были сетчатыми. Под ними располагались сливы для нечистот. Так мех зверьков сохранялся чистым, а нечистоты было легко убирать.

Песцы были совершенно ручными. Несколько минут я поиграл с моим любимцем Борькой, а потом обратился к поглощенному маскировочными работами Николаю:

– Мне нужно проработать кое-какую литературу. Могу я на время уединиться?

Николай, уже привыкший к подобным просьбам, отвел меня в сарайчик, и там, при свете тусклой лампочки, я углубился в чтение материалов по специальной военной подготовке и разведывательно-диверсионной деятельности, которыми снабжали меня ученики с Перевала.

Время летело быстро. Примерно за час я ознакомился с несколькими чрезвычайно интересными

для меня документами. Я был настолько увлечен и сконцентрирован на учебе, что если не слово в слово, то по крайней мере движение в движении запомнил все построения, технику, рекомендации и содержание этих закрытых пособий как иностранного, так и отечественного происхождения.

Уже тогда у меня зародилась идея создания УНИБОС – универсальной боевой системы, предназначенной для армии, флота и правоохранительных органов и вбирающей в себя лучшие методики и рекомендации из воинского искусства «Спокойных», а также современные разработки советских и западных спецслужб.

Я не без гордости подумал, что, пожалуй, если не в мире, то в Советском Союзе я точно оказался чуть ли не единственным специалистом, который обладал достаточной полнотой информации как по прикладным военным тематикам, так и по методикам подготовки бойцов восточных единоборств.

Благодаря слиянию методического материала, получаемого из двух источников – от Ли и от заинтересованных в моих услугах комитетчиков рождалось новое качество – благодаря знаниям, полученным от Учителя, я прекрасно видел моменты, которые можно было улучшить в прикладной военной подготовке, и мог на базе уже имеющегося опыта без труда шагнуть дальше – то есть разработать любые психофизические рекомендации в специальной подготовке для относительно новых для меня тем, одной из которых являлся, к примеру, тоннельный и окопный бой.

Может быть, чересчур самонадеянно говорить, что я был чуть ли не единственным специалистом, получившим такой объем информации, но вращаясь в среде, с которой я в то время общался, я понял, что накопленные мною знания по своему объему, качеству и детальности во многом превосходили знания многих инструкторов-профессионалов высочайшего класса, к которым я всегда относился и сейчас отношусь с большим уважением. Зачастую им не хватало знания маленьких специфических нюансов исполнения отдельных приемов, некоторых основ теории психологических методов воздействия на противника или психофизических способов повышения резервов организма бойца, тех самых тонкостей, которые собственно и придают особое качество великолепно разработанным спецслужбами военным техникам, предназначенным для боевых условий, сохраняющим жизнь и экономящим силы и средства.

Тренировку с Николаем пришлось отменить. Один из моих знакомых заранее ему позвонил и сказал, что с такого-то по такое-то время у кинотеатра «Мир» меня будет ждать другой мой друг, Игорь, который хочет сделать мне какое-то очень выгодное предложение.

Я быстрым шагом направился к кинотеатру, радуясь, что Игорь выбрал для встречи столь удобное для меня место. Оттуда я мог подняться на Неаполь Скифский и пройти к телевышке, недалеко от которой жила одна из моих любовниц, и там закончить столь насыщенно проведенный день горячей ванной и изысканным ужином со свечами и цветами.

Игорь и еще пара моих приятелей сидели на лавочке около кинотеатра и о чем-то оживленно переговаривались.

– Здорово, что ты пришел, – поднялся мне навстречу Игорь, награждая меня энергичным крепким рукопожатием. – Тут подворачивается одно дельце, ты на нем сможешь неплохо заработать.

Игорь не относился к категории кладоискателей и ловцов удачи. Его бизнес был солидным, и если он что-то предлагал, это стоило послушать. Я познакомился с ним через одного из своих учеников, ставшего впоследствии директором агропромышленного комплекса. Игорь приходился ему каким-то дальним родственником. Небольшого роста, но красивый и хорошо сложенный, Игорь, возможно в силу текущей в его жилах благородной польской крови, причислял себя к аристократам и пытался жить в полном соответствии со своими аристократическими притязаниями. Естественно, что поддержание подобного имиджа в застойном Союзе требовало немалых средств, и он их зарабатывал, переправляя на Север крымские овощи и фрукты.

Дело было прибыльным, но не простым. Фрукты могли испортиться из-за задержки самолета, естественно, что в нужных местах приходилось подмазывать местные власти, но главное – по закону Игорь не имел права просто купить фрукты, отвезти их на Север и продать. Это была бы спекуляция, карающаяся долгим тюремным заключением. Можно было торговать только сельхозпродукцией, выращенной на собственном приусадебном участке или полученной в совхозе в качестве натуроплаты за работу по сбору урожая.

Игорь набирал ребят, организуя бригаду по сбору фруктов. Он предложил мне вступить в эту бригаду, предлагая не только оплатить мне стоимость полученной мной натуроплаты, но еще и от себя добавить такую же сумму. Члены бригады давали ему доверенность на продажу заработанных ими фруктов, и он мог лететь на Север, имея на руках абсолютно законные документы.

Хотя я нуждался в деньгах, а предложение Игоря было очень заманчивым, я, вздохнув, отказался. Время, которое я проводил с Ли, было для меня слишком ценным, и я не променял бы его ни на

какие деньги, даже если бы мне пришлось голодать.

Ночь я провел у любовницы, и лишь под утро заглянул домой, чтобы поцеловать маму, сменить одежду и, прихватив кое-какие вещи, снова отправиться на Партизанское водохранилище, на встречу с Учителем.

Глава 14

Многие психофизические тренировки и медитации, которые я выполнял, имели прямое или косвенное отношение к "осознанию нити жизни" – комплексу упражнений, одной из задач которого являлось осознание себя во времени. Медитации воспоминаний, относящиеся к разряду "воспоминания о том, что было", представляли собой часть комплекса упражнений "нити жизни". Во время тренировок на Партизанском водохранилище Ли неоднократно возвращался к этой теме.

После трехчасового спарринга со Славиком, посвященного отработке приемов "рубки и валки бамбука", мой напарник с сожалением покинул нас и отправился на службу, а мы с Учителем перешли к одному из самых приятных для меня занятий – разведению костра и приготовлению пищи.

– Никто не знает, где и когда зарождается нить жизни, и как она заканчивает свой путь, – сказал Ли. – Она исходит из бездонных глубин прошлого, на короткий миг озаряется светом твоего сознания, чтобы затем вновь устремиться в бесконечность. Если взглянуть по-особому на этот мир, то можно увидеть его состоящим из мириад пересекающихся, запутывающихся, связывающихся в узлы и вновь разбегающихся в разные стороны нитей жизни. Пока живое существо осознает себя, его нить жизни светится более ярко или более тускло, когда жизнь и сознание затухают, нить становится тонкой, прозрачной и почти неразличимой, но она не исчезает, потому что ничто в этом мире не может исчезнуть бесследно.

Для меня созерцание нитей жизни всегда таило в себе невыразимое очарование, оно уводило меня в глубины знаний, чувств и открытий, которые я не смог бы получить другим путем. Нити жизни, идущие из прошлого, передавали мне опыт множества поколений людей, появившихся на этой земле прежде, чем я появился на свет, а направленные в будущее части нитей манили меня новыми неведомыми горизонтами познания.

– Сегодня перед тобой откроются новые возможности, которые дает "осознание нити жизни", – продолжал Учитель. – Они связаны с морально-этическим осознанием себя в этом мире, с переоценкой собственного мировоззрения, сформированного на основе опыта предков, и в создании особого мироощущения, свойственного воинам жизни.

– Раньше, когда ты упоминал о нити жизни, я всегда считал, что она пронизывает существование человека от его рождения до смерти, но я не представлял ее бесконечной, – сказал я.

– Я давал тебе упрощенное представление, необходимое для выполнения медитации воспоминаний, – сказал Ли. – Не забывай, что прежде, чем прийти к истинному знанию, тебе предстоит многократно пройти по кругам ложных знаний, так что не удивляйся тому, что то, что я говорю сейчас, может отличаться от сказанного тебе ранее. На смену простым схемам приходят схемы более сложные. Истинное знание – это отсутствие схем, но без создания схем обычный человек не способен мыслить, а ты, к сожалению, пока еще не стал Бессмертным. Скажи, насколько сильно ты ценишь тот факт, что ты вообще родился?

– Я думаю, что это здорово, – слегка растерявшись, ответил я. – По правде говоря, раньше я об этом как-то не задумывался. Если бы я не родился, то некому было бы сожалеть об этом, а раз я способен осознать факт своего рождения, я понимаю и то, что это произошло, независимо от моей воли, и поэтому для меня немного странно давать оценку такому событию. Я просто родился – и все.

– В этом все вы, европейцы, – укоризненно посмотрел на меня Учитель. – Покупая в магазине новую одежду, или побеждая в драке какого-либо тупоголового придурка, вы радуетесь как дети, а самый потрясающий факт – то, что вы вообще появились на свет, оставляет вас равнодушными.

– Да нет, – попытался защититься я. – Когда ты заговорил об этом, я действительно понял, что мне повезло не только родиться, но и жить такой интересной жизнью.

– Ты понял это умом, но не душой и не сердцем, – сказал Учитель. – Пройдет еще много времени, пока осознание ценности жизни и собственной уникальности станет частью тебя. Прежде чем приступить к медитации по осознанию ценности жизни, ты сделаешь одну вещь. Ты расскажешь мне то, что знаешь о своих предках, о том, какая удивительная цепочка случайностей привела к твоему появлению на свет. Возвращаясь к своим корням, вспоминая предков, ты поймешь, почему ты стал таким, какой ты есть, какая часть их осталась в тебе, и как их жизнь повлияла на твою жизнь и твое мировоззрение. Подумай, сколько раз нить твоей жизни могла прерваться еще задолго до твоего ро-

ждения.

— Но если меня еще не было, как могла существовать нить моей жизни, и как она могла прерваться до моего рождения? — спросил я.

— До твоего рождения существовало некое хитросплетение нитей жизней твоих предков, которые, как маленькие ручейки в реку, сливались в то, что потом стало нитью твоей жизни. Так что в потенциале нить твоей жизни существовала всегда, но если бы ты не родился, она так и не стала бы твоей, а преобразовалась бы еще в чью-нибудь нить жизни, не обязательно человеческую.

Я задумался. Действительно, с детства мое мировоззрение было не таким, как у сверстников. По своему восприятию жизни я, скорее, принадлежал к старшему поколению, к поколению моих родителей.

Моя мать родилась еще до революции, а я появился на свет, когда ей было 49 лет. Отец был на десять лет младше матери, но на его долю выпало больше испытаний, чем на долю родителей моих одноклассников. И мать и отец не вписывались в современную жизнь, оставшись в моей памяти легендарными образами героев первых советских кинофильмов, прославляющих беззаветную преданность Родине и делу коммунизма.

Мои дядя, деды и прадеды тоже резко выделялись среди своего окружения несгибаемой волей, физической силой и уверенностью в себе. Судьба так часто проверяла на прочность моих предков, что нить моей жизни могла оборваться сотни раз еще до моего появления на свет.

Своей фамилией Медведев я обязан прапрапрадеду по линии отца, который раньше носил совсем другую фамилию и был крепостным крестьянином. По распоряжению хозяина основатель династии Медведевых занимался извозом соли. Как-то в пути на него, как часто случалось в те дни, напали разбойники. Прапрапрадед, обладавший необычайной физической силой, переколотил всю банду, связал, сложил на воз, отвез в город и там сдал в жандармерию. Пораженный отвагой своего холопа, помещик дал ему кличку «Медведь», а впоследствии переправил ему фамилию на "Медведев".

Мой прапрадед прославился тем, что, мстя за смертельную обиду, убил своего помещика, а сам сбежал на Запорожскую Сечь, откуда перебрался в Крым, присоединившись к разноязыкой вольнице переселенцев из других областей и крепостных, бежавших, как и он, от гнета помещиков. Единственным способом заработать на жизнь для большинства этих людей, в том числе и для моего прапрадеда оказалась работа в Аджимушкских каменоломнях. Все члены рода Медведевых обладали крепким здоровьем и недюжинной силой, а также тягой к грамоте. Несмотря на то, что по традиции большинство Медведевых зарабатывали на жизнь, добывая камень в Аджимушкских каменоломнях, они собирали книги, со временем составившие большую библиотеку, что было совсем не свойственно по большей частью неграмотным каменотесам.

Поначалу рабочие каменоломен жили в небольших кельях, вырубленных ими прямо в толще известняка, где оконные стекла заменяли растянутые и надутые бычьи пузыри. Постепенно люди стали перебираться в хижины, которые строили рядом с каменоломнями. Когда-то хижина моего отца находилась на том самом месте, где сейчас расположен вход в музей Аджимушкских катакомб.

Я был совсем маленьким, когда отец показал мне место, где он родился, и впервые познакомил меня с удивительным миром катакомб, с этим сказочным, полным приключений и романтизма подземным городом. Помню, как меня испугали доносящиеся из глубин подземелья страшные нечеловеческие крики, искаженные многократным отражением от стен подземелья. Кто-то дурачился внизу, но я, решив, что там в глубине скрывается нечто неведомое и страшное, схватил валяющийся поблизости камень и сжал его в руке.

Это простое действие избавило меня от страха. Я вдруг ощутил, что простой осколок булыжника, зажатый в моей руке, может стать грозным оружием, и почувствовал себя спокойным и готовым защищаться. Отец мне уже демонстрировал свое мастерское умение метать камни. На охоте он иногда пользовался пращей, умело подбивая птиц. Идея использовать камень как оружие оставалась для меня чисто умозрительной до тех пор, пока испуг от криков не заставил меня ощутить камень частью своей руки, частью себя самого. Камень стал для меня реальным оружием, делающим меня гораздо более сильным и, как мне казалось, почти неуязвимым.

Несмотря на тяжелые условия жизни, до революции некоторым Медведевым удалось получить образование, и один из них даже стал смотрителем инженерных работ, что позволяло ему укрывать в одной из шахт нелегальную типографию революционеров.

Обостренное чувство личной независимости и справедливости заставило моих дедов примкнуть к революционерам, и все они стали пламенными коммунистами.

Отец родился и вырос в условиях крайней нищеты, в семье рабочего каменоломни. Он был двенадцатым в семье, после него родились еще пятеро детей. С раннего детства он трудился в каменоломнях, и к шестнадцати годам ему сделали более десяти операций по поводу грыжи. Он пережил несколько голодовок, и трудности закалили его, сделав его характер жестким и бескомпромиссным. Чем суровее была отца жизнь, тем с большей силой и упорством он сопротивлялся. Он научился переносить сильную боль, выживать в самых сложных условиях. Он мог ночевать под открытым небом и питаться улитками, моллюсками и дикорастущими растениями, а также всем, что движется и чье мясо не ядовито, будь то змея, ежик, ящерица или дикая птица.

Отец приобрел психику и навыки естественной жестокости, сравнимые с навыками первобытных охотников, проводящих всю жизнь в лесах и не думающих ни о гуманности, ни от том, имеют ли животные душу, но твердо усвоивших одну простую истину – чтобы выжить, ты должен убивать.

Эти навыки сослужили отцу прекрасную службу во время Великой Отечественной войны, когда он с такой же легкостью перерезал ножом горло немецким солдатам, как когда-то убивал и разделывал ежей. В дни войны моя нить жизни могла прерваться неслучайное количество раз. Отец был героем. Его фронтовые рассказы – это летопись приключений. Он начал воевать в составе Терской казачьей дивизии, служил в разведке, был командиром оружейного расчета, не раз оставался на прикритии, выходил из окружений, сходил с фашистами врукопашную, но каждый раз, раненый, изможденный, он оставался в живых. Несколько раз он был единственным, кто выжил из разведгруппы или из войсковой части.

Ордена и медали отца, его военные истории будоражили мое сознание, и до сих пор для меня 9 мая – это великий праздник великого народа, людей, которые не по своей вине прошли через почти невыносимые лишения и страдания, и сумели все преодолеть и победить.

Свойственная Медведевым тяга к знаниям проявилась и у него, и после войны отец закончил Тимирязевскую Академию, защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавателем сельхозинститута. По своей инициативе он изучал многие народные методы лечения людей и скота, превосходно знал лекарственные травы и в случае болезни мог поставить себя на ноги не хуже любого врача.

Даже сейчас, хотя отцу уже за 80, он остается тем же волевым и негибким человеком. Он продолжает жить в Крыму, в условиях послеперестроечного развала, царящего на Украине, и все так же ходит на охоту, собирает дикорастущие растения, выращивает фрукты и овощи на крошечном дачном участке, словом, продолжает выживать так же, как он это делал во времена работы в Аджимушкайских каменоломнях и в период Великой Отечественной войны.

Мне вспоминаются еще два случая из жизни отца, когда судьба буквально чудом не прервала его и мою нить жизни.

Первый случай произошел, когда отец был еще младенцем. Братья, которые должны были присматривать за ним, решили отправиться на море, и, собираясь купаться, они оставили спеленутого отца лежать на краю причала. Только собираясь возвращаться домой, они вспомнили о младшем брате и взглянули на причал. Ребенка не было! В недоумении мои дядя бродили по причалу взад-вперед, и вдруг один из них заметил поднимающиеся со дна и лопающиеся на поверхности пузыри воздуха. Отца удалось спасти. К удивлению братьев, он даже не захлебнулся. После этого его прозвали «Бульбой», не по ассоциации с легендарным казаком, а напоминая этим прозвищем о том, как отец пускал пузыри, лежа на морском дне.

Второй случай произошел, когда отцу было пять или шесть лет. Двое братьев, ненамного старше его стреляли из винтовки по доске, прислоненной к камню. Доска все время падала, и раздраженные этим братья попросили отца подержать мишень, чтобы им было удобнее стрелять. На резонное возражение отца, что они могут убить его, один из

братьев не менее резонно заявил, что они будут нажимать на курок совсем потихоньку, и тогда пули будут лететь очень медленно и не смогут причинить вреда. Отец послушно взял в руки мишень, братья сделали несколько выстрелов, к счастью, промазав, и тут появился мой дед, который с воплем ужаса вырвал оружие из рук несостоявшихся братоубийц, разбил винтовку о камень и здорово всыпал всей троице.

Судьба моей матери была не менее трудной и наполненной событиями, чем жизнь отца. Она родилась в крестьянской семье в городе Калач Воронежской области. Если в роду отца выделялись своим характером только мужчины, то род матери не поскупился на целую плеяду женщин, обладающих взрывным, непримиримым, волевым и бескомпромиссным темпераментом. Такой была моя мать, теми же качествами обладали моя прабабка, бабушка, тетки и сестра. В 17 лет по заданию коммунистической партии мама уехала в Среднюю Азию проводить агитработу среди местного населения, пропагандируя неграмотным узбекам, таджикам и казахам светлые идеи коммунизма и очаровывая их горизонтами ожидающего их счастливого будущего.

Старший брат мамы, дядя Вася, в отличие от Медведевых, не испытывал тяги к учению, хотя научился достаточно грамотно читать и писать. Как особо отличившегося боевого командира, его направили в военную академию, но на вступительных экзаменах он вместо сочинения написал что-то вроде: "Я обучен рубить шашкой, и не вижу надобности писать сочинение, пока вся контра не перебита."

Экзаменов дядя Вася не сдал, и, как красный командир, на несколько лет раньше мамы уехал в Среднюю Азию воевать с басмачами.

Хотя дядя Вася не получил академического образования, командуя отрядом, он проявил недюжинные таланты, и на его счету было больше побед, чем у других командиров. Его тайным оружием было то, что он называл "тактикой наоборота". Если командование приказывало дяде Васе преследовать банду басмачей в каком-то направлении, он отправлялся точно в противоположную сторону. Дядя Вася прекрасно знал, что в штабах было полно предателей, и басмачи были заранее осведомлены о перемещениях красноармейцев. Обладая блестящим знанием местности и следуя своей интуиции, дядя Вася точно предугадывал действия противника и выходил ему наперерез.

Почта в те времена работала очень плохо, дядя Вася был не любитель писать письма, и семья потеряла его след. Когда мама приехала в Среднюю Азию, она даже не представляла, где искать своего брата.

Во время перехода в какой-то отдаленный аул, маму, переводчицу и двух сопровождающих их красноармейцев захватил отряд басмачей, и, совсем как в "Белом солнце пустыни", главарь банды приказал казнить их, закопав в раскаленный песок. Выполнив приказ, банда ускакала.

Как раз в это время дядя Вася применил свою знаменитую "тактику наоборота" и мчался по пустыне, ведомый своей интуицией. Каково же было его удивление, когда в одной из торчащих из песка и опаленных солнцем голов, он узнал свою любимую сестренку, которая, как он полагал, должна была вести мирную жизнь в городе Калач Воронежской области, сводя с ума соседских парней.

До появления спасителей казненные провели в песке несколько часов. Оба красноармейца умерли, переводчица сошла с ума, и только матери удалось сохранить жизнь и рассудок. Маму спасла ее безразличность. Всю жизнь она отличалась маниакальным пристрастием к чистоте, и даже в преклонном возрасте мыла руки по пятьдесят раз на дню и протирала платком дверные ручки после того, как к ним притрагивался отец.

Невообразимая грязь и вонь, царящая в кишлаках и аулах, где мать проводила агитацию, доводили ее почти до умопомешательства. Стремясь уберечься от мириад микробов и вирусов, так и кишящих вокруг, она достала комбинезон из чертовой кожи, напоминающий современные костюмы химзащиты и надевала его поверх обычной одежды под кожаную куртку. Конечно такое облачение было слишком жарким, но главное – микробы держались от нее подальше. Переводчица была одета только в кожаную куртку, а красноармейцы – лишь в матерчатые гимнастерки, и жар, идущий от песка убил их первыми.

Дядя Вася отдал приказ нескольким бойцам позаботиться о пострадавших, а сам во весь опор помчался за басмачами, пылая жаждой мести. Басмачей он догнал, и уничтожил их банду, на этот раз не взяв ни одного пленника. Верхние слои кожи сошли у мате-

ри вместе с одеждой. Она повредила легкие, и вскоре у нее начался туберкулез. Маму направили в Крым на лечение, и в течение нескольких лет она восстанавливала разрушенное здоровье.

В своих медитациях воспоминаний я часто возвращаюсь к этой истории. Хотя она абсолютно правдива, мне до сих пор кажется просто невероятным, что все это произошло с моими родственниками. Такие совпадения обычно случаются только в кино, жизнь редко балует нас столь удивительными стечениями обстоятельств. Но чудо, которое все-таки произошло, заставляет меня особенно остро чувствовать нити жизни, свою и своих родителей, и осознавать, какая цепь невероятных случайностей привела к моему появлению на свет, и это заставляет меня с еще большей силой удивляться и восхищаться чуду человеческого существования и моей собственной жизни.

Дядя Вася дожил до глубокой старости, по-прежнему отдавая все силы служению людям и борясь за то, что он считал правильным и справедливым. До конца верный коммунистическим идеалам своей юности, дядя Вася стал знаменитой личностью в Харькове, где он поселился после войны. Люди любили его, и истории о дядиных подвигах вызывали к нему глубокое уважение. Неугомонный характер бывшего красного командира проявлялся еще не раз, и даже в семьдесят лет тяжело больной дядя Вася ухитрился задержать двух уголовников, которые собирались убить участкового милиционера, в свое время отправившего их в тюрьму.

Дело было темной ночью, и дядя Вася, угрожая бандитам расческой, которую они с испугу приняли за пистолет, конвоировал их до отделения милиции.

В Крыму мать впервые вышла замуж и родила Лену, мою единственную сестру, которая на двадцать лет меня старше.

Во время войны фашисты расстреляли отца Лены, а мать с сестрой, спасаясь от оккупантов, пешком пробиралась через горную часть Крыма, пережив множество опасностей и приключений. Она едва не погибла, столкнувшись с предательством крымских татар, перешедших на сторону врага и отравлявших источники питьевой воды. Ей пришлось побывать под пулями татарских охотников за людьми, в первую очередь за беженцами. С тех пор мама на всю жизнь возненавидела татар.

В моем отношении к татарам присутствовали обе стороны медали. Татары, фигурирующие в рассказах мамы, были врагами, негодями и предателями. Семья же отца поддерживала с ними самые теплые и дружественные отношения. Отец знал татарский язык и рассказывал о своих друзьях как о добрых, щедрых и трудолюбивых людях. Отношение, с детства сформированное во мне двойственным восприятием татарского народа со временем перенеслось и на все остальные нации и национальности. Я понял, что нет хороших или плохих наций, а есть просто люди, выбирающие свой путь в зависимости от обстоятельств и уверенные в том, что поступают правильно. С тех пор меня перестали волновать вопросы расовой и национальной принадлежности.

Чудом оставшись в живых, мать с Леной добралась до Ялты. Там по радио передавали объявление, что коммунистов и членов их семей просят собраться в порту и погрузиться на пароход "Червона Украина" для эвакуации.

Интуиция подсказала маме, что тут что-то не так, и она отправилась в порт, убеждая людей, что эта провокация, и что ни в коем случае нельзя ехать на этом пароходе. Естественно, что на нее смотрели как на безумную, но мама твердо стояла на своем, и так и не села на пароход. Вскоре после выхода из порта "Червону Украину" торпедировали, и все находящиеся на борту пассажиры погибли. Мать бежала из Ялты и через некоторое время оказалась в осажденном Севастополе.

Вокруг бушевала война. В Севастополе закончились запасы воды, но еще оставались винные погреба, заполненные шампанским. Вместо воды люди пили шампанское и купались в нем. И снова судьба улыбнулась маме. В нее без памяти влюбился красивый морской офицер. Он спрятал ее с дочерью на военном корабле, куда было строго запрещено брать пассажиров, и вывез из окружения.

Дальше были эшелоны с беженцами, и, наконец, мама вновь оказалась в Средней Азии, на этот раз на "барже смерти". Местные власти, измученные притоком беженцев, отказались принимать новых людей и, ссылаясь на то, что надо выдержать карантин, отправили баржу с несчастными на середину широкой реки, а на берегу выставили вооруженные посты, чтобы никто вплавь не добрался до берега. Люди умирали как мухи от бо-

лезней, голода и недостатка воды.

Мама, оставив Лену знакомым, оказалась единственной, кто рискнул-таки переплыть реку и выбраться на берег. Не знаю, как ей удалось убедить местные власти, но на следующий день оставшимся в живых разрешили высадиться и разместили их на постой. Потратив последние деньги, мама покупала еду для больных и самоотверженно ухаживала за ними.

Учитель внимательно слушал мой рассказ, время от времени одобрительно покачивая головой. Когда я остановился, не зная, стоит ли продолжать, я подумал, что все сказанное мной было всего лишь небольшим предисловием к истории жизни членов моей семьи, наполненной страданиями, трудностями и опасностями. Только сейчас до меня действительно дошло, сколь ничтожна была вероятность моего появления на свет, и каким стойким, сильным и героическим оказался характер моих родных. Они прошли через войну, голод, разруху, нечеловеческие лишения и все же выжили и сохранили невероятный заряд жизнелюбия, оптимизма и искренней деятельной любви к людям. У меня на глаза навернулись слезы. Мелкие житейские проблемы и неприятности, случавшиеся в моей жизни показались мне столь ничтожными в свете того, что довелось пережить моим родителям, что мне стало стыдно за себя, за то, что я часто спорил с матерью, считая ее слишком придирчивой и властной, во многом старомодной и неспособной понять мои жизненные цели и интересы. По сравнению с тем, через что прошла она, мой жизненный опыт был ничтожен. Я родился в спокойное мирное время и не знал ужасов голода, разрухи и бомбежек. Эта почти безмятежная уютная жизнь одновременно вызывала у меня чувство радости и стыда.

– Ты становишься человеком только после того, как осознаешь ценность жизни родителей и твоих предков. Лишь тогда ты сможешь оценить уникальность факта своего рождения, – сказал Ли.

– Ты хочешь, чтобы я продолжил рассказ? – спросил я.

– Ты должен рассказывать его себе, а не мне, – ответил Учитель. – Тебе еще предстоит в медитациях прожить жизнь своих родителей, без этого твое осознание нити жизни не станет полным.

– Что я должен для этого сделать?

– Для начала выбери случай из жизни твоего отца или матери, который затрагивает самые глубокие струны твоей души, например случай, когда один из них мог погибнуть. Войди в медитацию, и проживи его так, как его пережили твой отец или мать, словно ты сам прошел через это. Сделай это прямо сейчас.

Я закрыл глаза и расслабился, вспоминая фронтовые рассказы отца. Перед глазами у меня возникали и исчезали смутные расплывчатые образы, из которых постепенно вырисовывались контуры высоких холмов с заснеженными склонами. Неровный гул голосов вокруг перекрывался свистом пуль и отдаленной оружейной канонадой. С флангов подходили немецкие танки. Моя часть отступала. Я с товарищем оставался в окопе, пулеметным огнем прикрывая ее отход.

Шинель отсырела от пота и влажного снега. Было холодно и хотелось есть. Я был спокоен и зол. Я услышал короткий вскрик, и повернулся к другу. Он оседал на землю. На бурой ткани шинели в верхней части груди проступила кровь.

– Слава Богу, ранен, – мелькнула мысль, и я оглянулся вокруг, надеясь, что еще не все подводы ушли. Я заметил повара, мчащегося мимо меня в последней оставшейся двуколке и, бросившись наперерез, я успел вцепиться в повод и отчаянным рывком остановил лошадей.

– Быстрее, твою мать! – заорал повар с искаженным от ярости и страха лицом, осыпая семиэтажным матом неотвратимо надвигающиеся справа танки.

Одним махом я подхватил раненого, здорового мужика, и забросил его в двуколку, по горячке даже не ощутив его тяжести. Повар хлестанул лошадей, а я рванул к пулемету и вновь принялся поливать огнем вражескую пехоту.

Отстреляв последнюю ленту патронов, я обернулся назад. Последние тачанки Терской казачьей дивизии приближались к вершине горы, белый склон которой, как муравьями, был сплошь покрыт бегущими вверх людьми, превратившимися в черные мечущиеся пятна на сверкающей белизне снега. Надвигающиеся справа танки расстреливали их прицельным огнем. Можно было уходить.

Подорвав гранатой пулемет, я побежал к склону, и тут увидел обезумевшего от шума и взрывов коня без всадника. Оседлав его, я помчался вдоль склона, рассудив, что вдали от основной массы людей у меня будет меньше шансов попасть под пулю.

Пулеметная очередь ударила совсем рядом, и я, вонзив каблучки в ребра коня, успел укрыться за оказавшимся поблизости сараем. Там уже отсиживались несколько отставших от других частей бойцов.

– Ты на коне. Попробуй отвлечь фрицев и прорваться, а мы тем временем побежим в другую сторону. Иначе нам не спастись, – предложил один из них.

Скорее надеясь на случай, который уже неоднократно спасал мне жизнь, чем веря, что у меня есть шанс уйти из-под обстрела, я стегнул коня и рванулся вперед.

Первая же очередь прошла коню бок. Он повалился на снег, накрыв меня своей тушей. Пуля следующей очереди раздробила мне пальцы, державшие повод. Я попытался отползти, но тяжесть мертвого коня, придавившего мне ногу, не давала мне сдвинуться с места. Сердце колотилось, как бешеное. Я прижал раненую руку к груди, чтобы остановить кровотечение и замер в тщетной надежде, что немцы сочтут меня мертвым.

Проклятый пулеметчик не жалел патронов, всаживая очередь за очередью в содрогнующуюся от ударов пуль мертвую лошадь. Я ощущал каждую пулю своим телом так, как будто она насквозь прошивала меня самого, а не конскую тушу...

Не выдержав эмоционального напряжения, я попытался приоткрыть глаза и прервать медитацию.

Я вздрогнул от неожиданности, услышав резкий и почти злой крик Учителя:

– Продолжай!

Сознание на какой-то момент отключилось, и я погрузился в темноту. Мое тело сотрясали резкие неприятные толчки. Левую руку терзала ноющая боль, усиливающаяся от тряски и становящаяся почти нестерпимой. Я открыл глаза и снова увидел вокруг грязный истоптанный снег. Я знал, что каким-то образом сумел отлежаться до темноты за убитым конем, потом высвободил ногу и добрался до полевого госпиталя. Там мне перебинтовали руку, сказав, что случись это летом, а не зимой, пальцы пришлось бы ампутировать. Врач дал мне единственную оставшуюся при госпитале клячу, которая была такой старой и измученной, что не была способна перейти даже на рысь, не говоря уж о галопе. Несмотря на все мои понукания, лошадь переставляла ноги медленно и осторожно, словно дряхлая старушка, боящаяся поскользнуться, но все же это было лучше, чем идти пешком.

Я двигался по дороге в направлении, куда должна была отойти моя часть. Вокруг было спокойно, шум рвущихся снарядов глухо доносился откуда-то со стороны. Бой шел в нескольких километрах от меня.

Это хрупкое затишье разорвал стремительно надвигающийся сзади рев моторов. Я обернулся. Прямо на меня пикировал немецкий истребитель.

Я заорал на клячу, изо всех сил понукая ее ногами и здоровой рукой, которой я вцепился в повод, но проклятое животное даже не подумало ускорить шаг. Оно продолжало аккуратно и осторожно переставлять ноги, явно не понимая, что от него хотят.

Я забыл о боли в раненой руке, представляя, что мне придется испытать, если очередь не убьет меня сразу, а только ранит. Я знал, что это конец, и единственное, чего я хотел – это умереть мгновенно, без новой боли и предсмертных мучений. Я откинул туловище назад, так, чтобы не спина, а макушка моей головы была направлена к самолету, и пули вошли в нее, а не в тело. Чисто автоматически я продолжал отчаянно понукать лошадь, которая по-прежнему не обращала на это никакого внимания.

Пулеметная очередь взметнула фонтанчики снега далеко впереди. Моторы проревели над самой моей головой, и, обогнав меня, истребитель лег на крыло, делая круг, чтобы снова зайти на цель.

– Мазила, мать твою... – выругался я про себя. – Даже расстрелять по-человечески не можешь!

Показавшаяся мне бесконечно долгой новая пулеметная очередь снова легла впереди, на этот раз несколько ближе.

Немец зашел на новый круг.

– Упорная скотина, – подумал я. – Такой не отвяжется, пока не добьется своего.

Во мне оживала надежда. Я понял, почему истребитель не мог попасть в меня. Фриц был хорошим стрелком, но он с типично немецкой педантичностью слепо следовал выученным назубок правилам и инструкциям. Нарушить правила он не мог, даже если что-то не получалось.

Наблюдая за мной сверху, он не мог различить, идет лошадь шагом или галопом, но, глядя на то, как бешено я ее понукал, он должен был заключить, что коняга мчится во весь опор, и, естественно, давал при стрельбе упреждение, предусмотренное инструкциями для скачущей галопом лошади.

– Промажешь, – сказал я сквозь зубы, с удвоенной силой понукая упрямую клячу.

В третий раз пули впились в землю передо мной. Сделав большой вираж, самолет скрылся в том же направлении, откуда прилетел.

– Наверно, расстрелял весь боекомплект, – подумал я. – Пусть теперь до конца жизни гадают, почему он в меня не попал.

Отпустив поводья, я обессиленно склонился на шею лошади. Она с облегчением остановилась и замерла, тяжело дыша, как будто действительно только что неслась галопом. Перевязанная рука снова начала болеть. Я смертельно устал. Мне хотелось одного – закрыть глаза и заснуть на неделю или на несколько лет, пока не кончится это безумие, эта бесконечная беспощадная война.

Прошло несколько минут. Я выпрямился в седле и здоровой рукой натянул повод. Лошадь с тяжелым вздохом подняла голову и обреченно двинулась вперед нетвердым медленным шагом. Я был жив. Нить моей жизни не прервалась. Я ехал в свою часть.

Я открыл глаза. Лицо Учителя было спокойным и бесстрастным. Мне показалось, что какой-то огромный болезненный нарыв лопнул в моей душе, и впервые в жизни я зарыдал навзрыд. Я плакал, как ребенок, оплакивая невыносимые страдания и боль, через которые прошли мои родители для того, чтобы, наконец, встретиться и создать новую нить жизни, мою, такую безмятежную и благополучную по сравнению с тем, что довелось пережить им. Я плакал о солдатах, нити жизни которых оборвались на грязном окровавленном снегу, и вместе с которыми погибли их еще не родившиеся дети.

Мне было стыдно, что мне так повезло, но захлестнувшее меня глубинное понимание уникальности того факта, что моя нить жизни, такая тоненькая и беззащитная перед лицом ужасов и катастроф, сотрясающих мир, сумела протянуться из глубины времен и веков, и, осветившись на какой-то миг светом моего сознания, уже не прервется никогда, уходя в бесконечность, наполнило меня почти экстатическим благоговением перед невероятным чудом жизни. Жизнь, дарованная мне, действительно была чудом, и, незаметно для меня, слезы печали перешли в слезы благодарности и счастья.

Плач прекратился сам собой, словно я исчерпал свои внутренние ресурсы. В душе остались только тишина и спокойствие, как на омытых росой лугах теплым весенним утром.

– Теперь ты знаешь, что такое осознание ценности жизни, – негромко сказал Учитель. – Мало того, что твои родители и предки сотни раз подвергались опасностям, каждая из которых могла прервать уникальную цепь перемен, приведшую к твоему рождению, тебе еще удалось выиграть конкурс среди миллионов сперматозоидов, погибших на своем героическом пути к яйцеклетке. Поверь мне, это гораздо труднее, чем выиграть в лотерею.

Взглянув на мое серьезное лицо. Ли оглушительно расхохотался.

Я образно представил себе, как повиливающие хвостиком сперматозоиды, напоминающие мчащихся в морские волны леммингов, пихают и расталкивают друг друга, устремляясь к заветной яйцеклетке. Контраст этой картины со сценами из Великой Отечественной войны, которые я только что прожил, был так нелеп, и в то же время в них было что-то общее – стремление в будущее, борьба, смерть и продолжение нити жизни. Я взглянул на раскачивающегося от смеха Учителя и тоже захохотал вслед за ним, сам не понимая, почему.

Глава 15

Тема жестокости много раз всплывала в наших разговорах с Ли, и урок, который он преподавал мне во время обучения в лесах Партизанского водохранилища имел свою предысторию. Поводом к нему послужил вопрос, который мне задал один из моих учеников-комитетчиков, сильный, уравновешенный и хорошо подготовленный боец.

Как-то после занятий он отвел меня в сторону и, смущаясь, сказал:

– Знаешь, Саша, похоже, у меня проблема. Недавно я оказался в ситуации, когда самым правильным решением было выбить противнику глаза. Я уже поднял руку, но что-то меня остановило. Я просто не мог нанести удар. Мне казалось, я чувствую, как мои пальцы впиваются в его глазницы, проникая вглубь и выворачивая окровавленные глазные яблоки. У меня заболели глаза и меня чуть

не стошнило. К счастью, я сумел справиться с собой и провести другой прием, но то, что произошло, могло стоить мне жизни. Я не считаю себя слабаком и чересчур гуманным человеком. Я мог бы взорвать или пристрелить врага без всякой жалости и угрызений совести, но какой-то внутренний барьер мешает мне вырывать глаза, разрывать ноздри и рот и делать подобные приемы. Как мне преодолеть этот барьер?

Подобные вопросы возникали у многих моих учеников, я тоже, правда в более легкой форме, сталкивался с подобной проблемой, и я не раз задавал Ли вопросы на эту тему.

С раннего детства отец привил мне страсть к охоте, и убийство диких животных я воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Мне часто приходилось сворачивать шеи раненым птицам и добивать зайцев и лис. Уничтожение животных не доставляло мне удовольствия, но также и не вызывало угрызений совести. Я добивал подранков из сострадания, и охота для меня была скорее не развлечением, а увлекательным и азартным способом добычи пропитания. Доходы моей семьи были весьма скромными, и свежее мясо к столу всегда приходилось кстати.

Незаметно для меня самого встречи с Ли изменили мое отношение к охоте. Хотя он обучал меня совершенному искусству убивать, мое мировоззрение изменилось настолько, что убийство животных даже ради пропитания стало мне неприятно, хотя я по-прежнему мог спокойно свернуть шею птице или добить раненого зверька.

Как-то раз я упомянул об этом в разговоре с Учителем.

– Это плохо, – сказал Ли. – Ты перестал быть жестоким.

– А разве быть жестоким хорошо? – спросил я.

– Я говорю о естественной, а не о патологической жестокости, – пояснил он. – Раньше ты был жестоким, не задумываясь об этом. Жестокость не поражала твоих чувств, ты был естественным, как сама природа. Я благодарен твоему отцу за то, что он с детства приучил тебя охотиться. Ты даже не представляешь, как много он сделал для тебя, показав тебе естество этой стороны жизни. Жизнь – это цепочка смертей, это то, что называется цепочкой питания.

– Ты имеешь в виду пищевую цепочку? – спросил я.

– Опять ты цепляешься за научные термины, – недовольно сказал Ли. – Термины заслоняют суть вещей. Для меня "цепочка питания" звучит более живо и образно, чем мертвый термин "пищевая цепочка". Но суть не в этом. Когда ты встал на путь воинов жизни, ты научился ценить и уважать жизнь во всех ее проявлениях, и на смену твоей естественной и невинной жестокости пришло осознание того, что «Спокойные» называют "преступлением перед жизненностью высшего и низшего порядка". Преступление перед жизненностью высшего порядка – это лишение жизни человека, а преступление перед жизненностью низшего порядка – это уничтожение животных и растений.

Здесь слово «преступление» не совсем правомерно. «Преступление» автоматически ассоциируется с чем-то плохим, запретным и греховным, а для воина жизни не существует таких понятий, как "плохое, запретное и греховное". Это относительные понятия, меняющиеся в зависимости от морали и культуры общества. Хотя и не совсем точно, но действия воина жизни классифицируются скорее не как плохие и хорошие, а как целесообразные и нецелесообразные.

Целесообразно то, что обеспечивает выживание и гармоничное развитие каждого последователя Шоу-Дао и всего клана в целом, а все, что не является целесообразным, естественно, является нецелесообразным.

По мере развития мироосознания и "вкуса жизни" у каждого из последователей «Спокойных» на смену естественной жестокости приходит неприятие преступлений перед жизненностью высшего и низшего порядка, но следующим этапом развития воина жизни является возвращение к его естественной жестокости, но на этот раз – к жестокости целесообразной.

Жестокость, необходимая тебе для выживания, получения пропитания, обучения и саморазвития, а также для самозащиты является жестокостью целесообразной, и она не должна поражать твоих чувств, будучи простой и безличной, не связанной ни с наслаждением, ни со страданием. К внутреннему пониманию целесообразной жестокости ты придешь через медитации осознания, но помимо осознания тебе необходима еще и практика, поэтому на некоторое время мы вернемся к любимому занятию твоего детства – охоте.

Несколько дней спустя мы отправились в горы охотиться на хомяков. Мне были симпатичны эти любопытные юркие зверьки длиной чуть больше ладони с рыжевато-белыми мордочками и с коротким, утолщенным у основания хвостом.

Ли уверенно вел меня среди невысоких пологих холмов живописно украшенных скалистыми обрывами к месту, где, как он утверждал, водилось множество хомяков. Наконец, наши шаги вспугнули несколько зверьков, и они, прошепестав по траве, молниями бросились в норы.

Учитель остановился.

– Мы будем охотиться здесь, – сказал он. – Ты начнешь охоту с медитации осознания смерти. Представь себе хомяка, представь, как ты схватил его руками, ощути трепет его горячего живого тельца, как оно бьется и сопротивляется твоим усилиям удержать его. А потом представь, что ты его убиваешь, прочувствуй его предсмертные судороги, запах крови и смерти. Ты забираешь его жизнь не потому, что это доставляет тебе удовольствие. Это недостойно человека. Его жизнь нужна тебе, чтобы через ощущения естественной жестокости получить знания о жизни и смерти. Таким образом ты подкрепишь свою жизненность жизненностью менее развитого существа.

Я опустил на землю и сосредоточился. Без особого труда я ощутил в своих руках жестковатый короткий мех, тепло и трепет вырывающегося зверька. Это было приятное ощущение. Теперь я должен был убить хомячка, но мне не хотелось этого делать. Я перешел к медитации осознания необходимости принесения одной жизни в жертву другой, и жалость к зверьку ушла, сменившись отрешенной решимостью и смирением перед судьбой, заставляющей меня делать то, что я должен был сделать. С коротким хриплым выдохом я сжал руки, и резко развел их в стороны, как бы разрывая хомяка пополам. Мне почудилось, что я услышал его исполненный ужаса предсмертный писк, и горячие струи крови, дурманя меня своим сладковатым пряным запахом, потекли по рукам. Я вздрогнул и открыл глаза, с недоумением глядя на свои судорожно сжатые кулаки. То, что они оказались пусты, в первый момент удивило меня.

– Неплохо. Воин жизни готов к охоте, – с ехидной ухмылкой подначил меня Ли. – Как ты предполагаешь их ловить?

– Можно сделать силки или ловушки и положить в них приманку, – предложил я.

– Увы, мой маленький брат, – покачал головой Учитель. – Тебе придется ловить их руками.

– Руками? – переспросил я. – Но это же невозможно. Они слишком быстро двигаются и не отходят далеко от нор, где они могут укрыться. Я просто не успею их схватить.

– Для последователя учения «Спокойных» нет ничего невозможного, – торжественно заявил Ли. – Человеку трудно поймать хомяка потому, что его руки находятся слишком далеко от земли. Чтобы охотиться на них, ты должен превратиться в животное.

– Как это? – спросил я.

– Смотри.

Ли согнул ноги и наклонил туловище вперед так, что его свободно болтающиеся руки опустились почти до земли, и пробежался в таком положении, опираясь на руки при резких переменах направления движения. Потом он прыгнул вперед, используя технику "прыжок с камня" – резкое понижение центра тяжести, – и быстрым оглаживающе-бьющим круговым движением рук прижал что-то к земле.

Я подбежал к нему, думая, что он действительно поймал хомяка, но руки Учителя были пусты.

– Ты был похож на гиббона, – улыбнулся я.

– Попробуй сделать то же самое, – сказал Ли. – Ты должен научиться легко и свободно передвигаться на четвереньках или с руками, находящимися у самой земли. Учти, у хомяков есть привычка бросаться с устрашающими криками и фырканием на того, кто перерезает им путь к норе. Очень быстрым круговым движением рук сбоку и сверху-вниз ты должен крепко прижать голову и лапы зверька к земле, чтобы он не успел перевернуться и вцепиться в тебя зубами. Любое мелкое животное нужно ловить, накрывая его ладонью в сторону головы, а чтобы умертвить, ему или быстрым движением сворачивают голову, или ломают позвоночник движением, имитирующим разрывание пополам. Точно так же поступают и со змеями. Их разрывают пополам, держа одной рукой за голову, а другой – за хвост.

Я попробовал двигаться, как гиббон, и это у меня неплохо получилось. Согласно китайскому гороскопу, я был огненной обезьяной, и, возможно, в связи с этим мне с детства нравилось изображать обезьян. Мне вспомнился школьный КВН, в котором я играл роль человека-обезьяны – пришельца с далекой планеты. Я двигался примерно так же, как мне показал сейчас Ли, и удивил публику, умудрившись съесть целиком яблоко, наколотое на кончик зонтика, помогая себе при этом ногой.

Я пробежался на четвереньках, время от времени совершая "прыжок с камня" и резко прижимая ладонями к земле воображаемого хомячка.

– Хватит скакать, пора приступать к охоте, – сказал Учитель, доставая из сумки полиэтиленовые пакеты, наполненные зерном, семечками и орешками. Сначала мы отыщем их норы, затем рассыпем приманку, и, затаившись, будем ждать, пока они отойдут далеко от нор, а потом ты прыгнешь вперед и отрежешь им путь к спасению.

Присев на корточки, я замер. Прошло минут двадцать, прежде чем хомяки успокоились и, об-

наружив приманку, принялись с аппетитом поедать ее. Я рванулся вперед наперерез одному из зверьков и уже протянул к нему руки, как тот, яростно крича и фыркая, бросился на меня, как камикадзе. Хотя Ли предупредил меня об этих повадках хомяков, его атака оказалась слишком неожиданной. Легкий испуг заставил меня замешкаться на мгновение, и хомяк, резко нырнув в сторону, ушел у меня из-под рук и забился в нору.

Ли захохотал.

– Никогда нельзя недооценивать противника, – принимая суровый и неприступный вид, заявил он. – В маленьком хомяке живет душа великого воина. Поэтому отправляясь на бой с ним ты должен быть готов к любым неожиданностям, даже к его вселяющему первобытный ужас фырканию.

Взглянув на мою смущенную физиономию, Учитель не выдержал и снова расхохотался.

– Жаль, ты не видел выражение своего лица, когда хомяк бросился на тебя. Это было любопытное зрелище.

Хотя я чувствовал себя слегка пристыженным, я не выдержал и тоже улыбнулся.

– В следующий раз я буду проворнее, – пообещал я.

– Давай, пройдем немного вперед, – сказал Ли. – Здесь зверьки слишком напуганы, чтобы еще раз подпустить тебя к себе. И запомни: уступая маленькому испугу, ты подвергаешься большому испугу. Уступая маленькой боли, ты подвергаешься большой боли. Не уступая маленькому испугу и не поддаваясь маленькой боли ты избежишь большого испуга и большой боли.

На атаку хомяка ты реагируешь инстинктивным страхом. Но если ты поддашься этому маленькому испугу, твои движения не будут точны, и даже если ты схватишь зверька, он укусит тебя, и ты испытаешь потрясение от маленькой боли. Маленькая боль усилит твой испуг, и ты вновь совершишь ошибку, которая приведет к еще большей боли и к еще большому испугу. Видишь сколько проблем может создать маленький испуг. Поэтому воин жизни всегда должен быть собранным и отрешенным. Тогда он не обратит внимания на маленький испуг, и ему не придется бороться с большим испугом.

Вскоре мне удалось поймать трех хомяков. Хотя их атаки и фыркание по-прежнему оказывались для меня неожиданными, я больше не терял концентрации и вовремя успевал накрыть их руками. С сожалением я сворачивал зверькам шеи, понимая, что то, что я делаю, – лишь необходимый этап обучения, и их смерть не вызывала у меня чувства вины.

– Чтобы гибель зверьков не стала бессмысленным уничтожением, мы должны насладиться их вкусом, – сказал Учитель. – Ты сам приготовишь их. Пусть их смерть поддержит твою жизнь.

Сваренные со специями и картофелем хомяки оказались даже более вкусными, чем суслики, которых я не раз пробовал на охоте с отцом.

Мне пришлось много работать для приведения в равновесие чувства естественной жестокости. По знакомству я договорился, что один день мне разрешат убивать кур на птицефабрике, потом я попробовал резать скот на бойне при мясокомбинате.

С курами проблем не возникало. Я сворачивал им шеи быстрым отточенным движением, так, что они не страдали перед смертью, и мне удавалось оставаться совершенно бесстрастным.

Прежде, чем заняться животными покрупнее, я старательно проштудировал брошюру "Как правильно убивать животных" из папиной библиотеки, выбирая наиболее безболезненные способы.

Убив животное, я сначала перерезал ему горло, а потом отрабатывал на нем техники рукопашного боя – вырывание глаз, удары руками, ногами и ножом. Поначалу мне было трудно справиться с неприятным чувством, сопровождающим каждое убийство, и Учитель предложил мне выполнять медитации, помогающие избавиться от него.

– Ты отождествляешь животных с самим собой, поэтому тебе неприятно убивать их, – сказал он. – Ты чувствуешь, что их жизнь так же ценна, как и твоя жизнь, но их жизнь не находится в твоей власти. Они в любом случае предназначены на убой, и это тебя не беспокоит. Ты покупаешь в магазине свинину и ешь ее с удовольствием, не печалься о судьбе свиньи. Почему же ты должен считать себя виноватым, убивая их собственными руками?

Чувствовать грусть, убивая, так же неправильно, как и испытывать наслаждение от убийства. Получающий наслаждение от убийства отождествляет животное с врагом, испытывающий грусть отождествляет его с самим собой или с другом. Судьба не бывает плохой или хорошей, она просто есть, и бессмысленно терзаться ненужными сожалениями от того, что судьба избрала тебя своим орудием. Когда ты сможешь прочувствовать это в медитации по осознанию судьбы, ты начнешь убивать, не испытывая при этом печали.

Медитацией по осознанию судьбы я занимался перед сном. Я вспоминал свой собственный жизненный путь, во многом определяемый набором случайностей и не зависящих от меня событий,

потом я представлял жизненный путь животных, заканчивающийся на мясокомбинате. Я видел крошечных поросят, с наслаждением сосущих материнское молоко, играющих, резвящихся или сладко посапывающих на соломенной подстилке, воображал телят, пасущихся на залитых солнцем лугах. Как и в моей жизни, в их жизни были радость и грусть, и я отличался от них только тем, что имел чуть больше свободы выбора, но, как и они, я не догадывался, где и когда меня может подстеречь смерть. Когда я действительно осознал, что я не властен менять по своему желанию их судьбу, чувство вины и сожаления исчезло, и, перерезая горло овцам и свиньям, я смотрел на них глазами брата, отрешенно и спокойно принимающего и их и свою собственную судьбу.

Процесс "осознания судьбы" во многом облегчила беседа с Учителем, в которой он рассказал мне о "жемчужном треугольнике противоположностей".

– Как ты думаешь, сколько противоположностей может существовать? – как-то спросил он меня.

– Две, – не задумываясь ответил я. – Инь и ян, черное и белое, зло и добро.

По недовольной mine, которую скорчил Ли, я понял, что, поспешив, снова попал впросак.

– Как ты думаешь, что такое противоположности? – спросил он.

– Вероятно это вещи одной и той же природы, но принципиально различных характеристик, обычно взаимоисключающих.

– Это довольно сомнительное определение, – сказал Учитель. – Вот ты сказал, что черное и белое – это противоположности, а как тогда охарактеризовать пары белое и красное или черное и красное? Согласно твоему определению эти пары тоже являются противоположностями, но тогда можно считать, что черное, белое и красное представляют собой три противоположности, а если могут существовать три противоположности, то значит их может быть и бесконечное количество. Что ты думаешь по этому поводу?

– Если так рассуждать, то, наверно, ты прав. Я никогда раньше не задумывался об этом. С детства я привык считать, что если вещи противоположны, то их должно быть две.

– В этом и заключается сила и слабость слов. С одной стороны ими можно объяснить все, что угодно, а с другой стороны, чем больше ты объясняешь и говоришь, тем больше все запутывается. Слова, которые я произношу, предназначены не для того, чтобы дать тебе застывшие определения каких-то понятий и вещей, а чтобы пробудить в тебе интуитивное осознание их. Поэтому не задумываясь больше о том, как можно или нужно определять противоположности или противоречия, ты будешь учиться выделять, осознавать и уравнивать жемчужные многоугольники противоположностей. Мы начнем с самого простого многоугольника – с жемчужного треугольника, который играет огромную роль в осознании и выборе собственной судьбы.

– Я уже привык думать, что искусство выбора судьбы заключается в нахождении равновесия среди двух противоположностей, двух сторон медали. Похоже, теперь ты скажешь, что каждая медаль имеет множество сторон.

– Так и есть, – улыбнулся Ли. – Ты всегда это знал, но был слишком ленив для того, чтобы углубляться в подобные дебри. Толкование срединного пути как пребывания в равновесии среди двух крайностей – всего лишь самое простое представление о нем. Теперь ты понимаешь, что срединный путь – это нахождение равновесия среди бесчисленного множества противоположностей. Но прежде чем отыскивать равновесие, нужно знать, какие части себя или окружающего мира ты хочешь уравновесить. Многоугольники противоположностей описывают противоборствующие начала в природе, обществе и человеческом поведении. Осознавая их, ты избавишься от многих проблем и внутренних конфликтов в принятии решений. Затруднения, которые возникли у тебя в проявлении естественной жестокости, связаны с нарушением равновесия в жемчужном треугольнике противоположностей.

Ли замолчал, с насмешливым видом ожидая моего вопроса. Пожираемый любопытством, я не стал затягивать паузу и спросил:

– А какие противоположности входят в жемчужный треугольник?

– Существует несколько жемчужных треугольников противоположностей, – с важностью произнес Учитель, явно потешаясь над моим нетерпением. – Сегодня мы поговорим о жемчужном треугольнике жизни. В него входят три основные и противоположные человеческие стремления – это слияние с жизнью, противодействие жизни и уход от жизни. Традиционные, но менее удобные для использования названия вершин треугольника жизни в переводе звучат как "ехать на спине Большого Дракона" – слияние с жизнью, "сражаться с Большим Драконом" – противодействие жизни и "спастись от Большого Дракона" – уход от жизни.

В слиянии с жизнью находит свое отражение инстинктивная потребность в обществе себе подобных, в налаживании добрых и доверительных отношений с другими людьми и с окружающей

средой.

Противодействие жизни – это агрессивность и потребность в доминировании, исключительно важная и необходимая для выживания.

Уход от жизни предполагает самодостаточность и избегание как близости, так и прямой конфронтации с людьми и природой.

Три вершины треугольника присутствуют в каждом человеке. Обычно люди их не осознают, слепо следуя непредсказуемым эмоциональным порывам, именно поэтому они и остаются для них противоположностями. «Спокойные» понимают и принимают их не как конфликтующие противоположности, затрудняющие принятие решения, но как отдельные и независимые пути, на которые можно вступить в нужный момент и с которых можно легко и осознанно вернуться в центр треугольника – в точку равновесия.

Если рассматривать жемчужный треугольник жизни с точки зрения учения об инь и ян, то вершина "спасаться от Большого Дракона" соответствует инь, "сражаться с Большим Драконом" соответствует ян, а третья вершина – "ехать на Большом Драконе" представляет новую для тебя сущность – слияние инь и ян, сущность, которая не является ни инь, ни ян, и потому противоположна каждому из них.

Каждая точка внутри жемчужного треугольника противоположностей отражает тип индивидуальной реакции человека на возникающие ситуации. Обычный человек почти никогда не находится в центре треугольника. Он всегда тяготеет к одной из его вершин, а в некоторых случаях сознательно выбирает для себя какую-либо вершину, с отвращением отвергая и отрицая остальные. Так, человек, выбравший для себя в качестве ведущего направления слияние с жизнью будет с отвращением относиться к агрессии и насилию, к подавлению гуманных человеческих чувств ради стремления побеждать. Он не сможет принять эти качества не только в других, но и в самом себе, а поскольку невозможно избавиться от естественно присущих человеку агрессивных инстинктов даже старательно отрицая их и закрывая на них глаза, он не сможет быть самим собой, а значит не достигнет гармонии. В ситуациях, требующих демонстрации силы и жестокости, такой человек не сможет их проявить, и это может стоить ему жизни.

Противодействующий жизни имеет натуру бескомпромиссного бойца и победителя. Он сражается с жизнью, с окружающими людьми и с собственными слабостями. Проявление сентиментальности, слабости и глубоких чувств не для него. Это – непростительная слабость, которая лишает его силы. Такой человек с избытком одарен естественной жестокостью и зачастую жестокостью, выходящей за границы естественности. У него душа воина, но он никогда не станет мудрецом.

Тот, кто уходит от жизни, отрицает как агрессию и жестокость, так и слабость и излишнюю сентиментальность. Не путай мировоззрение воинов жизни, избегающих излишней эмоциональной зависимости от внешнего окружения, с позицией людей, для которых уход от жизни означает спасительную гавань, где они могут укрыться от пугающих их отношений и эмоциональных шквалов.

Бегущий от жизни человек не способен быть ни любящим, ни жестоким, это всего лишь моллюск, укрывшийся в безопасной раковине убеждений. В отличие от него воина жизни не страшат ни привязанности, ни жестокость. Воин жизни способен на самую сильную нежность и страсть, и в то же время в нужный момент он бывает холоден, жесток и беспощаден. Спокойствие и легкую отстраненность воин жизни выбирает сознательно, как проявление мудрости, а не как бегство от проблем.

Когда в медитациях ты осознаешь и прочувствуешь каждую из вершин жемчужного треугольника жизни, ты сможешь произвольно выбирать, в каком направлении ты будешь двигаться из центра в каждый момент времени. Научившись мгновенно отождествляться с любой вершиной и с такой же легкостью возвращаться в центр, ты получишь ключ к правильному интуитивному ответу на возникающую ситуацию. Тогда проявляемая тобой жестокость будет такой же естественной, как жестокость ориентированного на противодействие жизни воина, а в случаях, когда ты захочешь завоевать чью-то любовь, ты будешь мягким и понимающим, как человек, стремящийся к слиянию с жизнью.

Умение уходить от жизни даст тебе преимущество наслаждения одиночеством для осознания и преобразования себя. Есть специальное упражнение для проработки вершин треугольника жизни. В некоторой степени оно напоминает упражнение "шаг вперед – зверь, шаг назад – человек". Выполни его.

Я встал на ноги и расслабился, направив снизу вверх приятный ласкающий поток мягких оргазмических ощущений. Другой поток, исходящий от внутренней улыбки, я послал сверху вниз. Отработанный многократными упражнениями мыслеобраз спокойствия и тихой радости, излучающейся в окружающий мир, реализовался почти мгновенно, ассоциативно слившись с настроением "внутреннего облака". Мыслеобраз "внутреннего облака" я учился формировать во время отработки классических

восьмеркообразных облачных движений. Он базировался на ощущении «внутренних» облачных движений, не исчезающих и не прекращающихся даже когда на физическом плане упражнение не выполняется, и я остаюсь неподвижным или даже занимаюсь какой-то другой деятельностью.

Приглушенные до едва ощутимых, движения "внутреннего облака" порождают целый спектр особых состояний и эмоционально-энергетических переживаний, использующихся в различных целях. Одним из применений мыслеобраза "внутреннего облака" было сочетание его с внутренней улыбкой, приводившее к особому состоянию спокойной, но бодрой готовности, когда за счет повышения тонуса организма возникает чувство полноты жизненных сил. В этом состоянии человек как бы светится изнутри до такой степени, что это становится заметно окружающим, а повышенный тонус организма на фоне радости и спокойствия закладывает основу для мгновенного перехода к действию или к другому эмоциональному состоянию.

Я шагнул вперед с коротким наполненным смертельной яростью криком, воссоздавая мыслеобраз человека-зверя, и тут же вернулся назад, к состоянию спокойствия и тихой радости. Я шагал туда-сюда, и каждый раз оба крайних состояния возникали и углублялись быстрее и с большей силой. Сознание отключилось. Мне казалось, что перед моим внутренним взором мелькают застывшие кадры кинохроники, где я то представлял в виде кричащего и беснующегося монстра, разрываемого на части неодолимым напором ярости и агрессии, а затем без всякого заметного перехода я погружался во всеохватывающее эйфорическое ощущение покоя, радости и удивительной внутренней ясности.

Резкий окрик Учителя заставил меня прервать упражнение.

– Побереги силы! – бросил он. – Сейчас каждый шаг будет перемещать тебя к одной из вершин треугольника.

Ли взял обломок ветки и нарисовал на земле равносторонний треугольник, затем обозначил его центр и соединил его с вершинами.

– Центру соответствует мыслеобраз «человек» упражнения "шаг вперед – зверь, шаг назад – человек". Мыслеобраз «зверь» соответствует вершине противодействия жизни. Мыслеобраз слияния с жизнью напоминает мягкий податливый пластилин, чутко реагирующий на мысли, чувства и чаяния других людей. Этот пластилин очень уступчив, он заполнен нежностью и любовью, и, соприкасаясь с другими людьми, он обволакивает их, принимая приятную и нужную им форму. Эмоциональная составляющая образа – это насыщающая тебя до краев любовь к окружающему миру и к людям, желание служить им и в ответ принимать их благодарную и радостную любовь.

Уход от жизни – это мыслеобраз отчуждения от всего и от всех, в том числе и от самого себя. Ты словно бы являешься сторонним наблюдателем, рассматривающим под микроскопом холодного любопытства как окружающих людей, так и самого себя, свои желания и чувства. Это наблюдатель беспристрастный, немного циничный и уставший от жизни. Его восприятие мира в некоторой степени тоже приближается к состоянию спокойствия, но спокойствия холодного, мертвого и безрадостного. Если центр треугольника – это спокойствие жизни, то вершина ухода от жизни – это спокойствие безумия и смерти.

– Ли, а для чего мне может пригодиться мыслеобраз ухода от жизни? – спросил я. – Польза двух других вершин очевидна, но мне трудно представить жизненную ситуацию, в которой потребовалась бы реакция ухода от жизни.

– Этот мыслеобраз может понадобиться во многих ситуациях, – сказал Учитель. – Например, если тебя будут пытаться, и ты захочешь отключиться от своих мучителей и от собственных чувств. Если один из способов справиться с болью – это наслаждаться и управлять ею, то уход от жизни – это еще один способ, который в некоторых случаях может оказаться предпочтительнее первого. Когда человек отключается, его обычно перестают пытаться и не наносят больше физических увечий, если же он стойко переносит пытки, палач входит в азарт и старается сломить его волю во что бы то ни стало. Другое великолепное применение мыслеобраза ухода от жизни – это симуляция сумасшествия, что тоже может когда-либо пригодиться. Со временем ты откроешь для себя еще множество полезных сторон вершины ухода от жизни.

Стань в центр треугольника, и начни с мыслеобраза «человека». Затем переместись в позицию «зверя» – вершину противодействия жизни, оттуда шагни в вершину ухода от жизни, из нее – к слиянию с жизнью, потом снова вернись в центр и оттуда начни все сначала.

Я встал в центр и с легкостью воспроизвел состояние спокойной радости, из которого перешел в позицию зверя. С мыслеобразом слияния с жизнью трудностей почти не возникало, поскольку подобное состояние было для меня близким и естественным. Сложнее всего поначалу пришлось с уходом от жизни, но имеющийся опыт в формировании мыслеобразов сделал свое дело, и вскоре я без задержек курсировал между вершинами и центром треугольника жизни.

– Хватит, – остановил меня Учитель.

Со вздохом облегчения я опустил на землю. По лицу градом катился пот, сердце колотилось, как паровой молот. Хотя выполнение упражнения захватило меня целиком, изнеможение от эмоционального напряжения оказалось слишком сильным. Ли опустил на корточки рядом со мной и сильными быстрыми движениями начал растирать мне руки, плечи и грудь.

Когда мои ученики из Комитета, или, как мы его между собой называли, «Конторы», начали задавать мне вопросы о том, как преодолеть психологический барьер нанесения жестоких и кровавых увечий противнику собственными руками, я подумал, что мой собственный опыт и медитации осознания вряд ли смогут им помочь, и уже во время тренировок с Учителем на Партизанском водохранилище спросил у Ли, что я могу им посоветовать.

– Ты прав, медитации осознания – это не то, что сможет понадобиться в данном случае. Ты готовишься стать воином жизни, и твоя жестокость должна быть естественной жестокостью воина жизни, но они хотят стать просто воинами, хладнокровными машинами для убийства, и тут понадобится другая техника, пробивающая барьер страха с помощью волевых эманаций, преображающих потребность в выживании и доминировании в жажду уничтожения. Ты еще не прошел через этот этап, но его должен миновать каждый, кто хочет стать воином жизни.

Чтобы избавиться от пороков, надо особым образом пройти через них: чтобы не иметь тяги к извращениям, надо прочувствовать, что такое извращения; чтобы быть нормальным, нужно знать, что такое безумие; чтобы ценить жизнь, нужно ощутить вкус смерти. Обучение пороками – очень мощная техника, но в то же время и очень истощающая. Поэтому прежде чем стать порочным, ты должен уметь быть святым, чтобы, пройдя через порок, снова вернуться к состоянию спокойствия и гармонии. Перерезая горло животным с мыслеобразом отрешенного спокойствия, ты учился тому, как быть святым, но для того, чтобы сломать барьер страха перед насилием, нужно уметь становиться порочным.

– Не знаю, почему, но твои слова слегка пугают меня, – сказал я. – Только не говори, что ты собираешься сделать из меня извращенца.

– Почему бы и нет? – насмешливо спросил Ли. – У «Спокойных» ведь есть изречение, что человек, заставивший пороки служить себе, преуспеет во всем. Заметь разницу – извращенец служит порокам, а воин жизни заставляет пороки служить себе. В первом случае мы сталкиваемся со слабостью, а во втором – с силой. Влечение, делающее слабого человека безумцем или извращенцем, для воина жизни может оказаться уникальным ресурсом силы и власти, к которому он прибегает в особых случаях. Именно поэтому обучение пороками «Спокойные» начинают лишь на той стадии, когда сознание и внутренняя сила ученика сформировались настолько, что не позволят ему поддаться слабости.

– А как происходит обучение пороками? – заинтересованно спросил я.

– В свое время ты об этом узнаешь, – сказал Учитель. – А пока мы ограничимся одним из предварительных этапов воспитания воина, который называется "созданием второго лица" или техникой "зеркала ветра". Разница между любителем и профессионалом заключается в том, что любителю нравится делать то, что он делает, профессионал же выполняет свою работу отрешенно и безупречно даже в том случае, если то, что он делает, не доставляет ему особого удовольствия.

У воина-любителя не возникает моральных и этических проблем с собственной жестокостью. Он выбрал род занятий, предполагающий агрессию и насилие, потому что это отвечает его естественным склонностям. Случай твоих учеников из Комитета иной. Насилие, которое они совершают собственными руками, в силу каких-то причин вызывает в них внутренний конфликт, следствием которого являются отвращение и страх, лишаящие их действия эффективности. Одним из самых простых способов разрешения такого конфликта будет создание у такого человека "второй личности".

Эта вторая личность используется только в случаях профессиональной деятельности, а в остальных случаях она отходит на задний план и не дает о себе знать. «Мягкий» способ создания "второй личности" заключается в объяснении человеку целесообразности выполнения им некоторых профессиональных действий и в последующем обучении его выполнению этих действий. При таком обучении барьер страха и отвращения преодолевается постепенно и плавно по мере доведения навыков технических действий до полного автоматизма и отчуждения «профессиональной» личности от нормальной личности обучаемого. Пользуясь «мягким» методом ты со временем добьешься своего, не подвергаясь риску испортить отношения с КГБ, что могло бы случиться, если бы ты попытался применить гораздо более быстрые и эффективные, но слишком сильные и травмирующие психику людей с неподготовленным сознанием «жесткие» методы.

Постепенное развитие «второй» личности нужно подкреплять регулярными медитациями осоз-

нения целесообразности профессиональных техник и медитациями "воспоминания о том, чего не было". В них обучаемые должны с абсолютной достоверностью представлять себе ситуации, в которых они применяли бы вызывающие у них внутренний конфликт техники, повышая мотивацию преодоления психологического барьера созданием картин, в которых от правильно и вовремя выполненной техники зависела бы их жизнь или жизнь тех, кого они любят.

– А в чем заключаются «жесткие» методы? – заинтересованно спросил я.

– Это методы, быстро и неотвратно разрушающие психологические барьеры. Их опасность заключается в том, что, ломая внутренние преграды они могут уничтожить и саму личность, если она недостаточно сильна и сформирована. Обучение пороками и извращениями и некоторые другие техники относятся к "жестким методам". Не беспокойся, мы еще вернемся к этой теме.

Пару недель спустя после этого разговора я вернулся на Партизанское водохранилище после тренировки на Перевале и застал Учителя, весело играющим с очаровательным черно-белым котенком.

– Какая прелесть! – восхитился я. – Откуда ты его взял?

– Не важно, где я его взял. Главное – что я принес его для тебя, – сказал Ли.

Я взял котенка на руки и ласково почесал его за ушком. Он заурчал, как с трудом заводящийся мотоцикл, и выгнув спину дугой, принялся игриво тереться о мою грудь. Я всегда питал особую слабость к собакам и кошкам, но, к сожалению, мама, питавшая страсть к стерильной чистоте в доме, не смогла бы сосуществовать с животным, свободно разгуливающим по полу, столам и кроватям.

– Спасибо, – сказал я. – Это чудесный подарок. Боюсь, правда, что мама не позволит мне взять его домой.

– Тебе и не нужно брать его домой, – жестко сказал Учитель. – Я принес его для того, чтобы ты убил его своими собственными руками, и чтобы эта смерть была как можно более долгой, жестокой и мучительной.

– Ты шутишь? – спросил я, с недоверием глядя на Ли, но по непреклонному выражению его глаз я понял, что это не шутка. – Ты что, действительно хочешь, чтобы я убил его?

– Ты прекрасно расслышал то, что я сказал, – подтвердил Учитель. – Это всего лишь новый этап в обучении жестокости. На сей раз твоя жестокость не будет естественной и осознанной. Ты почувствуешь вкус извращенной жестокости, жестокости, доставляющей наслаждение, нечеловеческой и порочной.

Новые, непривычные для меня нотки, прозвучавшие в голосе Учителя, вызвали у меня ощущение тошноты. Неведомый мне раньше отвратительный животный страх поднялся откуда-то изнутри, отзываясь головокружением и спазмами в желудке. На спине выступили капли холодного липкого пота.

– Господи, что это со мной происходит? – в панике подумал я, лихорадочно пытаюсь понять причины такой преувеличенной и явно несоразмерной словам Ли реакции.

Я посмотрел ему в глаза. Взгляд Учителя был зафиксирован на мне, и выражение его лица, его глаз, мыслеобраз, исходящий от него и проникающий в меня все глубже и глубже, вызывал смутные воспоминания о чем-то ужасном, невыносимом и отвратительном, что уже когда-то случалось или должно было случиться со мной.

– Ли, что ты делаешь? – спросил я, пытаюсь глубоким дыханием контролировать охватывающую меня панику. Колоссальным усилием мне удалось сдержать подкатывающую к горлу рвоту. Отвращение и страх ослабевали, подчиняясь контролю, но не оставляли меня.

– Ты знаешь, что я делаю, – сказал Ли.

– Клянусь тебе, я этого не знаю.

– Значит я неправильно выразился. Может быть ты и не знаешь, но ты это чувствуешь.

– Конечно я что-то чувствую. Но я не понимаю, откуда пришло это чувство и что оно означает.

– Это барьер. Барьер, который тебе сегодня предстоит осознать и преодолеть, – смягчая выражение лица, с ободряющей улыбкой сказал Учитель.

Я в изнеможении присел на землю и прислонился спиной к валуну. Котенок вырвался у меня из рук, и слегка царапнув меня коготками сквозь брюки, соскользнул на землю. У меня промелькнула мысль, что вот сейчас он убежит в лес, и весь этот кошмар закончится.

Издавательская ухмылка Учителя показала мне, что он прекрасно осознает мою последнюю тщетную надежду. Подхватив жалобно мяукнувшего котенка за шиворот, он сунул его в мешок и стянул горловину веревкой.

– У него еще осталось немного времени, – бесстрастно произнес Ли и тоже опустился на землю недалеко от меня, разглядывая меня с явным интересом.

Несколько минут мы молчали. Я сосредоточился на глубоком дыхании, приводя в равновесие вышедшие из-под контроля эмоции, а Учитель расслабленно созерцал меня полуприщуренными глазами.

– Теперь, когда ты немного успокоился, – нарушил молчание Ли, – соберись и попробуй понять, что же все-таки произошло.

Я подумал, но ничего заслуживающего внимания мне в голову так и не пришло.

– По правде говоря, не знаю, – сказал я. – Наверно, дело в том, что я люблю кошек, а этот котенок еще так мал и очарователен, что мне неприятно лишать его жизни, тем более жестоким и мучительным способом.

– Ты ведь чувствуешь, что дело не в этом, – скептически скривив губы, отозвался Ли. – Если бы это была простая жалость, вряд ли ты оказался бы на грани того, чтобы потерять сознание.

– Пожалуй ты прав, – вынужден был согласиться я. – Но, возможно, мое состояние спровоцировал ты сам. Я воспринимал какой-то ужасный и мучительный мыслеобраз, исходящий от тебя и доводящий меня до безумия.

– Ты не прав. Это был не мой, а твой собственный мыслеобраз, всего лишь отраженный и усиленный мной. Этот мыслеобраз и есть твой внутренний барьер. Но мне бы хотелось, чтобы ты сам вспомнил и осознал его.

– Что я должен для этого предпринять? – спросил я, внутренне содрогаясь от мысли, что я должен буду вновь пройти через что-то подобное.

– Прежде всего успокойся и сделай свой ум чистым и восприимчивым, подключив к состоянию покоя осознание своей нити жизни. Потом вспомни, но в очень ослабленной и мягкой форме то состояние, которое ты испытал, и спроси себя: "что это?", "с чем это связано?", "почему это так болезненно для меня?". Задав себе эти вопросы, вновь очисти свое сознание от посторонних мыслей и жди, пока ответ не придет к тебе. Лишь зная ответ, ты сможешь разрушить этот барьер.

Я прикрыл глаза и попытался расслабиться. Смутное ощущение тревоги и скрытой опасности того, что я собираюсь сделать, долго не оставляли меня, не позволяя окончательно расслабиться. Я несколько раз выполнил руками жест истины, огромной как солнце, прося ее дать мне силы, и закончил двойным жестом спокойствия. Затем я вспомнил уже давно ставший привычным мне мыслеобраз спокойствия и тихой радости. Мягкие и успокаивающие потоки оргазмических ощущений начали омыwać мое тело, исходя из основных дань-тяней и опускаясь вниз от внутренней улыбки. Мне стало так уютно и хорошо, что, кажется, на какое-то время я погрузился в сон или в полусон, из которого меня вырвал тихий глуховатый голос, звучащий в моей голове.

– Что это? С чем это связано? Почему это так болезненно для меня? – монотонно, как заезженная пластинка, повторял голос.

В первый момент я не сообразил, о чем идет речь. Сознание потихоньку просыпалось, и я понял, что эти вопросы велел мне задать Учитель, вспомнив то состояние, которое я пережил. Воспроизвести его оказалось нетрудно. Оно возникло само, сразу вслед за мыслью, и тошнота была так сильна, что мне пришлось снова приложить усилия, чтобы заглушить ее, доведя до чуть заметного, почти исчезающего уровня.

– Что это? С чем это связано? Почему это так болезненно для меня? – спросил я себя, вложив в эти вопросы всю свою концентрацию, а затем вновь расслабился, погружаясь в уютную колыбель безмятежного сна.

Дикий разрывающий душу крик заставил меня вскочить на ноги. Он был непрерывным, резко изменяющимся в высоте тона и модуляции. Никогда раньше я не слышал ничего подобного. Крик рвал мне душу и одновременно притягивал меня. Я вскочил на ноги и изо всех сил помчался в направлении, откуда он доносился.

Какая-то новая мысль неотступно преследовала меня на бегу, но я никак не мог ее ухватить. Что-то меня беспокоило. Я бежал, но не так, как обычно. Я продвигался вперед слишком медленно, тело казалось чужим и неуклюжим, шаги были слишком короткими, и иногда я с трудом сохранял равновесие. Я посмотрел вниз и увидел маленькие детские ноги в коротких черных шортах и стоптанных коричневых сандалиях на босу ногу.

Я завернул за угол двухэтажного желтого домика с облупившейся штукатуркой и оказался на заднем дворе. Зрелище, открывшееся мне, лишило меня возможности двигаться и даже говорить. На какое-то мгновение все чувства замерли во мне. Потом мое тело содрогнулось, как от удара. Мне показалось, что какое-то чуждое и незнакомое существо проникло внутрь меня, в мой мозг, а в следующий момент я понял, что этим чуж-

дым существом был я сам, в своем обычном сознании взрослого человека. Я вспомнил, что то, что я вижу, действительно произошло со мной в далеком прошлом, но до сих пор оставалось затерянным где-то на самых задворках памяти.

Я мог наблюдать всю картину как бы со стороны, одновременно чувствуя ужас, охвативший меня в трехлетнем возрасте при виде крупного рыжевато-красного кота с пустыми глазницами и вспоротым животом. С застывшим оскалом окровавленной пасти кот тихонько раскачивался на собственных кишках, завязанных узлом на ветке дерева.

Кричал второй кот, которого, как я понял, через несколько минут ожидала участь первого. Он извивался на земле со связанными лапами. Двое мальчишек лет двенадцати-тринадцати, вооруженные перочинными ножиками, сидели на корточках около него и с торжественной важностью разыгрывали непонятную мне ритуальную церемонию. Один из них был судьей, другой – палач. Кота обвиняли в каких-то преступлениях, а потом мальчишки по очереди наносили ему неглубокие, но болезненные раны ножами, и отчаявшееся измученное животное заходило в крике бессильной тоски и ярости.

Эта бессильная ярость кота передалась и мне. Я хотел что-то сделать, закричать, позвать на помощь, броситься на мальчишек и сделать с ними то же самое, что они делали с котом, но я был слишком мал, слаб и испуган. Я по-прежнему стоял неподвижно, почти не дыша, и увлеченные своим занятием мучители меня не замечали. Когда нож вонзился в глазницу кота, мне показалось, что это мои глаза протыкает его окровавленное лезвие, но, по крайней мере, я снова начал ощущать свое тело и наконец смог пошевелиться.

Я медленно повернулся и пошел прочь. Я больше не хотел думать о том, что произошло. Я все равно не смог бы ничего изменить. Но я твердо знал только одно – я должен стать настолько сильным, чтобы никто и никогда не смог творить при мне несправедливости. Этого я не допущу, и я никогда не допущу, чтобы слабое и безобидное существо сделалось моей жертвой.

Видение растаяло. Я открыл глаза и посмотрел на Учителя. Страх и тошнота исчезли. Осталось только усталое безразличие, подобное тому, что появляется после сильного нервного напряжения.

– Вот ты и осознал свой внутренний барьер, – сказал Ли. – Теперь все будет проще. Тебе осталось лишь его преодолеть.

– Для этого я должен убить котенка? – спросил я, взглянув на мешок с затихшим в нем зверьком.

Мысль о том, что я буду вынужден убить его, на сей раз не вызвала у меня никаких чувств. Это было бы просто действием, которое я вынужден совершить, еще одной из вещей, необходимых при обучении воинскому искусству.

– Так просто ты не отделаешься, – сказал Ли. – Ты собираешься использоватьмыслеобразотрешенной естественной жестокости, которую ты и так уже достаточно развил. Было бы бессмысленно приносить в жертву котенка ради дополнительного подкрепления и без того устойчивого навыка.

– Тогда чего же ты хочешь от меня? – с недоумением спросил я. – Чтобы я его не убивал?

– Котенок должен умереть, – жестко сказал Учитель. – Я уже говорил тебе, что для того, чтобы избавиться от пороков, нужно пройти через них, для начала осознав их на чужом опыте. Бывают ситуации, в которых воин, питающий отвращение к пороку, проигрывает в битве с порочным и склонным к извращениям человеком именно потому, что его внутренние барьеры не позволяют ему становиться на одну доску с тем, кого в душе он считает моральным уродом.

Воин жизни хранит в копилке своих возможностей осознание всего, к чему он может прикоснуться, как прекрасного, так и отвратительного, и он выбирает гармонию и спокойствие не потому, что этого требуют его внутренние барьеры. Это – его сознательный выбор. Тот, кто в силу внутренних ограничений не может стать порочным ни при каких обстоятельствах, не способен сделать сознательный выбор. Он лишь слепо следует автоматическим указаниям, которые диктует ему подсознание. Лишь тот, кто умеет чувствовать и вести себя как порочный человек, может сделать сознательный выбор избегать пороков, но в случае, когда этого требуют обстоятельства, для него не трудно, воссоздав мыслеобраз порочности, сделать вид, что он на самом деле порочен, и, действуя так, добиться поставленных целей.

Извращения и пороки находятся у вершин треугольника жизни. Если мазохизм тяготеет к слиянию с жизнью, то садизм, особенно в его физических и сексуальных проявлениях обычно характерен для вершины противодействия жизни.

Сумев испытать и осознать вкус наслаждения садизмом, ты ближе подойдешь к пониманию то-

го, чем является вершина "сражения с большим драконом".

– Что же я должен сделать, чтобы почувствовать вкус наслаждения садизмом? – спросил я.

– Всего лишь использовать свои ресурсы, – ответил Учитель. – В зачаточном состоянии все виды пороков и извращений присутствуют в природе каждого человека. Обычно они подавляются или не получают дальнейшего развития, но так или иначе в тебе уже заложена склонность к садизму. Осталось лишь пробудить ее, отождествившись с внутренним опытом другого человека, зафиксировать соответствующий мыслеобраз, и, приведя в движение потоки сексуальной энергии, направить их в нужное русло мыслеобразом, подкрепленным волевыми эманациями.

Ты должен вернуться обратно в свои воспоминания о мучительной смерти котов, но на этот раз ты увидишь все не своими глазами, а глазами убийц, и ты почувствуешь наслаждение, которое доставляло им издевательство над животными. Запомнив этот мыслеобраз, ты, подкрепив его волевыми эманациями, выполнишь упражнение "шаг вперед – зверь, шаг назад – человек", и добившись сильного и почти неконтролируемого состояния «зверя», наложишь на него мыслеобраз от наслаждения мучениями других существ.

– Теоретически я понимаю, как это сделать, – сказал я. – Но как я могу почувствовать то же самое, что мальчишки из моего детства? Их психика и побуждения мне абсолютно чужды. Как же я могу понять их и, тем более, перевоплотиться в них?

– А это уже твоя проблема, дружок, – ответил Ли. – Не надо притворяться, что ты не знаешь, как это сделать. Ты имеешь все, что нужно для этого. Другое дело, что тебе неприятно перевоплощаться в мальчишек, потому что тебе кажется, что это представляет угрозу для твоей личности и индивидуальности. Ты боишься, что став кем-то другим, ты перестанешь быть самим собой. Наслаждение от садизма – слишком сильное и слишком поглощающее ощущение. Но запомни – ты становишься зверем, когда делаешь шаг вперед. Для того, чтобы вернуться к себе, тебе нужно сделать всего лишь шаг назад, и ты снова станешь человеком, но человеком, обогащенным неведомым тебе ранее опытом зверя. Ты ни в коем случае не утратишь себя, наоборот, познав глубины зла, ты укрепишь свою человечность.

У «Спокойных» есть изречение: "От человека всего один шаг до зверя и один шаг до небожителя. Знающий, куда идти, обретает истину".

Это изречение предназначено для медитаций интуитивного осознания, преследующих разные цели. Одно из его толкований относится как раз к управлению пороками: Знание о том, куда идти, предполагает понимание того, куда не надо идти. Это значит, что чтобы осознанно выбрать свой путь, надо сначала побывать там, куда идти не следует. Лишь в этом случае уверенность в выбранном пути обретает силу.

Другая пословица с несколькими разными толкованиями также в одном случае применима к теме управления пороками.

"Втройне сильнее тот, в ком я и не я шагают вместе."

С одной стороны здесь речь идет о разрешении внутренних конфликтов, а с другой – в принятии и использовании всех тайных и явных сторон своей личности, без отторжения, неприятия, угрызений совести или стыда.

А теперь вернись в свое видение и научись входить в вершину противодействия жизни без страха, сомнений и сожалений.

Слова Учителя смели последние остатки неуверенности и колебаний. Я вдруг понял, что в глубине души я действительно боялся потерять себя, перестать быть человеком, вступая в самые темные и отвратительные для меня области человеческой природы. Но теперь я знал с абсолютной уверенностью, что мне нужно будет сделать всего лишь шаг назад для того, чтобы вновь обрести человеческий облик, а то, что меня страшит – всего лишь далекая и пока неведомая часть меня самого, которую мне предстоит познать, и эта возможность новой ступени познания наполняла меня радостью и энтузиазмом.

Я расслабился и, прикрыв глаза, воссоздал ощущения ужаса от происходящего во дворе убийства. Прежние чувства захлестнули меня, и я вновь превратился в трехлетку, наблюдающего за садистами-мальчишками. Опять я обнаружил в себе два сознания – ребенка и взрослого. Взрослое сознание сфокусировалось на мальчишках. Я слушал их слова, впитывал в себя их эмоции. Сознание ребенка отключилось, и теперь только сегодняшний я находился в крохотном детском теле, начиная подражать мимике, телодвижениям и интонациям мальчишек.

Неведомые мне раньше любопытство, наслаждение и возбуждение прорастали в моей душе, заглушая мои собственные чувства. Я не сопротивлялся, помня, что мне доста-

точно сделать шаг назад, чтобы снова стать самим собой. На мгновение меня окутала темнота, и я понял, что нахожусь в другом теле. Я был гораздо выше, агрессивнее и сильнее. В руке я сжимал окровавленный нож, глядя на изрезанного, окровавленного, с выколотыми глазами кота. Кот еще дышал. Он уже не мог кричать, а только тихо хрипел. Волна оргазмических ощущений, возникшая в половых органах, заставила напрячься мой член, а затем, стремительно рванувшись вверх, разбилась о макушку головы и разлилась по телу, заставив каждую его клеточку трепетать от наслаждения. Запах крови пьянил меня. Я казался себе небожителем, держащим в своих руках ключи от жизни и смерти. Врезая кожу и мясо кота, я приближался к самому великому таинству на земле – к тому неведомому убежищу, где скрывалась сама жизнь, сама душа. Душа хотела уйти, и я был готов отпустить ее.

Одной рукой я прижал кота к земле. Воткнув нож ему в задний проход, я резким движением вспорол ему живот и вскрыл грудную клетку. Отвратительный запах изрезанных кишок ударил мне в ноздри, но почему-то он не был мне противен.

– Интересно, кто я сейчас – зверь или небожитель? – мелькнула мысль, на сей раз принадлежащая мне, а не мальчишке.

– Сделай шаг назад, – услышал я голос Учителя.

Автоматически я отступил и вновь очутился в своем детском теле, с ужасом и отвращением наблюдая за сценой убийства.

Содрогнувшись, я открыл глаза и видение исчезло.

– Вспомни мыслеобраз наслаждения от убийства, и соедини его с волевыми эманациями в упражнении "шаг вперед – зверь, шаг назад – человек". Когда ты будешь готов таким же образом убить котенка, ты дашь мне об этом знать.

Учитель достал из мешка котенка и сел на землю, поглаживая его. Рядом с собой он положил нож.

– Господи, неужели я все-таки это сделаю? – с ужасом подумал я, шагая вперед.

Мне было трудно сосредоточиться. Я воссоздал мыслеобраз, с каждым шагом вперед накручивая себя до истерического возбуждения. Энергетические потоки бушевали в дань-тянях и хаотически металась по телу. Агрессия и жажда убивать переполняли меня, стремясь выплеснуться наружу, но последний крохотный островок сознания удерживал меня от того, чтобы целиком отдаться всепоглощающему напору агрессии.

Собрав в кулак волю, я сконцентрировался на мысли, что у меня нет выбора, и я должен отбросить все, что мне мешает. Холодная ярость поднялась изнутри, уничтожив последний островок человечности.

– Я готов, – сказал я Учителю и поднял нож.

– Возьми котенка, – приказал он.

Я взял котенка у него из рук. Несколько долгих секунд я смотрел на него. У меня не было выбора. Я поднес нож к его голове.

Резкий удар по руке выбил из нее оружие.

– Только такой дурак как ты мог подумать, что я позволю угробить котенка, который, тем более, принадлежит моему лучшему другу, – с выражением крайнего недовольства произнес Учитель.

Гримаса отвращения на его лице скорее подошла бы престарелой английской леди, активистке общества защиты животных, обнаружившей, что ее дворецкий на досуге обрывает крылышки у мух и лапки у пауков.

Облегчение, которое я испытал, было невозможно описать. Я закрыл лицо руками и захохотал. По моему лицу катились слезы.

– Молодец. Ты был готов сделать это. Выполни скоростной бой с тенью, – сказал Ли.

Всю силу накопившейся во мне агрессии и ярости я вложил в резкие короткие серии ударов. Я кричал, как сумасшедший, катался по земле, круша и ломая кусты. Теперь, когда передо мной не было настоящей живой цели, мыслеобраз наслаждения от причинения боли реализовался в полную силу. Мне казалось, что я вижу своих воображаемых противников, слышу их стоны и хруст костей, когда я ломаю им руки и ноги, вырываю гортани и проламываю грудные клетки. Впервые насилие эмоционально связалось для меня с наслаждением, и это новое, ранее неизведанное чувство открывало во мне абсолютно новые, недоступные ранее возможности и силы. Я действительно ощущал себя

то зверем, то небожителем, и оба этих состояния давали высочайшее и тончайшее осознание мира.

– Сделай шаг назад, – резко крикнул Учитель. Я отступил и обеими руками выполнил жест Спокойствия. Покой и тихая радость наполняли меня, создавая удивительно прекрасное и мягкое настроение мира, красоты и гармонии. Казалось невероятным, что я, тот же самый человек, минуту назад мог кататься по земле, круша все, что попадалось под руку и захлебываясь криками звериной ярости.

– Ли, я и не представлял, как восхитительно быть человеком, – сказал я.

– Теперь ты знаешь, куда идти, – лукаво улыбаясь, отозвался он.

В течение нескольких недель я воспроизводил мыслеобраз наслаждения жестокостью в медитациях воспоминания и добился того, что он стал составной частью меня самого, не вызывая больше внутренних конфликтов, неприятия или отвращения. Жестокость уже не затрагивала моего сердца и не могла поглотить меня. Я был способен и наслаждаться ею, и мог оставаться к ней совершенно безразличным.

После очередного возвращения из совхоза «Жемчужный» Учитель повел меня вглубь леса. Он остановился у невысокого дерева, к которому был привязан огромный баран. Ненадолго оторвавшись от ошипывания травки, баран безразлично взглянул на нас и, натянув веревку, попробовал на вкус листву растущего рядом кустарника.

– Мыслеобраз наслаждения жестокостью не обретет реальной силы до тех пор, пока ты не подкрепишь его вкусом свежей крови, – сказал Ли. – Через этот этап должен пройти каждый воин жизни. Это животное в любом случае предназначено на заклание, и тебя не должно беспокоить то, что его плоть и кровь откроют тебе дорогу к вершине противодействия жизни.

– Что я должен сделать? Убить его? – спросил я.

– Ты должен воспроизвести мыслеобраз зверя, и не просто убить его голыми руками, а живьем разорвать на куски, сливаясь с его криком, его болью, запахом его крови и вкусом его мяса. Ты вырвешь сердце у него из груди и съешь его, но только в тот момент, когда все твое существо будет желать и жаждать этого.

Пытаясь собраться с мыслями, я сделал шаг в направлении к барану.

– Подожди! – остановил меня Учитель. – Сначала сними всю одежду, иначе потом ты ее не отстираешь.

Я медленно разделся догола, прикидывая, хватит ли у меня силы пальцами разорвать прочную баранью шкуру.

– Не вижу радости на твоем лице, – укоризненно покачал головой Ли. – Похоже, ты меня хочешь о чем-то спросить.

– Какой прием лучше использовать, чтобы вырвать у барана сердце? – задал я вопрос скорее для того, чтобы сказать что-либо, чем получить ответ.

– Не тни время. Ты прекрасно знаешь, как это сделать, с человеком, – сухо сказал Учитель.

Я попытался отвязать барашка от дерева, но Ли снова остановил меня.

– С таким настроением только тараканов давить, – сердито произнес он. – Сила воина не в его руках, а в его духе. Ты должен хотеть сделать то, что собираешься сделать, а не просто повиноваться приказу. Воспроизведи мыслеобраз наслаждения жестокостью, выполни упражнение "шаг вперед – зверь, шаг назад – человек", и когда волевые эманации жестокости станут настолько сильны, что ты не сможешь больше их сдерживать, твое тело само будет знать, что делать. Не трать больше время на бессмысленные вопросы и глупые колебания. То, что ты делаешь, не является преступлением против жизненности.

С первым же шагом мыслеобраз жестокости, соединенный с состоянием зверя произвел удивительный эффект. Тормоза, сдерживавшие меня в случае с котенком, исчезли. На фоне холодной контролируемой агрессии меня затопило дикое, животное чувство предвкушения смерти. Я двигался взад-вперед, поднимая после каждого момента спокойствия новые волны и потоки оргазмических ощущений, размывающих границы моего тела и превращающих меня в сгусток могучей, сметающей все на своем пути энергии. Автоматически я издавал короткие хриплые крики, которые Ли когда-то мне показал, называя их "песней смерти".

Руки и пальцы двигались, сжимаясь и разжимаясь неконтролируемыми аутодвижениями. Аутодвижения вызвали вибрацию всего тела, переходящую во вращение конечностей и туловища по разнонаправленным раскручивающимся спиралям. Я не мешал этому процессу, привычно оставаясь в роли отрешенного стороннего наблюдателя, и, когда биения тела уже почти понесли меня вразнос, я перебросил пульсацию пальцев и основных дань-тяней на соответствующие зоны тела барана и мысленно воспроизвел образ того, что ожидал от меня Ли.

Я скорее увидел, чем почувствовал, как мое тело стремительно двинулось к барану. Набросив на ладонь петлю, я резким рывком разорвал веревку, привязывающую его к дереву, и, ухватив его за рог одной рукой, нанес первый удар, вонзив ему в горло крепкий заостренный на изломе сук. Я наносил удар за ударом, а потом, как мне показалось, бесконечно долго сдерживал биения его тела, плотно обхватив его скрещенными ногами, пока, наконец, не наступила смерть.

Я использовал мертвое тело для отработки ударов ножом, потом перешел к ударам и захватам без оружия. Пальцы раздирали мясо и шкуру животного почти без усилий, входя в его тело, как нож входит в масло. Кровь брызгала мне в лицо и на грудь, возбуждая своей влажностью и резким пьянящим запахом.

Жар и влага внутренних органов, ласкающих мою кисть, вызвали во мне новый поток оргазмических ощущений, отозвавшийся в голове и внизу живота. Рука нащупала в глубине тела еще горячее сердце, и, прижав тушу барана ногой, резким движением я вырвал его и поднес к своим глазам. Моя рука и зажатый в ней кусок мяса, казалось, светились. Я мог видеть потоки ци, циркулирующие в ней, и угасающий отблеск жизни и силы в сочащемся кровью сердце. Мои зубы вцепились в него. Я, почти не жуя, глотал один за другим его кусочки, чувствуя, как нечто волшебное и мистическое входит в меня вместе с ними. Это была другая жизнь, и в то же время это было новое знание. Я сливался с чем-то, изменяясь, и в то же время оставаясь самим собой. Как молния, меня пронзило острое и бесповоротное осознание произошедших во мне изменений. То, что я сделал, не было обычным упражнением. Это действительно был этап, в очередной раз изменивший мою личность и мою жизнь.

– Ты победил Большого Дракона, – откуда-то издалека донесся до меня голос Ли.

Мы молча сидели у костра и пили земляничный чай, закусывая его сдобным печеньем. По указанию Учителя я около часа плавал в водохранилище, смывая кровь и выполняя упражнения, освобождающие тело от остаточных аутодвижений и самопроизвольных выбросов энергии. Глядя на оббитые края белой эмалированной кружки, я наслаждался тишиной, покоем и удивительно новым и тонким ощущением жизни, воцарившимися в моей душе.

Как ни странно, воспоминания о том, что произошло, не вызывали во мне горьких или неприятных чувств. Наоборот, меня переполняла удивительная нежность и любовь ко всему, что меня окружало – к дымящейся кружке с чаем, к костру, к погруженному в свои мысли Учителю, к воде, земле и прекрасному лесу, дающему нам приют. Я хотел спросить Ли, что же именно во мне изменилось, и почему у меня возникло это новое, хотя и привычное для меня, но в чем-то совершенно иное восприятие мира, но мне было так хорошо, что я боялся спугнуть это чувство, задавая вопрос.

Учитель поставил кружку с чаем на землю и с мягкой улыбкой взглянул на меня.

– Тот, кто не знает, сомневается, – сказал он. – Тот, кто видит лишь крошечный кусочек мира и самого себя, не знает ни самого себя, ни мира, и сомнения лишают его душу покоя. Лишь путник, вернувшийся из дальних странствий, способен вполне насладиться прелестью домашнего очага. В этот момент он избавляется от сомнений и жажд, толкающих его продолжать путь.

Сейчас ты находишься в самом центре треугольника жизни, вернувшись из дальнего пути к одной из его вершин. Истина в том, что не познав вершин, невозможно оценить преимущество равновесия центра.

– Но если это лишь миг равновесия, значит нам предстоит снова отправиться в путь. А где же тогда конец пути? Разве смысл не в том, чтобы навсегда приблизиться к центру?

– Если повезет, когда-нибудь ты об этом узнаешь, – задумчиво сказал Ли, снова поднося к губам кружку с чаем.